

КАРМЕН

PROSPER MÉRIMÉE

CARMEN

ACADEMIA

1936

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

КАРМЕН

ПЕРЕВОД

М. ЛОЗИНСКОГО

ACADEMIA

Москва—Ленинград

*Иллюстрации — гравюры на дереве
В. Л. Фаворского; по его же рисункам
переплет*

В настоящем издании параллельно даются французский текст и русский перевод. Французский текст — по изданию Librairie Ancienne Honore Champion, Paris 1927, воспроизводящему первое издание 1846 (1847) г.

КАРМЕН

Πᾶσα γυνή κόλος ἐστὶν ἔχει δ'ἀγαθὰς
· δύο ὥρας,
Τὴν μίαν ἐν θαλάμῳ, τὴν μίαν ἐν θανάτῳ.

Palladas.

I

J'avais toujours soupçonné les géographes de ne savoir ce qu'ils disent lorsqu'ils placent le champ de bataille de Munda dans le pays des Bastuli-Pœni, près de la moderne Monda, à quelque deux lieues au nord de Marbella. D'après mes propres conjectures sur le texte de l'anonyme auteur du *Bellum Hispaniense* et quelques renseignements recueillis dans l'excellente bibliothèque du duc d'Osuna, je pensais qu'il fallait chercher aux environs de Montilla le lieu mémorable où, pour la dernière fois, César joua quitte ou double contre les champions de la république. Me trouvant en Andalousie au commencement de l'automne de 1830, je fis une assez longue excursion pour éclaircir les doutes qui me restaient encore. Un mémoire que je publierai prochainement ne laissera plus, je l'espère, aucune incertitude dans l'esprit de tous les archéologues de bonne foi. En attendant que ma dissertation résolve enfin le problème géographique qui tient toute l'Europe savante en suspens,

Всякая женщина — зло; но дважды бы-
вает хорошей:
Или на ложе любви, или на смертном одре.

Паллад.

I

Мне всегда казалось, что географы сами не знают, что говорят, помещая поле битвы при Мунде в стране пунических бастулов, близ теперешней Монды, милях в двух к северу от Марбельи. Согласно собственным моим конъектурам к тексту анонимного автора *Bellum Hispaniense* и кое-каким сведениям, почерпнутым в превосходной библиотеке герцога Осунского, я полагал, что достопамятное место, где Цезарь в последний раз сыграл на всё против защитников республики, следует искать в окрестностях Монтильи. Находясь в Андалузии ранней осенью 1830 года, я совершил довольно дальнюю поездку, чтобы разрешить еще оставшиеся у меня сомнения. Исследование, которое я в скором времени обнаружую, окончательно убедит, я надеюсь, всех добросовестных археологов. Пока моя диссертация еще не разъяснила географической загадки, которая смущает всю ученую Европу,

je veux vous raconter une petite histoire; elle ne préjuge rien sur l'intéressante question de l'emplacement de Munda.

J'avais loué à Cordoue un guide et deux chevaux, et m'étais mis en campagne avec les *Commentaires de César* et quelques chemises pour tout bagage. Certain jour, errant dans la partie élevée de la plaine de Cachena, harassé de fatigue, mourant de soif, brûlé par un soleil de plomb, je donnais au diable de bon cœur César et les fils de Pompée, lorsque j'aperçus, assez loin du sentier que je suivais, une petite pelouse verte parsemée de joncs et de roseaux. Cela m'annonçait le voisinage d'une source. En effet, en m'approchant, je vis que la prétendue pelouse était un marécage où se perdait un ruisseau, sortant, comme il semblait, d'une gorge étroite entre deux hauts contreforts de la sierra de Cabra. Je conclus qu'en remontant le ruisseau, je trouverais de l'eau plus fraîche, moins de sangsues et de grenouilles, et peut-être un peu d'ombre au milieu des rochers. À l'entrée de la gorge, mon cheval hennit, et un autre cheval, que je ne voyais pas, lui répondit aussitôt. À peine eus-je fait une centaine de pas, que la gorge, s'élargissant tout à coup, me montra une espèce de cirque naturel parfaitement ombragé par la hauteur des escarpements qui l'entouraient. Il était impossible de rencontrer un lieu qui promît au voyageur une halte plus agréable. Au pied de rochers à pic, la source s'élançait en bouillonnant et tombait dans un petit bassin tapissé d'un sable blanc comme la neige. Cinq à six

я хочу вам рассказать небольшую повесть; она ни в чем не предвещает интересного вопроса о местонахождении Мунды.

Я нанял в Кордове проводника и двух лошадей и двинулся в поход, не имея иной поклажи, кроме *Комментариев Цезаря* и нескольких рубашек. И вот однажды, скитаясь по возвышенной части Каченской равнины, изнемогая от усталости, умирая от жажды, сжигаемый раскаленным солнцем, я от всей души посылая к чорту Цезаря и сыновей Помпея, как вдруг заметил, поодаль от тропинки, по которой я следовал, небольшую зеленую лужайку, усеянную камышами и тростником. Это возвещало мне близость источника. И действительно, когда я подъехал, предполагаемая лужайка оказалась болотом, в котором терялся ручей, вытекавший, повидимому, из тесного ущелья меж двух высоких уступов сьерры де-Кабра. Я решил, что, подымаясь по течению, я найду воду чище, меньше пиявок и лягушек и, быть может, немного тени среди утесов. При въезде в ущелье мой конь заржал, и тотчас же ему ответил другой конь, мне невидимый. Не успел я проехать и ста шагов, как ущелье, вдруг расширившись, обнаружило передо мной как бы природный цирк, сплошь затененный высотой окружающих его откосов. Трудно было найти место, сулящее путнику более приятный привал. У подножья отвесных скал ручей мчался, кипя, и впадал в небольшой водоем, устланный белоснежным песком. Пять-шесть прекрасных

beaux chênes verts, toujours à l'abri du vent et rafraîchis par la source, s'élevaient sur ses bords, et la couvraient de leur épais ombrage; enfin, autour du bassin, une herbe fine, lustrée, offrait un lit meilleur qu'on n'en eût trouvé dans aucune auberge à dix lieues à la ronde.

A moi n'appartenait pas l'honneur d'avoir découvert un si beau lieu. Un homme s'y reposait déjà, et sans doute dormait, lorsque j'y pénétrai. Réveillé par les hennissements, il s'était levé et s'était rapproché de son cheval, qui avait profité du sommeil de son maître pour faire un bon repas de l'herbe aux environs. C'était un jeune gaillard, de taille moyenne, mais d'apparence robuste, au regard sombre et fier. Son teint, qui avait dû être beau, était devenu, par l'action du soleil, plus foncé que ses cheveux. D'une main il tenait le licol de sa monture, de l'autre une espingole de cuivre. J'avouerai que d'abord l'espingole et l'air farouche du porteur me surprirent quelque peu; mais je ne croyais plus aux voleurs, à force d'en entendre parler et de n'en rencontrer jamais. D'ailleurs, j'avais vu tant d'honnêtes fermiers s'armer jusqu'aux dents pour aller au marché, que la vue d'une arme à feu ne m'autorisait pas à mettre en doute la moralité de l'inconnu. „Et puis, me disais-je, que ferait-il de mes chemises et de mes *Commentaires* Elzévir?“ Je saluai donc l'homme à l'espingole d'un signe de tête familier, et je lui demandai en souriant si j'avais troublé son sommeil. Sans me répondre, il me toisa de la tête aux pieds;

зеленых дубов, всегда защищенных от ветра и освежаемых ручьем, росли по берегам, осеняя его своей густой листвой; наконец, вокруг водоема, мягкая, лоснящаяся трава предлагала ложе, подобного которому было бы не сыскать ни в одной харчевне на десять миль кругом.

Не мне принадлежала честь открытия столь красивых мест. Там уже отдыхал какой-то человек, и, когда я появился, он, повидимому, спал. Разбуженный ржанием, он встал и подошел к своему коню, который было воспользовался сном хозяина, чтобы плотно пообедать окрестной травой. То был молодой малый, среднего роста, но по виду сильный, с мрачным и гордым взглядом. Цвет его лица; должно быть красивый когда-то, стал, под действием солнца, темнее его волос. Одной рукой он взялся за недоуздок, в другой держал медный мушкетон. Сознáюсь, что в первый миг мушкетон и свирепый облик его обладателя меня несколько озадачили; но я перестал верить в разбойников, постоянно про них слыша и никогда с ними не сталкиваясь. К тому же я встречал столько честных поселян, вооружавшихся до зубов, чтобы ехать на рынок, что вид огнестрельного оружия не давал мне права подвергать сомнению нравственность незнакомца. „И потом, — подумал я, — на что ему мои рубашки и эльзевировские *Комментарии*?“ Поэтому я приветствовал человека с мушкетоном дружеским кивком и спросил его, улыбаясь, не нарушил ли я его сон. Он молча смерил меня взглядом от головы до ног; потом,

puis, comme satisfait de son examen, il considéra avec la même attention mon guide, qui s'avavançait. Je vis celui-ci pâlir et s'arrêter en montrant une terreur évidente. „Mauvaise rencontre!“ me dis-je. Mais la prudence me conseilla aussitôt de ne laisser voir aucune inquiétude. Je mis pied à terre; je dis au guide de débri-der, et, m'agenouillant au bord de la source, j'y plongeai ma tête et mes mains; puis je bus une bonne gorgée, couché à plat ventre, comme les mauvais soldats de Gédéon.

J'observais cependant mon guide et l'inconnu. Le premier s'approchait bien à contre-cœur; l'autre semblait n'avoir pas de mauvais desseins contre nous, car il avait rendu la liberté à son cheval, et son espingole, qu'il tenait d'abord horizontale, était maintenant dirigée vers la terre.

Ne croyant pas devoir me formaliser du peu de cas qu'on avait paru faire de ma personne, je m'étendis sur l'herbe, et d'un air dégagé je demandait à l'homme à l'espingole s'il n'avait pas un briquet sur lui. En même temps je tirais mon étui à cigares. L'inconnu, toujours sans parler, fouilla dans sa poche, prit son briquet, et s'empressa de me faire du feu. Evidemment il s'humanisait, car il s'assit en face de moi, toutefois sans quitter son arme. Mon cigare allumé, je choisiss le meilleur de ceux qui me restaient, et je lui demandai s'il fumait.

— Oui, monsieur, répondit-il.

C'étaient les premiers mots qu'il faisait entendre, et je remarquai qu'il ne prononçait pas l's

как бы удовлетворенный осмотром, столь же внимательно взглянул на подъезжавшего проводника. Я видел, как тот побледнел и остановился, выказывая явный испуг. „Дурная встреча!“ — подумал я. Но благоразумие тотчас же подсказало мне не проявлять ни малейшего беспокойства. Я слез с лошади, велел проводнику разнуздать ее и, опустившись на колени у ручья, погрузил в него голову и руки; потом выпил изрядный глоток, лежа ничком, как плохие воины Гедеоны.

Тем временем я наблюдал за своим проводником и за незнакомцем. Первый приближался с видимой неохотой; второй же как будто не замышлял против нас ничего дурного, ибо коня он отпустил, а мушкетон, который он сперва держал наперевес, теперь был опущен к земле.

Не считая нужным обижаться на недостаточное внимание, оказанное моей особе, я растянулся на траве и с непринужденным видом спросил у человека с мушкетоном, нет ли у него огня. В то же время я вынул портсигар. Незнакомец, всё так же молча, порылся у себя в кармане, достал огниво и поспешил высечь для меня огонь. Бесспорно, он делался общительнее, ибо сел против меня, не расставаясь однакоже с оружием. Закурив, я выбрал лучшую из оставшихся у меня сигар и спросил его, курит ли он.

— Да, сеньор, — ответил он.

То были первые слова, которые он произнес, и я заметил, что с он произносит не

à la manière andalouse,¹ d'où je conclus que c'était un voyageur comme moi, moins archéologue seulement.

— Vous trouverez celui-ci assez bon, lui dis-je, en lui présentant un véritable régalia de la Havane.

Il me fit une légère inclination de tête, alluma son cigare au mien, me remercia d'un autre signe de tête, puis se mit à fumer avec l'apparence d'un très vif plaisir.

— Ah! s'écria-t-il en laissant échapper lentement sa première bouffée par la bouche et les narines, — comme il y avait longtemps que je n'avais fumé!

En Espagne, un cigare donné et reçu établit des relations d'hospitalité, comme en Orient le partage du pain et du sel. Mon homme se montra plus causant que je ne l'avais espéré. D'ailleurs, bien qu'il se dît habitant du partido de Montilla, il paraissait connaître le pays assez mal. Il ne savait pas le nom de la charmante vallée où nous nous trouvions; il ne pouvait nommer aucun village des alentours; enfin, interrogé par moi s'il n'avait pas vu aux environs des murs détruits, de larges tuiles à rebords, des pierres sculptées, il confessa qu'il n'avait jamais fait attention à pareilles choses. En revanche, il se montra expert en matière de chevaux. Il critiqua le mien, ce qui n'était pas difficile; puis il me fit la généalogie du sien, qui

¹ Les Andalous aspirent l's et la confondent dans la prononciation avec le c doux et le z, que les Espagnols prononcent comme le th anglais. Sur le seul mot *Señor* on peut reconnaître un Andalous.

по-андалузски, ¹ из чего я заключил, что это путешественник, как и я, только что не археолог.

— Вот эта недурна, — сказал я, предлагая ему настоящую гаванскую регалию.

Он слегка наклонил голову, запалил свою сигару о мою, поблагодарил вторичным кивком, потом принялся курить со всей видимостью живейшего удовольствия.

— Ах! — воскликнул он, медленно выпуская первый клуб дыма изо рта и ноздрей, — как давно я не курил!

В Испании угощение сигарой устанавливает отношения гостеприимства, подобно тому как на Востоке дележ хлеба и соли. Незнакомец оказался разговорчивее, чем я думал. Впрочем, хоть он и заявил, что живет в монтильском округе, он был, повидимому, довольно плохо знаком с местностью. Он не знал наименования прелестной долины, где мы находились; не мог назвать ни одной окрестной деревни; наконец, когда я его спросил, не встречал ли он поблизости разрушенных стен, больших черепиц с закраинами, изваянных камней, он признался, что на подобные вещи никогда не обращал внимания. Зато он выказал себя знатоком по части лошадей. Он раскритиковал мою, что было не трудно; потом рассказал мне родословную своего коня, знаме-

¹ Андалузцы произносят *s* с придыханием, так что смешивают его с мягким *s* и *z*, которые испанцами выговариваются, как английское *th*. По одному лишь слову *señor* можно узнать андалузца.

sortait du fameux haras de Cordoue: noble animal, en effet, si dur à la fatigue, à ce que prétendait son maître, qu'il avait fait une fois trente lieues dans un jour, au galop ou au grand trot. Au milieu de sa tirade, l'inconnu s'arrêta brusquement, comme surpris et fâché d'en avoir trop dit.

— C'est que j'étais très pressé d'aller à Cordoue, reprit-il avec quelque embarras. J'avais à solliciter les juges pour un procès...

En parlant, il regardait mon guide Antonio, qui baissait les yeux.

L'ombre et la source me charmaient tellement, que je me souvins de quelques tranches d'excellent jambon que mes amis de Montilla avaient mis dans la besace de mon guide. Je les fis apporter, et j'invitai l'étranger à prendre sa part de la collation impromptu. S'il n'avait pas fumé depuis longtemps, il me parut vraisemblable qu'il n'avait pas mangé depuis quarante-huit heures au moins. Il dévorait comme un loup affamé. Je pensai que ma rencontre avait été providentielle pour le pauvre diable. Mon guide, cependant, mangeait peu, buvait encore moins, et ne parlait pas du tout, bien que depuis le commencement de notre voyage il se fût révélé à moi comme un bavard sans pareil. La présence de notre hôte semblait le gêner, et une certaine méfiance les éloignait l'un de l'autre sans que j'en devinasse positivement la cause.

Déjà les dernières miettes du pain et du jambon avaient disparu; nous avons fumé chacun un second cigare; j'ordonnai au guide de brider nos

нитого кордовского завода; действительно, благородное животное, такое выносливое, по словам хозяина, что прошло однажды тридцать миль за день, галопом и крупной рысью. Посреди своей речи незнакомец вдруг запнулся, словно спохватившись и сердясь, что сказал лишнее.

— Дело в том, что я очень торопился в Кордову, — продолжал он с легким смущением. — Мне надо было хлопотать в суде по поводу одной тяжбы...

Говоря это, он смотрел на Антонио, моего проводника, который потупил взгляд.

Тень и ручей настолько меня очаровали, что я вспомнил про ломти превосходной ветчины, положенные моими монтильскими друзьями в сумку моего проводника. Я велел их принести и пригласил незнакомца принять участие в походном завтраке. Если он давно не курил, то не ел он, должно быть, по меньшей мере двое суток. Он глотал, как голодный волк. Я решил, что встреча со мною ниспослана бедному малому свыше. Проводник мой, между тем, ел мало, пил еще того меньше и не говорил вовсе, хотя с самого начала нашего путешествия проявил себя беспримерным болтуном. Присутствие нашего гостя, повидимому, его стесняло, и какая-то недоверчивость отстраняла их друг от друга, хоть я и не мог разгадать ее причины.

Уже исчезли последние крошки хлеба и ветчины; мы выкурили каждый по второй сигаре; я велел проводнику взнуздать лошадей

chevaux, et j'allais prendre congé de mon nouvel ami, lorsqu'il me demanda où je comptais passer la nuit.

Avant que j'eusse fait attention à un signe de mon guide, j'avais répondu que j'allais à la venta del Cuervo.

— Mauvais gîte pour une personne comme vous, monsieur... J'y vais, et, si vous me permettez de vous accompagner, nous ferons route ensemble.

— Très volontiers, dis-je en montant à cheval.

Mon guide, qui me tenait l'étrier, me fit un nouveau signe des yeux. J'y répondis en haussant les épaules, comme pour l'assurer que j'étais parfaitement tranquille, et nous nous mîmes en chemin.

Les signes mystérieux d'Antonio, son inquiétude, quelques mots échappés à l'inconnu, surtout sa course de trente lieues et l'explication peu plausible qu'il en avait donnée, avaient déjà formé mon opinion sur le compte de mon compagnon de voyage. Je ne doutai pas que je n'eusse affaire à un contrebandier, peut-être à un voleur; mais que m'importait? Je connaissais assez le caractère espagnol pour être très sûr de n'avoir rien à craindre d'un homme qui avait mangé et fumé avec moi. Sa présence même était une protection assurée contre toute mauvaise rencontre. D'ailleurs, j'étais bien aise de savoir ce que c'est qu'un brigand. On n'en voit pas tous les jours, et il y a un certain charme à se trouver auprès d'un être dangereux, surtout lorsqu'on le sent doux et apprivoisé.

и собирался проститься с моим новым приятелем, как вдруг тот меня спросил, где я думаю провести ночь.

Не успев обратить внимания на предостерегающий знак проводника, я ответил, что направляюсь в Воронью венту.

— Скверный ночлег для такого человека, как вы, сеньор... Я тоже туда еду, и, если вы мне позволите вас проводить, мы поедем вместе.

— С удовольствием, — сказал я, садясь в седло.

Проводник, державший стремя, снова мне подмигнул. Я в ответ пожал плечами, как бы говоря ему, что нисколько не тревожусь, и мы двинулись в путь.

Таинственные знаки Антонио, его беспокойство, некоторые вырвавшиеся у незнакомца слова, в особенности же его тридцатимильный пробег и малоправдоподобное объяснение такого уже помогли мне составить мнение о моем попутчике. Я не сомневался, что имею дело с контрабандистом, быть может с вором; но не все ли мне было равно? Я достаточно хорошо знал характер испанцев, чтобы быть вполне уверенным, что мне нечего бояться человека, который со мной поел и покурил. Самое его присутствие было надежной защитой на случай какой-либо дурной встречи. К тому же я был рад узнать, что такое разбойник. С ними видишься не каждый день, и есть известная прелесть в соседстве человека опасного, в особенности, когда чувствуешь его кротким и прирученным.

J'espérais amener par degrés l'inconnu à me faire des confidences, et, malgré les clignements d'yeux de mon guide, je mis la conversation sur les voleurs de grand chemin. Bien entendu que j'en parlai avec respect. Il y avait alors en Andalousie un fameux bandit nommé José-Maria, dont les exploits étaient dans toutes les bouches. „Si j'étais à côté de José-Maria?“ me disais-je... Je racontai les histoires que je savais de ce héros, toutes à sa louange d'ailleurs, et j'exprimai hautement mon admiration pour sa bravoure et sa générosité.

— José-Maria n'est qu'un drôle, dit froidement l'étranger.

„Se rend-il justice, ou bien est-ce excès de modestie de sa part?“ me demandais-je mentalement; car, à force de considérer mon compagnon, j'étais parvenu à lui appliquer le signalement de José-Maria, que j'avais lu affiché aux portes de mainte ville d'Andalousie.— Oui, c'est bien lui... Cheveux blonds, yeux bleus, grande bouche, belles dents, les mains petites; une chemise fine, une veste de velours à boutons d'argent, des guêtres de peau blanche, un cheval bai... Plus de doute! Mais respectons son incognito.

Nous arrivâmes à la venta. Elle était telle qu'il me l'avait dépeinte, c'est-à-dire une des plus misérables que j'eusse encore rencontrées. Une grande pièce servait de cuisine, de salle à manger et de chambre à coucher. Sur une pierre plate, le feu se faisait au milieu de la chambre, et la fumée sortait par un trou pratiqué dans le toit,

Я надеялся понемногу вызвать незнакомца на откровенность и, невзирая на подмигивания проводника, навел разговор на разбойников с большой дороги. Разумеется, я отзывался о них почтительно. В то время в Андалузии имелся знаменитый бандит, по имени Хосé-Мария, подвиги которого были у всех на устах. „Что, если рядом со мной Хосé-Мария?“ — говорил я себе... Я повторил рассказы, которые слышал об этом герое, все, впрочем, к его чести, и громко выразил восхищение его храбростью и великодушием.

— Хосé-Мария просто шут, — холодно произнес незнакомец.

„Судит он себя по заслугам, или же это излишняя скромность с его стороны?“ — спрашивал я себя мысленно; ибо, всматриваясь в своего спутника, я обнаруживал в нем приметы Хосé-Марии, объявления о которых видывал на воротах многих андалузских городов. — Да, это он... Светлые волосы, голубые глаза, большой рот, отличные зубы, маленькие руки; тонкая рубашка, бархатная куртка с серебряными пуговицами, белые кожаные гетры, гнедая лошадь... Никаких сомнений! Но не будем нарушать его инкогнито.

Мы подъехали к венте. Она оказалась именно такой, как он мне ее описал, то есть одной из самых жалких, какие я когда-либо встречал. Большая комната служила и кухней, и столовой, и спальней. Огонь разводился тут же посредине, на плоском камне, и дым выходил через проделанную в крыше дыру,

ou plutôt s'arrêtait, formant un nuage à quelques pieds au-dessus du sol. Le long du mur, on voyait étendues par terre cinq ou six vieilles couvertures de mulets; c'étaient les lits des voyageurs. A vingt pas de la maison, ou plutôt de l'unique pièce que je viens de décrire, s'élevait une espèce de hangar servant d'écurie. Dans ce charmant séjour, il n'y avait d'autres êtres humains, du moins pour le moment, qu'une vieille femme et une petite fille de dix à douze ans, toutes les deux de couleur de suie et vêtues d'horribles haillons.

„Voilà donc tout ce qui reste, me dis-je, de la population de Munda Bœtica! O César! o Sextus Pompée! que vous seriez surpris si vous reveniez au monde!“

En apercevant mon compagnon, la vieille laissa échapper une exclamation de surprise.

— Ah! seigneur don José! s'écria-t-elle.

Don José fronça le sourcil, et leva une main d'un geste d'autorité qui arrêta la vieille aussitôt. Je me tournai vers mon guide, et, d'un signe imperceptible, je lui fis comprendre qu'il n'avait rien à m'apprendre sur le compte de l'homme avec qui j'allais passer la nuit. Le souper fut meilleur que je ne m'y attendais. On nous servit, sur une petite table haute d'un pied, un vieux coq fricassé avec du riz et force piments, puis des piments à l'huile, enfin du *gaspacho*, espèce de salade de piments. Trois plats ainsi épicés nous obligèrent de recourir souvent à une outre de vin de Montilla qui se trouva délicieux. Après avoir mangé, avisant une mandoline

или, вернее, задерживался, образуя облако в нескольких футах над землей. Вдоль стен было разостлано пять или шесть старых ослиных попон; то были постели для путешественников. В двадцати шагах от дома, или, вернее, от этой единственной, описанной мною комнаты, возвышалось нечто вроде сарая, служившего конюшней. В этом прелестном жилище не было иных живых существ, по крайней мере в ту минуту, кроме старухи и девочки лет десяти-двенадцати, черных, как сажа, и одетых в ужасные лохмотья.

„И это всё, что осталось, — подумал я, — от населения Бетической Мунды! О Цезарь! О Секст Помпей! Как бы вы удивились, если бы вернулись в мир!“

При виде моего спутника, у старухи вырвалось удивленное восклицание.

— Ах! Сеньор дон Хосé! — промолвила она.

Дон Хосé нахмурил брови и поднял руку повелительным движением, тотчас же заставившим старуху замолчать. Я обернулся к проводнику и сделал ему незаметный знак, давая понять, что ему нечего пояснять мне, с каким человеком я собираюсь провести ночь. Ужин был лучше, нежели я ожидал. Нам подали на маленьком столике, не выше фута, старого вареного петуха с рисом и множеством перца, потом перец на постном масле, наконец *гаспачо*, нечто вроде салата из перца. Благодаря этим трем острым блюдам нам пришлось часто прибегать к бурдюку с монтильским вином, которое оказалось превосходным. После ужина, заметив

accrochée contre la muraille, — il y a partout des mandolines en Espagne, — je demandai à la petite fille qui nous servait si elle savait en jouer.

— Non, répondit-elle; mais don José en joue si bien!

— Soyez assez bon, lui dis-je, pour me chanter quelque chose; j'aime à la passion votre musique nationale.

— Je ne puis rien refuser à un monsieur si honnête, qui me donne de si excellents cigares, s'écria don José d'un air de bonne humeur; et, s'étant fait donner la mandoline, il chanta en s'accompagnant. Sa voix était rude, mais pourtant agréable, l'air mélancolique et bizarre; quant aux paroles, je n'en compris pas un mot.

— Si je ne me trompe, lui dis-je, ce n'est pas un air espagnol que vous venez de chanter. Cela ressemble aux *zorzicos* que j'ai entendus dans les *Provinces*,¹ et les paroles doivent être en langue basque.

— Oui, répondit don José d'un air sombre.

Il posa la mandoline à terre, et, les bras croisés, il se mit à contempler le feu qui s'éteignait, avec une singulière expression de tristesse. Éclairée par une lampe posée sur la petite table, sa figure, à la fois noble et farouche, me rappelait le Satan de Milton. Comme lui peut-être, mon compagnon songeait au séjour qu'il avait quitté,

¹ *Les provinces privilégiées*, jouissant de *fueros* particuliers, c'est-à-dire l'Alava, la Biscaille, la Guipuzcoa et une partie de la Navarre. [Le basque est la langue du pays.— *Ed.* 1852.]

висевшую на стене мандолину, — в Испании повсюду мандолины, — я спросил прислуживавшую нам девочку, умеет ли она на ней играть.

— Нет, — отвечала она. — Но дон Хосé так хорошо играет!

— Будьте так добры, — обратился я к нему, — спойте мне что-нибудь; я страстно люблю вашу национальную музыку.

— Я ни в чем не могу отказать столь любезному господину, который угощает меня такими великолепными сигарами, — весело воскликнул дон Хосé; и, велев подать себе мандолину, запел, подыгрывая на ней. Голос его был груб, но приятен, напев — печален и странный; что же касается слов, то я ничего не понял.

— Если я не ошибаюсь, — сказал я ему, — это вы пели не испанскую песню. Она похожа на *сорсико*, которые мне приходилось слышать в *Провинциях*,¹ а слова, должно быть, баскские.

— Да, — мрачно ответил дон Хосé.

Он положил мандолину наземь и, скрестив руки, стал смотреть на потухавший огонь, с видом какой-то странной грусти. Освещенное стоявшей на столике лампой, его лицо, благородное и в то же время свирепое, напоминало мне Мильтоновского Сатану. Быть может, как и он, мой спутник думал о покинутом крае,

¹ *Привилегированные провинции*, пользующиеся особыми правами, то есть Алава, Бискайя, Гипускоа и часть Наварры. Местный язык там — баскский.

à l'exil qu'il avait encouru par une faute. J'essayai de ranimer la conversation, mais il ne répondit pas, absorbé qu'il était dans ses tristes pensées. Déjà la vieille s'était couchée dans un coin de la salle, abritée derrière une couverture trouée tendue sur une corde. La petite fille l'avait suivie dans cette retraite réservée au beau sexe. Mon guide alors, se levant, m'invita à le suivre à l'écurie; mais, à ce mot, don José, comme réveillé en sursaut, lui demanda d'un ton brusque où il allait.

— A l'écurie, répondit le guide.

— Pourquoi faire? les chevaux ont à manger. Couche ici, monsieur le permettra.

— Je crains que le cheval de monsieur ne soit malade; je voudrais que monsieur le vît: peut-être saura-t-il ce qu'il faut lui faire.

Il était évident qu'Antonio voulait me parler en particulier; mais je ne me souciais pas de donner des soupçons à don José, et, au point où nous en étions, il me semblait que le meilleur parti à prendre était de montrer la plus grande confiance. Je répondis donc à Antonio que je n'entendais rien aux chevaux, et que j'avais envie de dormir. Don José le suivit à l'écurie, d'où bientôt il revint seul. Il me dit que le cheval n'avait rien, mais que mon guide le trouvait un animal si précieux, qu'il le frottait avec sa veste pour le faire transpirer, et qu'il comptait passer la nuit dans cette douce occupation. Cependant, je m'étais étendu sur les couvertures de mulets, soigneusement enveloppé dans mon manteau, pour ne pas les toucher.

об изгнании, постигшем его по его вине. Я старался оживить беседу, но он не отвечал, поглощенный своими печальными мыслями. Старуха уже улеглась в углу комнаты, за дырявым одеялом, повешенным на веревке. Девочка последовала за ней в это убежище, предназначенное для прекрасного пола. Тогда мой проводник, встав, пригласил меня сходить с ним в конюшню; но при этих словах дон Хосé, словно вдруг очнувшись, резко спросил его, куда он идет.

— В конюшню, — отвечал проводник.

— Зачем? У лошадей есть корм. Ложись здесь, сеньор позволит.

— Я боюсь, не больна ли лошадь сеньора; мне бы хотелось, чтобы сеньор ее посмотрел; может быть, он укажет, что с ней делать.

Было ясно, что Антонио желает поговорить со мной наедине; но мне не хотелось возбуждать подозрений в дон Хосе, и я полагал, что в этом случае лучше всего выказать полнейшее доверие. Поэтому я ответил Антонио, что в лошадях ничего не смыслю и хочу спать. Дон Хосé пошел за ним в конюшню и вскоре вернулся оттуда один. Он сказал мне, что у лошади ничего нет, но что мой проводник считает ее таким драгоценным животным, что трет ее своей курткой, чтобы она вспотела, и собирается провести ночь за этим приятным занятием. Тем временем я улегся на ослиные попоны, старательно закутавшись в плащ, чтобы к ним не прикасаться.

Après m'avoir demandé pardon de la liberté qu'il prenait de se mettre auprès de moi, don José se coucha devant la porte, non sans avoir renouvelé l'amorce de son espingole, qu'il eut soin de placer sous la besace qui lui servait d'oreiller. Cinq minutes après nous être mutuellement souhaité le bonsoir, nous étions l'un et l'autre profondément endormis.

Je me croyais assez fatigué pour pouvoir dormir dans un pareil gîte; mais, au bout d'une heure, de très désagréables démangeaisons m'arrachèrent à mon premier somme. Dès que j'en eus compris la nature, je me levai, persuadé qu'il valait mieux passer le reste de la nuit à la belle étoile que sous ce toit inhospitalier. Marchant sur la pointe du pied, je gagnai la porte, enjambant pardessus la couche de don José, qui dormait du sommeil du juste, et je fis si bien que je sortis de la maison sans qu'il s'éveillât. Auprès de la porte était un large banc de bois; je m'étendis dessus, et m'arrangeai de mon mieux pour achever ma nuit. J'allais fermer les yeux pour la seconde fois, quand il me sembla voir passer devant moi l'ombre d'un homme et l'ombre d'un cheval, marchant l'un et l'autre sans faire le moindre bruit. Je me mis sur mon séant, et je crus reconnaître Antonio. Surpris de le voir hors de l'écurie à pareille heure, je me levai et marchai à sa rencontre. Il s'était arrêté, m'ayant aperçu d'abord.

— Où est-il? me demanda Antonio à voix basse.

— Dans la venta; il dort; c'est qu'il n'a pas peur des punaises. Pourquoi donc emmenez-vous ce cheval?

Попросив у меня извинения за то, что он осмеливается лечь рядом со мной, дон Хосé расположился у двери, предварительно освежив порох в своем мушкетоне, который он озаботился положить под сумку, служившую ему подушкой. Пожелав друг другу покойной ночи, оба мы через пять минут спали глубоким сном.

Я считал себя достаточно усталым, чтобы спать в подобном пристанище; но час спустя пренеприятный зуд нарушил мою дремоту. Как только я понял его природу, я встал, в убеждении, что лучше провести остаток ночи под открытым небом, чем под этим негостеприимным кровом. Я на цыпочках подошел к двери, перешагнув через ложе дон Хосé, почивавшего сном праведника, и ухитрился выйти из дому, не разбудив его. Возле двери была широкая деревянная скамья; я растянулся на ней и устроился, как мог, чтобы доспать ночь. Я уже собрался вторично закрыть глаза, как вдруг мне почудилось, будто передо мною проходят тень человека и тень коня, движущихся совершенно бесшумно. Я приподнялся на своем ложе, и мне показалось, что я вижу Антонио. Удивленный его выходом из конюшни в такой поздний час, я встал и пошел ему навстречу. Он остановился, увидев меня первым.

— Где он? — шопотом спросил меня Антонио.

— В венте; спит; он не боится клопов. Куда это вы ведете лошадь?

Je remarquai alors que, pour ne pas faire de bruit en sortant du hangar, Antonio avait soigneusement enveloppé les pieds de l'animal avec les débris d'une vieille couverture.

— Parlez plus bas, me dit Antonio, au nom de Dieu! Vous ne savez donc pas qui est cet homme-là. C'est José Navarro, le plus insigne bandit de l'Andalousie. Toute la journée je vous ai fait des signes que vous n'avez pas voulu comprendre.

— Bandit ou non, que m'importe? répondis-je; il ne nous a pas volés, et je parierais qu'il n'en a pas envie.

— À la bonne heure; mais il y a deux cents ducats pour qui le livrera. Je sais un poste de lanciers à une lieue et demie d'ici, et avant qu'il soit jour, j'amènerai quelques gaillards solides. J'aurais pris son cheval, mais il est si méchant que nul que le Navarro ne peut en approcher.

— Que le diable vous emporte! lui dis-je. Quel mal vous a fait ce pauvre homme pour le dénoncer? D'ailleurs, êtes-vous sûr qu'il soit le brigand que vous dites?

— Parfaitement sûr; tout à l'heure il m'a suivi dans l'écurie et m'a dit: „Tu as l'air de me connaître; si tu dis à ce bon monsieur qui je suis, je te fais sauter la cervelle“. Restez, monsieur, restez auprès de lui; vous n'avez rien à craindre. Tant qu'il vous saura là, il ne se méfiera de rien.

Tout en parlant, nous nous étions déjà assez éloignés de la venta pour qu'on ne pût entendre les fers du cheval. Antonio l'avait débarrassé en un clin d'œil des guenilles dont il lui avait enveloppé

Тут я заметил, что Антонио, дабы не шуметь, выходя из сарая, тщательно закутал животному ноги в обрывки старой попоны.

— Говорите тише, — сказал мне Антонио, — ради бога! Вы не знаете, что это за человек. Это Хосé Наварро, знаменитейший бандит Андалузии. Я весь день делал вам знаки, которых вы не желали понимать.

— Бандит или не бандит, не всё ли равно? — отвечал я. — Нас он не ограбил, и я держу пари, что он об этом и не помышляет.

— Пусть так; но тому, кто его выдаст, полагается двести дукатов. В полутора милях отсюда я знаю уланский пост и еще до зари приведу сюда несколько дюжих молодцов. Я бы взял его коня, но он такой злой, что никого не подпускает к себе, кроме Наварро.

— Чорт бы вас побрал! — сказал я ему. — Что худого вам сделал этот несчастный, чтобы его выдавать? И потом, уверены ли вы, что это и есть тот разбойник, о котором вы говорите?

— Вполне уверен; давеча он прошел за мной в конюшню и сказал мне: „Ты как будто меня знаешь; если ты скажешь этому доброму господину, кто я такой, я пушу тебе пулю в лоб“. Оставайтесь, сеньор, оставайтесь с ним; вам нечего бояться. Пока вы тут, он ни о чем не догадается.

Разговаривая, мы настолько отошли от венты, что звука подков уже не могло быть слышно. Антонио мигом освободил коня от отрепьев, которыми он ему окутал ноги; он собирался

les pieds; il se préparait à enfourcher sa monture. J'essayai prières et menaces pour le retenir.

— Je suis un pauvre diable, monsieur, me disait-il; deux cents ducats ne sont pas à perdre, surtout quand il s'agit de délivrer le pays de pareille vermine. Mais prenez garde: si le Navarero se réveille, il sautera sur son espingole, et gare à vous! Moi, je suis trop avancé pour reculer; arrangez-vous comme vous pourrez.

Le drôle était en selle; il piqua des deux, et dans l'obscurité je l'eus bientôt perdu de vue.

J'étais fort irrité contre mon guide et passablement inquiet. Après un instant de réflexion, je me décidai et rentrai dans la venta. Don José dormait encore, réparant sans doute en ce moment les fatigues et les veilles de plusieurs journées aventureuses. Je fus obligé de le secouer rudement pour l'éveiller. Jamais je n'oublierai son regard farouche et le mouvement qu'il fit pour saisir son espingole, que, par mesure de précaution, j'avais mise à quelque distance de sa couche.

— Monsieur, lui dis-je, je vous demande pardon de vous éveiller; mais j'ai une sottise question à vous faire: seriez-vous bien aise de voir arriver ici une demi-douzaine de lanciers?

Il sauta en pieds, et d'une voix terrible:

— Qui vous l'a dit? me demanda-t-il.

— Peu importe d'où vient l'avis, pourvu qu'il soit bon.

— Votre guide m'a trahi, mais il me le payera. Où est-il?

— Je ne sais... Dans l'écurie, je pense... mais quelqu'un m'a dit...

сесть в седло. Я мольбами и угрозами пытался его удержать.

— Я бедный человек, сеньор, — отвечал он. — Двумястами дукатов брезговать не придется, в особенности, когда представляется случай избавить край от такой язвы. Но смотрите: если Наварро проснется, он схватится за мушкетон, и тогда берегись! Я-то слишком далеко зашел, чтобы отступить; устраивайтесь, как знаете.

Мошенник уже сидел верхом; он прищпорил коня, и впопыхах я скоро потерял его из виду.

Я был очень рассержен на своего проводника и изрядно встревожен. Поразмыслив минуту, я решился и вошел в венту. Дон Хосé всё еще спал, вероятно набираясь сил после трудов и тревожений нескольких беспокойных дней. Мне пришлось основательно встряхнуть его, чтобы разбудить. Я никогда не забуду его дикого взгляда и движения, которое он сделал, чтобы схватить мушкетон, предусмотрительно оставленный мною подалее от постели.

— Сеньор, — сказал я ему, — извините, что я вас бужу; но у меня есть к вам глупый вопрос: было ли бы вам приятно, если бы сюда явился полдюжины улан?

Он вскочил на ноги и спросил меня утрашающим голосом:

— Кто вам это сказал?

— Если совет хорош, то чей он не важно.

— Ваш проводник меня предал, но он заплатится! Где он?

— Не знаю... В конюшне, должно быть... но мне сказали...

*

— Qui vous a dit?... Ce ne peut-être la vieille...

— Quelqu'un que je ne connais pas... Sans plus de paroles, avez-vous, oui ou non, des motifs pour ne pas attendre les soldats? Si vous en avez, ne perdez pas de temps, sinon bonsoir, et je vous demande pardon d'avoir interrompu votre sommeil.

— Ah! votre guide! votre guide! Je m'en étais méfié d'abord... mais... son compte est bon!.. Adieu, monsieur. Dieu vous rende le service que je vous dois. Je ne suis pas tout à fait aussi mauvais que vous me croyez... oui; il y a encore en moi quelque chose qui mérite la pitié d'un galant homme... Adieu, monsieur... Je n'ai qu'un regret, c'est de ne pouvoir m'acquitter envers vous.

— Pour prix du service que je vous ai rendu, promettez-moi, don José, de ne soupçonner personne, de ne pas songer à la vengeance. Tenez, voilà des cigares pour votre route; bon voyage!

Et je lui tendis la main.

Il me la serra sans répondre, prit son espingole et sa besace, et, après avoir dit quelques mots à la vieille dans un argot que je ne pus comprendre, il courut au hangar. Quelques instants après, je l'entendais galoper dans la campagne.

Pour moi, je me recouchai sur mon banc, mais je ne me rendormis point. Je me demandais si j'avais eu raison de sauver de la potence un voleur, et peut-être un meurtrier, et cela seulement parce que j'avais mangé avec lui du jambon et du riz à la valencienne. N'avais-je pas trahi

— Кто вам сказал? Это не могла быть старуха...

— Кто-то, кого я не знаю... Без дальних слов, есть у вас основания не дожидаться солдат или нет? Если есть, то не теряйте времени, а если нет, то покойной ночи и извините меня, что я прервал ваш сон.

— Ах, этот ваш проводник, этот ваш проводник! Он мне сразу показался подозрительным... но... ничего, мы с ним считаемся!.. Прощайте, сеньор! Да воздаст вам бог за услугу, которую вы мне оказали. Я не настолько уж плох, как вы можете думать... да; во мне что-то есть еще, что заслуживает сострадания порядочного человека... Прощайте, сеньор... Я жалею об одном, что ничем не могу отплатить вам.

— В отплату за мою услугу обещайте мне, дон Хосé, никого не подозревать, не думать о мести. Натé, вот вам сигары на дорогу; счастливого пути!

И я протянул ему руку.

Он молча пожал ее, взял свой мушкетон и сумку и, сказав что-то старухе на непонятном мне наречии, побежал к сараю. Несколько мгновений спустя я слышал, как он скачет по равнине.

Я же снова лег на скамью, но уснуть не мог. Я задавал себе вопрос, правильно ли я поступил, спасая от виселицы вора и, быть может, убийцу, потому только, что поел с ним ветчины и рису по-валенсийски. Не предал ли

mon guide qui soutenait la cause des lois; ne l'avais-je pas exposé à la vengeance d'un scélé-rat? Mais les devoirs de l'hospitalité!.. Pré-jugé de sauvage, me disais-je; j'aurai à répondre de tous les crimes que le bandit va commettre... Pourtant est-ce un préjugé que cet instinct de conscience qui résiste à tous les raisonnements? Peut-être, dans la situation délicate où je me trouvais, ne pouvais-je m'en tirer sans remords. Je flottais encore dans la plus grande incertitude au sujet de la moralité de mon action, lorsque je vis paraître une demi-douzaine de cavaliers avec Antonio, qui se tenait prudemment à l'arrière-garde. J'allai au-devant d'eux, et les prévins que le bandit avait pris la fuite depuis plus de deux heures. La vieille, interrogée par le brigadier, répondit qu'elle connaissait le Navarro, mais que, vivant seule, elle n'aurait jamais osé risquer sa vie en le dénonçant. Elle ajouta que son habitude, lorsqu'il venait chez elle, était de partir toujours au milieu de la nuit. Pour moi, il me fallut aller, à quelques lieues de là, exhiber mon passeport et signer une déclaration devant un alcade, après quoi on me permit de reprendre mes recherches archéologiques. Antonio me gardait rancune, soupçonnant que c'était moi qui l'avais empêché de gagner les deux cents ducats. Pourtant nous nous séparâmes bons amis à Cordoue; là, je lui donnai une gratification aussi forte que l'état de mes finances pouvait m'en permettre,

я своего проводника, совершавшего законное дело; не обрек ли я его мести негодяя? Но долг гостеприимства!.. Дикарский предрассудок, — говорил я себе; — я буду ответствен за все преступления, которые учинит этот бандит... Но предрассудок ли, однако, этот внутренний голос, не сдающийся ни на какие доводы? Быть может, из щекотливого положения, в котором я очутился, мне нельзя было выйти без укуров совести. Я всё еще пребывал в величайшей неуверенности относительно нравственности моего поступка, как вдруг увидел подюжины приближающихся всадников, с Антонио, благоразумно следовавшим в арьергарде. Я пошел им навстречу и сообщил, что бандит спасся бегством тому уже два с лишним часа. Старуха на вопрос ефрейтора отвечала, что Наварро она знает, но что, живя одиноко, она ни за что бы не донесла на него, потому что могла бы поплатиться за это жизнью. Она добавила,, что когда он у нее останавливается, он всегда уезжает среди ночи. Мне же пришлось отправиться за несколько миль предъявить паспорт и подписать заявление у алькайда, после чего мне разрешили продолжать мои археологические разыскания. Антонио был на меня зол, подозревая, что это я помешал ему заработать двести дукатов. Всё же в Кордове мы расстались друзьями; там я его вознаградил, на — сколько то позволяло состояние моих финансов.

II

Je passai quelques jours à Cordoue. On m'avait indiqué certain manuscrit de la bibliothèque des Dominicains, où je devais trouver des renseignements intéressants sur l'antique Munda. Fort bien accueilli par les bons Pères, je passais les journées dans leur couvent, et le soir je me promenais par la ville. A Cordoue, vers le coucher du soleil, il y a quantité d'oisifs sur le quai qui borde la rive droite du Guadalquivir. Là, on respire les émanations d'une tannerie qui conserve encore l'antique renommée du pays pour la préparation des cuirs; mais, en revanche, on y jouit d'un spectacle qui a bien son mérite. Quelques minutes avant l'*angélus*, un grand nombre de femmes se rassemblent sur le bord du fleuve, au bas du quai, lequel est assez élevé. Pas un homme n'oserait se mêler à cette troupe. Aussitôt que l'*angélus* sonne, il est censé qu'il fait nuit. Au dernier coup de cloche, toutes ces femmes se déshabillent et entrent dans l'eau. Alors ce sont des cris, des rires, un tapage infernal. Du haut du quai, les hommes contemplant les baigneuses, écarquillant les yeux, et ne voyant pas grand'chose,

II

В Кордове я провел несколько дней. Мне указали на одну рукопись доминиканской библиотеки, где я мог найти интересные сведения о древней Мунде. Весьма радушно принятый добрыми монахами, дни я проводил в их монастыре, а вечером гулял по городу. В Кордове, на закате солнца, на набережной, идущей вдоль правого берега Гвадалкивира, бывает много праздного народу. Там дышишь испарениями кожевенного завода, донныне поддерживающего старинную славу тамошних мест по части выделки кож; но зато можно любоваться зрелищем, которое чего-нибудь да стоит. За несколько минут до *ангелуса* множество женщин собирается на берегу реки, внизу набережной, которая довольно высока. Ни один мужчина не посмел бы вмешаться в эту толпу. Когда звонит *ангелус*, считается, что настала ночь. При последнем ударе колокола все эти женщины раздеваются и входят в воду. И тут поднимаются крик, смех, адский шум. С набережной мужчины смотрят на купальщиц, таращат глаза, и мало что видят. Между тем, эти смутные

Cependant ces formes blanches et incertaines qui se dessinent sur le sombre azur du fleuve font travailler les esprits poétiques, et, avec un peu d'imagination, il n'est pas difficile de se représenter Diane et ses nymphes au bain, sans avoir à craindre le sort d'Actéon. On m'a dit que quelques mauvais garnements se cotisèrent certain jour, pour graisser la patte au sonneur de la cathédrale et lui faire sonner l'*angélus* vingt minutes avant l'heure légale. Bien qu'il fit encore grand jour, les nymphes du Guadalquivir n'hésitèrent pas, et se fiant plus à l'*angélus* qu'au soleil, elles firent en sûreté de conscience leur toilette de bain, qui est toujours des plus simples. Je n'y étais pas. De mon temps, le sonneur était incorruptible, le crépuscule peu clair, et un chat seulement aurait pu distinguer la plus vieille marchande d'oranges de la plus jolie grisette de Cordoue.

Un soir, à l'heure où l'on ne voit plus rien, je fumais, appuyé sur le parapet du quai, lorsqu'une femme, remontant l'escalier qui conduit à la rivière, vint s'asseoir près de moi. Elle avait dans les cheveux un gros bouquet de jasmin, dont les pétales exhalaient le soir une odeur enivrante. Elle était simplement, peut-être pauvrement vêtue, tout en noir, comme la plupart des grisettes dans la soirée. Les femmes comme il faut ne portent le noir que le matin; le soir, elles s'habillent à *la francesa*. En arrivant auprès de moi, ma baigneuse laissa glisser sur ses épaules la mantille qui lui couvrait la tête, et, à *l'obscurité qui tombe des étoiles*, je vis qu'elle était

белые очертания, вырисовывающиеся на темной синеве реки, приводят в действие поэтические умы, и, при некотором воображении, нетрудно представить себе купающуюся с нимфами Диану, не боясь при этом участи Актеона. Мне рассказывали, что однажды несколько сорванцов сложилось и задобрило соборного звонаря, чтобы он прозвонил *ангелус* двадцатью минутами раньше урочного часа. Хотя было еще совсем светло, гвадалкивирские нимфы не стали колебаться и, полагаясь больше на *ангелус*, чем на солнце, со спокойной совестью совершили свой купальный туалет, который всегда крайне прост. Меня при этом не было. В мое время звонарь был неподкупен, сумерки — темны, и только кошка могла бы отличить самую старую торговку апельсинами от самой хорошенькой кордовской гризетки.

Однажды вечером, в час, когда ничего уже не видно, я курил, облокотясь на перила набережной, и в это время какая-то женщина, поднявшись по лестнице от реки, села рядом со мной. В волосах у нее был большой букет жасмина, лепестки которого издают вечером одуряющий запах. Одетая она была просто, пожалуй даже бедно, во всё черное, как большинство гризеток по вечерам. Женщины из общества носят черное только утром; вечером они одеваются *à la francesa*. Подходя ко мне, моя купальщица уронила на плечи мантилью, покрывавшую ей голову, и в свете сумрачном, *струящемся от звезд*,¹ я увидел, что она

¹ Стих из Корнелева „Сида“. — Прим. переводчика.

petite, jeune, bien faite, et qu'elle avait de très grands yeux. Je jetai mon cigare aussitôt. Elle comprit cette attention d'une politesse toute française, et se hâta de me dire qu'elle aimait beaucoup l'odeur du tabac, et que même elle fumait, quand elle trouvait des *papelitos* bien doux. Par bonheur, j'en avais de tels dans mon étui, et je m'empressai de lui en offrir. Elle daigna en prendre un, et l'alluma à un bout de corde enflammé qu'un enfant nous apporta moyennant un sou. Mêlant nos fumées, nous causâmes si longtemps, la belle baigneuse et moi, que nous nous trouvâmes presque seuls sur le quai. Je crus n'être point indiscret en lui offrant d'aller prendre des glaces à la *neveria*.¹ Après une hésitation modeste elle accepta; mais avant de se décider, elle désira savoir quelle heure il était. Je fis sonner ma montre, et cette sonnerie parut l'étonner beaucoup.

— Quelles inventions on a chez vous, messieurs les étrangers! De quel pays êtes-vous, monsieur? Anglais sans doute?²

— Français et votre grand serviteur. Et vous mademoiselle, ou madame, vous êtes probablement de Cordoue?

¹ Café pourvu d'une glacière, ou plutôt d'un dépôt de neige. En Espagne, il n'y a guère de village qui n'ait sa *neveria*.

² En Espagne, tout voyageur qui ne porte pas avec lui des échantillons de calicot ou de soieries passe pour un Anglais, *Inglesito*. Il en est de même en Orient. À Chalcis, j'ai eu l'honneur d'être annoncé comme un *Μιλῶρδος Φραντζέσος*.

невысока ростом, молода, хорошо сложена и что у нее огромные глаза. Я тотчас же бросил сигару. Она оценила этот вполне французский знак внимания и поспешила мне сказать, что очень любит запах табака и даже сама курит, когда ей случается найти мягкие *папелито*. По счастью, у меня в портсигаре как раз такие были, и я счел долгом ей их предложить. Она сооблаговолила взять один и закурила его о кончик горячей веревки, которую за медную монету нам принес мальчик. Смешивая клубы дыма, мы с прекрасной купальщицей так заговорились, что очутились на набережной почти одни. Я счел, что не поступаю нескромно, предложив ей пойти в *неверию*¹ съесть мороженого. Немного подумав, она согласилась; но прежде, чем решиться, захотела узнать, который час. Я поставил свои часы на бой, и этот звон очень ее удивил.

— Каких только изобретений у вас нет, у иностранцев! Из какой вы страны, сеньор? Англичанин, должно быть?²

— Француз и ваш покорнейший слуга. А вы, сеньорита или сеньора, вы, вероятно, родом из Кордовы?

¹ Кафе, где имеется ледник, или, вернее, склад снега. В Испании в каждой деревне есть такая *неверия*.

² В Испании всякого путешественника, у которого нет с собой образцов коленкора или шелка, считают англичанином, *инглесито*. То же самое на Востоке. В Халкиде я имел честь быть представленным, как *Μιλóρδος Φραγτζέσος*.

— Non.

— Vous êtes du moins Andalouse. Il me semble le reconnaître à votre doux parler.

— Si vous remarquez si bien l'accent du monde, vous devez bien deviner qui je suis.

— Je crois que vous êtes du pays de Jésus, à deux pas du paradis.

(J'avais appris cette métaphore, qui désigne l'Andalousie, de mon ami Francisco Sevilla, picador bien connu.)

— Bah! le paradis... les gens d'ici disent qu'il n'est pas fait pour nous.

— Alors, vous seriez donc Moresque, ou... je m'arrêtai, n'osant dire: juive.

— Allons, allons! vous voyez bien que je suis bohémienne; voulez-vous que je vous dise la *baji*?¹ Avez-vous entendu parler de la Carmencita? C'est moi.

J'étais alors un tel mécréant, il y a de cela quinze ans, que je ne reculai pas d'horreur en me voyant à côté d'une sorcière. „Bon! me dis-je; la semaine passée, j'ai soupé avec un voleur de grands chemins, allons aujourd'hui prendre des glaces avec une servante du diable. En voyage il faut tout voir“. J'avais encore un autre motif pour cultiver sa connaissance. Sortant du collège, je l'avouerai à ma honte, j'avais perdu quelque temps à étudier les sciences occultes et même plusieurs fois j'avais tenté de conjurer l'esprit des ténèbres. Guéri depuis longtemps de la passion de semblables recherches, je n'en conservais pas moins

¹ la bonne aventure

— Нет.

— Во всяком случае, вы андалузка. Я это слышу по вашему мягкому выговору.

— Если вы так хорошо различаете произношение, вы должны догадаться, кто я.

— Я полагаю, что вы из страны Иисуса, в двух шагах от рая.

(Этой метафоре, означающей Андалузию, меня научил мой приятель Франсиско Севилья, известный пикадор.)

— Да, рай... Здешние люди говорят, что он создан не для нас.

— Так, значит, вы мавританка или... — Я запнулся, не смея сказать: еврейка.

— Да полноте! Вы же видите, что я цыганка; хотите, я вам скажу *бахи*?¹ Слышали вы когда-нибудь о Карменсите? Это я.

В те времена — тому уже пятнадцать лет — я был таким нехристом, что не отшатнулся в ужасе, увидев рядом с собой ведьму. „Что ж? — подумал я. — На той неделе я ужинал с грабителем с большой дороги, покушаем сегодня мороженого с приспешницей дьявола. Когда путешествуешь, надо видеть всё“. У меня была и другая причина поддержать с ней знакомство. По выходе из коллежа, — признаюсь к своему стыду, — я убил некоторое время на изучение тайных наук и даже несколько раз пытался заклинать духа тьмы. Давно уже исцелившись от страсти к подобного рода изысканиям, я всё же продолжал относиться с известным

¹ погадаю

un certain attrait de curiosité pour toutes les superstitions, et me faisais une fête d'apprendre jusqu'où s'était élevé l'art de la magie parmi les bohémiens.

Tout en causant, nous étions entrés dans la *neveria*, et nous nous étions assis à une petite table éclairée par une bougie renfermée dans un globe de verre. J'eus alors tout le loisir d'examiner ma *gitana* pendant que quelques honnêtes gens s'ébahissaient, en prenant leurs glaces, de me voir en si bonne compagnie.

Je doute fort que mademoiselle Carmen fut de race pure, du moins elle était infiniment plus jolie que toutes les femmes de sa nation que j'aie jamais rencontrées. Pour qu'une femme soit belle, il faut, disent les Espagnols, qu'elle réunisse trente *si*, ou, si l'on veut, qu'on puisse la définir au moyen de dix adjectifs applicables chacun à trois parties de sa personne. Par exemple, elle doit avoir trois choses noires: les yeux, les paupières et les sourcils; trois fines: les doigts, les lèvres, les cheveux, etc. Voyez Brantôme pour le reste. Ma bohémienne ne pouvait prétendre à tant de perfections. Sa peau, d'ailleurs parfaitement unie, approchait fort de la teinte du cuivre. Ses yeux étaient obliques, mais admirablement fendus; ses lèvres un peu fortes, mais bien dessinées et laissant voir des dents plus blanches que des amandes sans leur peau. Ses cheveux, peut-être un peu gros, étaient noirs, à reflets bleus comme l'aile d'un corbeau, longs et luisants. Pour ne pas vous fatiguer d'une description trop prolixie, je vous dirai en somme

любопытством ко всяческим суевериям, и теперь рад был случаю узнать, на какой высоте стоит искусство магии у цыган.

Беседуя, мы вошли в *неверію* и уселись за столик, озаренный свечой под стеклянным колпачком. Тут я мог вдоволь разглядывать свою *хитану*, в то время как добрые люди, сидя за мороженым, дивились, видя меня в таком обществе.

Я сильно сомневаюсь в чистокровности сеньориты Кармен; во всяком случае, она была бесконечно красивее всех ее соплеменниц, которых я когда-либо встречал. Чтобы женщина была красива, надо, говорят испанцы, чтобы она совмещала тридцать *если*, или, если угодно, чтобы ее можно было определить при помощи десяти прилагательных, применимых каждое к трем частям ее особы. Так, три вещи у нее должны быть черные: глаза, веки и брови; три—тонкие: пальцы, губы, волосы, и т. д. Об остальном можете справиться у Брантома.¹ Моя цыганка не могла притязать на все эти совершенства. Ее кожа, правда, безукоризненно гладкая, цветом близко напоминала медь. Глаза у нее были раскосые, но чудесно вырезанные; губы немного полные, но красиво очерченные, и за ними виднелись зубы, белее очищенных миндалин. Ее волосы, быть может, немного грубые, были черные, с синим, как вороново крыло, отливом, длинные и блестящие. Чтобы не утомлять вас слишком подробным описанием, скажу

¹ Имеется в виду сочинение Брантома (ок. 1534—1614) „*Vies des dames galantes*“. — *Прим. переводчика.*

qu'à chaque défaut elle réunissait une qualité qui ressortait peut-être plus fortement par le contraste. C'était une beauté étrange et sauvage, une figure qui étonnait d'abord, mais qu'on ne pouvait oublier. Ses yeux surtout avaient une expression à la fois voluptueuse et farouche que je n'ai trouvée à aucun regard humain. Œil de bohémien, œil de loup, c'est un dicton espagnol qui dénote une bonne observation. Si vous n'avez pas le temps d'aller au Jardin des Plantes pour étudier le regard d'un loup, considérez votre chat quand il guette un moineau.

On sent qu'il eût été ridicule de se faire tirer la bonne aventure dans un café. Aussi je priai la jolie sorcière de me permettre de l'accompagner à son domicile; elle y consentit sans difficulté, mais elle voulut connaître encore la marche du temps, et me pria de nouveau de faire sonner ma montre.

— Est-elle vraiment d'or? dit-elle en la considérant avec une excessive attention.

Quand nous nous remîmes en marche, il était nuit close; la plupart des boutiques étaient fermées et les rues presque désertes. Nous passâmes le pont du Guadalquivir, et à l'extrémité du faubourg nous nous arrêtâmes devant une maison qui n'avait nullement l'apparence d'un palais. Un enfant nous ouvrit. La bohémienne lui dit quelques mots dans une langue à moi inconnue, que je sus depuis être la *rommani* ou *chipe calli*, l'idiome des gitanos. Aussitôt l'enfant disparut, nous laissant dans une chambre assez vaste,

коротко, что с каждым недостатком она соединяла достоинство, быть может, еще сильнее выступавшее в силу контраста. То была странная и дикая красота, лицо, которое с первого взгляда поражало, но которого нельзя было забыть. В особенности, у ее глаз было какое-то чувственное и в то же время жестокое выражение, какого я не встречал ни в одном человеческом взгляде. Цыганский глаз — волчий глаз, говорит испанская поговорка, и это — верное замечание. Если вам некогда ходить в зоологический сад, чтобы изучать взгляд волка, посмотрите на вашу кошку, когда она подстерегает воробья.

Было бы, конечно, смешно, чтобы вам гадали в кафе. А потому я попросил хорошенькую колдунью разрешить мне проводить ее домой; она легко согласилась, но захотела еще раз справиться с временем и снова попросила меня поставить часы на бой.

— Они действительно золотые? — сказала она, глядя на них крайне внимательно.

Когда мы двинулись дальше, стояла темная ночь; лавки были большей частью заперты, а улицы почти пусты. Мы перешли гвадалки-вирский мост и в конце предместья остановились у дома, отнюдь не похожего на дворец. Нам otvorил мальчик. Цыганка сказала ему что-то на незнакомом мне языке; впоследствии я узнал, что это *роммани*, или *чипе кальи*, наречие хитанов. Мальчик тотчас же исчез, оставив нас одних в довольно просторной комнате,

meublée d'une petite table, de deux tabourets et d'un coffre. Je ne dois point oublier une jarre d'eau, un tas d'oranges et une botte d'ognons.

Dès que nous fûmes seuls, la bohémienne tira de son coffre des cartes qui paraissaient avoir beaucoup servi, un aimant, un caméléon desséché, et quelques autres objets nécessaires à son art. Puis elle me dit de faire la croix dans ma main gauche avec une pièce de monnaie, et les cérémonies magiques commencèrent. Il est inutile de vous rapporter ses prédictions, et, quant à sa manière d'opérer, il était évident qu'elle n'était pas sorcière à demi.

Malheureusement nous fûmes bientôt dérangés. La porte s'ouvrit tout à coup avec violence, et un homme, enveloppé jusqu'aux yeux dans un manteau brun entra dans la chambre en apostrophant la bohémienne d'une façon peu gracieuse. Je n'entendais pas ce qu'il disait, mais le ton de sa voix indiquait qu'il était de fort mauvaise humeur. A sa vue, la gitana ne montra ni surprise ni colère, mais elle accourut à sa rencontre, et, avec une volubilité extraordinaire, lui adressa quelques phrases dans la langue mystérieuse dont elle s'était déjà servie devant moi. Le mot de *payllo*, souvent répété, était le seul mot que je compris. Je savais que les bohémiens désignent ainsi tout homme étranger à leur race. Supposant qu'il s'agissait de moi, je m'attendais à une explication délicate; déjà j'avais la main sur le pied d'un des tabourets, et je syllogisais à part moi pour deviner le moment précis où il conviendrait de le jeter à la tête de l'intrus.

где стояли небольшой стол, два табурета и баул. Еще я должен упомянуть кувшин с водой, грудку апельсинов и вязку луку.

Когда мы остались наедине, цыганка достала из баула карты, повидимому немало уже послужившие, магнит, высохшего камелена и кое-какие другие предметы, потребные для ее искусства. Потом она велела мне начертить монетой крест на левой ладони, и магический обряд начался. Не к чему излагать вам ее предсказания; что же касается ее приемов, то было очевидно, что она и впрямь колдунья.

К сожалению, нам вскоре помешали. Внезапно с шумом отворилась дверь, и человек, до самых глаз закутанный в бурый плащ, вошел в комнату, не очень-то любезно окликая цыганку. Я не слышал, что он говорил, но по его голосу можно было судить, что он весьма не в духе. При виде его, хитана не выказала ни удивления ни досады, но бросилась ему навстречу и с необычайной поспешностью стала ему что-то говорить на таинственном языке, которым уже пользовалась в моем присутствии. Слово *пайльо*, часто повторявшееся, было единственным, которое я понимал. Я знал, что так цыгане называют всякого человека чуждого им племени. Полагая, что речь идет обо мне, я готовился к щекотливому объяснению; уже я сжимал в руке ножку одного из табуретов и строил про себя умозаключения, дабы с точностью установить миг, когда будет уместно швырнуть им в голову прищельца.

Celui-ci repoussa rudement la bohémienne, et s'avança vers moi; puis, reculant d'un pas:

— Ah! Monsieur, dit-il, c'est vous!

Je le regardai à mon tour, et reconnus mon ami don José. En ce moment, je regrettais un peu de ne pas l'avoir laissé pendre.

— Eh! c'est vous, mon brave! m'écriai-je en riant le moins jaune que je pus; vous avez interrompu mademoiselle au moment où elle m'annonçait des choses bien intéressantes.

— Toujours la même! Ça finira, disait-il entre ses dents, attachant sur elle un regard farouche.

Cependant la bohémienne continuait à lui parler dans sa langue. Elle s'animait par degrés. Son œil s'injectait de sang et devenait terrible, ses traits se contractaient, elle frappait du pied. Il me sembla qu'elle le pressait vivement de faire quelque chose à quoi il montrait de l'hésitation. Ce que c'était, je croyais ne le comprendre que trop à la voir passer et repasser rapidement sa petite main sous son menton. J'étais tenté de croire qu'il s'agissait d'une gorge à couper, et j'avais quelques soupçons que cette gorge ne fût la mienne.

A tout ce torrent d'éloquence, don José ne répondit que par deux ou trois mots prononcés d'un ton bref. Alors la bohémienne lui lança un regard de profond mépris; puis, s'asseyant à la turque dans un coin de la chambre, elle choisit une orange, la pela et se mit à la manger.

Don José me prit le bras, ouvrit la porte et me conduisit dans la rue. Nous fîmes environ

Тот резко оттолкнул цыганку и двинулся ко мне; потом, отступая на шаг:

— Ах, сеньор, — сказал он, — это вы!

Я в свой черед взглянул на него и узнал моего друга дон Хосé. В эту минуту я немного жалел, что не дал его повесить.

— Э, да это вы, мой удалец! — воскликнул я, смеясь насколько можно непринужденнее. — Вы прервали сеньориту, как раз когда она сообщала мне преинтересные вещи.

— Всё такая же! Этому будет конец, — процедил он сквозь зубы, устремляя на нее свирепый взгляд.

Между тем цыганка продолжала ему что-то говорить на своем наречии. Она постепенно воодушевлялась. Ее глаза наливались кровью и становились страшны, лицо перекашивалось, она топала ногой. Мне казалось, что она настойчиво убеждает его что-то сделать, но что он не решается. Что это было, мне представлялось совершенно ясным при виде того, как она быстро водила своей маленькой ручкой взад и вперед под подбородком. Я склонен был думать, что речь идет о том, чтобы перерезать горло, и имел основания подозревать, что горло это — мое.

На этот поток красноречия дон Хосé ответил всего лишь двумя-тремя коротко произнесенными словами. Тогда цыганка бросила на него полный презрения взгляд; затем, усевшись по-турецки в углу, выбрала апельсин, очистила его и принялась есть.

Дон Хосé взял меня под руку, отворил дверь и вывел меня на улицу. Мы прошли

deux cents pas dans le plus profond silence.
Puis, étendant la main :

— Toujours tout droit, dit-il, et vous trouverez le pont.

Aussitôt il me tourna le dos et s'éloigna rapidement. Je revins à mon auberge un peu penaud et d'assez mauvaise humeur. Le pire fut qu'en me déshabillant, je m'aperçus que ma montre me manquait.

Diverses considérations m'empêchèrent d'aller la réclamer le lendemain, ou de solliciter M. le corrégidor de vouloir bien la faire chercher. Je terminai mon travail sur le manuscrit des Dominicains et je partis pour Séville. Après plusieurs mois de courses errantes en Andalousie, je voulus retourner à Madrid, et il me fallut repasser par Cordoue. Je n'avais pas l'intention d'y faire un long séjour, car j'avais pris en grippe cette belle ville et les baigneuses du Guadalquivir. Cependant quelques amis à revoir, quelques commissions à faire devaient me retenir au moins trois ou quatre jours dans l'antique capitale des princes musulmans.

Dès que je reparus au couvent des Dominicains, un des Pères qui m'avait toujours montré un vif intérêt dans mes recherches sur l'emplacement de Munda, m'accueillit les bras ouverts, en s'écriant :

— Loué soit le nom de Dieu ! Soyez le bienvenu, mon cher ami. Nous vous croyions tous mort, et moi, qui vous parle, j'ai récité bien des *pater* et des *ave*, que je ne regrette pas, pour

шагов двести в полном молчании. Потом, протянув руку:

— Всё прямо, — сказал он, — и вы будете на мосту.

Он тотчас же повернул мне спину и быстро удалился. Я возвратился к себе в гостиницу немного сконфуженный и в довольно дурном расположении духа. Хуже всего было то, что, раздеваясь, я обнаружил исчезновение моих часов.

По некоторым соображениям, я не пошел на следующий день потребовать их обратно и не обратился к коррехидору с просьбой велеть их разыскать. Я закончил свою работу над доминиканской рукописью и уехал в Севилью. По странствовав несколько месяцев по Андалузии, я решил вернуться в Мадрид, и мне пришлось снова проезжать через Кордову. Я не собирался задерживаться там надолго, ибо не влюбил этот прекрасный город с его гвадалкивирскими купальницами. Но так как мне необходимо было повидать некоторых друзей и исполнить кое-какие поручения, то мне предстояло провести, по меньшей мере, три-четыре дня в древней столице мусульманских владык.

Едва я появился вновь в доминиканском монастыре, один из монахов, всегда живо интересовавшийся моими изысканиями о местонахождении Мунды, встретил меня с распростертыми объятиями, восклицая:

— Хвала создателю! Милости просим, дорогой мой друг. Мы все считали, что вас нет в живых, а я, который говорю с вами, я немало прочел *pater*’ов и *ave*, о чем не жалею,

le salut de votre âme. Ainsi vous n'êtes pas assassiné, car pour volé nous savons que vous l'êtes.

— Comment cela? lui demandai-je un peu surpris.

— Oui, vous savez bien, cette belle montre à répétition que vous faisiez sonner dans la bibliothèque, quand nous vous disions qu'il était temps d'aller au chœur. Eh bien! elle est retrouvée, on vous la rendra.

— C'est-à-dire, interrompis-je un peu déconcentré, que je l'avais égarée...

— Le coquin est sous les verroux, et, comme on savait qu'il était homme à tirer un coup de fusil à un chrétien pour lui prendre une piécette, nous mourions de peur qu'il ne vous eût tué. J'irai avec vous chez le corrégidor, et nous vous ferons rendre votre belle montre. Et puis, avisez-vous de dire là-bas que la justice ne sait pas son métier en Espagne!

— Je vous avoue, lui dis-je, que j'aimerais mieux perdre ma montre que de témoigner en justice pour faire pendre un pauvre diable, surtout parce que... parce que...

— Oh! n'ayez aucune inquiétude; il est bien recommandé, et on ne peut le pendre deux fois. Quand je dis pendre, je me trompe. C'est un hidalgo que votre voleur; il sera donc *garrotté* après-demain sans rémission.¹ Vous voyez qu'un vol de plus ou de moins ne changera rien à son

¹ En 1830, la noblesse jouissait encore de ce privilège. Aujourd'hui, sous le régime constitutionnel, le *garrotte* est à l'usage des vilains.

за упокой вашей души. Так, значит, вас не убили; а что вас обокрали, это мы знаем.

— Как так? — спросил я его не без удивления.

— Ну да, вы же знаете, эти прекрасные часы с репетицией, которые вы заводили в библиотеке, когда мы вам говорили, что пора идти в церковь. Так они нашлись, вам их вернут.

— То есть, — перебил я его смущенно, — я их потерял...

— Мошенник под замком, а так как известно, что он способен застрелить христианина из ружья, чтобы отобрать у него песету, то мы умирали от страха, что он вас убил. Я с вами схожу к коррехидору, и вам вернут ваши чудесные часы. А потом посмейте рассказывать дома, что в Испании правосудие не знает своего ремесла!

— Я должен сознаться, — сказал я ему, — что мне было бы приятнее остаться без часов, чем показывать против бедного малого, чтобы его потом повесили, особенно потому... потому...

— О, вам не о чем беспокоиться; он достаточно себя зарекомендовал, и дважды его не повесят. Говоря — повесят, я не совсем точен. Этот ваш вор — идальго; поэтому его послезавтра без всякой пощады *удавят*.¹ Вы видите, что одной кражей больше или меньше для

¹ В 1830 году дворянство еще пользовалось этой привилегией. Теперь, при конституционном строе, право на *гарроте* предоставлено и простому народу.

affaire. Plut à Dieu qu'il n'eût que volé! mais il a commis plusieurs meurtres, tous plus horribles les uns que les autres.

— Comment se nomme-t-il?

— On le connaît dans le pays sous le nom de José Navarro; mais il a encore un autre nom basque, que ni vous ni moi ne prononcerons jamais. Tenez, c'est un homme à voir, et vous qui aimez à connaître les singularités du pays, vous ne devez pas négliger d'apprendre comment en Espagne les coquins sortent de ce monde. Il est en chapelle, et le père Martinez vous y conduira.

Mon Dominicain insista tellement pour que je visse les apprêts du „*petit pendement pien choli*“, que je ne pus m'en défendre. J'allai voir le prisonnier, muni d'un paquet de cigares qui, je l'espérais, devaient lui faire excuser mon indiscretion.

On m'introduisit auprès de don José au moment où il prenait son repas. Il me fit un signe de tête assez froid, et me remercia poliment du cadeau que je lui apportais. Après avoir compté les cigares du paquet que j'avais mis entre ses mains, il en choisit un certain nombre, et me rendit le reste, observant qu'il n'avait pas besoin d'en prendre davantage.

Je lui demandai si, avec un peu d'argent, ou par le crédit de mes amis, je pourrais obtenir quelque adoucissement à son sort. D'abord il haussa les épaules en souriant avec tristesse; bientôt, se ravisant, il me pria de faire dire une messe pour le salut de son âme.

него всё равно. Добро бы он еще только воровал! Но он совершил несколько убийств, одно другого ужаснее.

— Как его зовут?

— Здесь он известен под именем Хосé Наварро; но у него есть еще баскское имя, которого нам с вами ни за что не выговорить. Знаете, с ним можно повидаться, и вы, который интересуетесь местными особенностями, не должны упускать случая узнать, как в Испании мошенники отправляются на тот свет. Он в часовне, и отец Мартинес вас проводит.

Мой доминиканец так настаивал, чтобы я взглянул на приготовления к „карошенький маленький пофешенья“,¹ что я не мог отказаться. Я отправился к узнику, захватив с собой пачку сигар, которые, я надеялся, оправдали бы в его глазах мою нескромность.

Меня впустили к дон Хосé, когда он обедал. Он довольно холодно кивнул мне головой и вежливо поблагодарил меня за принесенный подарок. Пересчитав сигары в пачке, которую я ему вручил, он отобрал несколько штук и вернул мне остальные, заметив, что так много ему не потребуется.

Я спросил его, не могу ли я с помощью денег или при содействии моих друзей добиться смягчения его участи. Сперва он пожал плечами, грустно улыбнувшись; потом, подумав, попросил меня отслужить обедню за упокой его души.

¹ Цитата из комедии Мольера „Господин де-Пурсоньяк“, — слова солдата швейцарской стражи. — *Прим. переводчика.*

— Voudriez-vous, ajouta-t-il timidement, voudriez-vous en faire dire une autre pour une personne qui vous a offensé?

— Assurément, mon cher, lui dis-je; mais personne, que je sache, ne m'a offensé en ce pays.

Il me prit la main et la serra d'un air grave. Après un moment de silence, il reprit:

— Oserai-je encore vous demander un service?.. Quand vous reviendrez dans votre pays, peut-être passerez-vous par la Navarre: au moins vous passerez par Vittoria, qui n'en est pas fort éloignée.

— Oui, lui dis-je, je passerai certainement par Vittoria; mais il n'est pas impossible que je me détourne pour aller à Pampelune, et, à cause de vous, je crois que je ferais volontiers ce détour.

— Eh bien! si vous allez à Pampelune, vous y verrez plus d'une chose qui vous intéressera... C'est une belle ville... Je vous donnerai cette médaille (il me montrait une petite médaille d'argent qu'il portait au cou), vous l'enveloppez dans du papier... il s'arrêta un instant pour maîtriser son émotion... et vous la remettrez ou vous la ferez remettre à une bonne femme dont je vous dirai l'adresse. — Vous direz que je suis mort, vous ne direz pas comment.

Je promis d'exécuter sa commission. Je le revis le lendemain, et je passai une partie de la journée avec lui. C'est de sa bouche que j'ai appris les tristes aventures qu'on va lire.

— Не могли ли бы вы, — добавил он застенчиво, — не могли ли бы вы отслужить еще и другую, за одну особу, которая вас оскорбила?

— Разумеется, дорогой мой, — сказал я ему. — Но только, насколько я знаю, никто меня не оскорблял в этой стране.

Он взял мою руку и пожал ее с серьезным лицом. Помолчав, он продолжал:

— Могу я вас попросить еще об одной услуге?.. Возвращаясь на родину, вы, может быть, будете проезжать через Наварру; во всяком случае, вы будете в Витории, которая оттуда недалеко.

— Да, — отвечал я, — я, конечно, буду в Витории; но возможно, что заеду и в Памплону, а ради вас, я думаю, охотно сделаю этот крюк.

— Так вот, если вы заедете в Памплону, вы увидите много для вас интересного... Это красивый город... Я вам дам этот образок (он показал мне серебряный образок, висевший у него на шее), вы завернете его в бумагу... — он остановился, чтобы одолеть волнение, — и передадите его или велите передать одной женщине, адрес которой я вам скажу. Вы скажете, что я умер, но не скажете как.

Я обещал исполнить его поручение. Я был у него на следующий день и провел с ним несколько часов. Из его уст я и услышал печальную повесть, которую здесь привожу.

III

Je suis né, dit-il, à Elizondo, dans la vallée de Baztan. Je m'appelle don José Lizarrabengoa, et vous connaissez assez l'Espagne, monsieur, pour que mon nom vous dise aussitôt que je suis Basque et vieux chrétien. Si je prends le *don*, c'est que j'en ai le droit, et si j'étais à Elizondo, je vous montrerais ma généalogie sur parchemin. On voulait que je fusse d'église, et l'on me fit étudier, mais je ne profitais guère. J'aimais trop à jouer à la paume, c'est ce qui m'a perdu. Quand nous jouons à la paume, nous autres Navarrais, nous oublions tout. Un jour que j'avais gagné, un gars de l'Alava me chercha querelle; nous primes nos *maquillas*,¹ et j'eus encore l'avantage; mais cela m'obligea de quitter le pays. Je rencontrai des dragons, et je m'engageai dans le régiment d'Almanza cavalerie. Les gens de nos montagnes apprennent vite le métier militaire. Je devins bientôt brigadier, et on me promettait de me faire maréchal des logis, quand, pour mon malheur, on me mit de garde à la manufacture de

¹ Bâtons ferrés des Basques.

III

родился, — сказал он, — в Элисондо, в Бастанской долине. Зовут меня дон Хосé Лисаррабенгоа, и вы достаточно хорошо знаете Испанию, сеньор, чтобы сразу же заключить по моему имени, что я баск и древний христианин. Если я называю себя *дон*, то это потому, что имею на то право, и, будь я в Элисондо, я бы вам показал мою родословную на пергаменте. Из меня хотели сделать священника и заставляли учиться, но преуспевал я плохо. Я слишком любил играть в мяч, это меня и погубило. Когда мы, наваррцы, играем в мяч, мы забываем всё. Как-то раз, когда я выиграл, один алавский юнец затеял со мной ссору; мы взялись за *макилы*,¹ и я опять одолел; но из-за этого мне пришлось уехать. Мне повстречались драгуны, и я поступил в Альманский кавалерийский полк. Наши горцы быстро выучиваются военному делу. Вскоре я сделался ефрейтором, и меня обещали произвести в вахмистры, но тут, на мою беду, меня назначили в караул

¹ Баскские палки с железным наконечником.

tabacs de Séville. Si vous êtes allé à Séville, vous aurez vu ce grand bâtiment-là, hors des remparts, près du Guadalquivir. Il me semble en voir encore la porte et le corps-de-garde auprès. Quand ils sont de service, les Espagnols jouent aux cartes, ou dorment; moi, comme un franc Navarrais, je tâchais toujours de m'occuper. Je faisais une chaîne avec du fil de laiton, pour tenir mon épinglette. Tout d'un coup, les camarades disent: „Voilà la cloche qui sonne; les filles vont rentrer à l'ouvrage“. Vous saurez, monsieur, qu'il y a bien quatre à cinq cents femmes occupées dans la manufacture. Ce sont elles qui roulent les cigares dans une grande salle, où les hommes n'entrent pas sans une permission du *Vingt-quatre*,¹ parce qu'elles se mettent à leur aise, les jeunes surtout, quand il fait chaud. A l'heure où les ouvrières rentrent, après leur dîner, bien des jeunes gens vont les voir passer, et leur en content de toutes les couleurs. Il y a peu de ces demoiselles qui refusent une mantille de taffetas, et les amateurs, à cette pêche-là, n'ont qu'à se baisser pour prendre le poisson. Pendant que les autres regardaient, moi, je restais sur mon banc, près de la porte. J'étais jeune alors; je pensais toujours au pays, et je ne croyais pas qu'il y eût de jolies filles sans jupes bleues et sans nattes tombant sur les épaules.² D'ailleurs, les Andalouses

¹ Magistrat chargé de la police et de l'administration municipale.

² Costume ordinaire des paysannes de la Navarre et des provinces basques.

на севильскую табачную фабрику. Если вы бывали в Севилье, вы, должно быть, видели это большое здание за городской стеной, над Гвадалкивиром. Я, как сейчас, вижу его ворота и кордегардию рядом. На карауле испанцы играют в карты или спят; я же, как истый наваррец, всегда старался быть чем-нибудь занят. Я делал из латунной проволоки цепочку для своего затравника. Вдруг товарищи говорят: „Вот и колокол звонит; сейчас девицы вернуться на работу“. Вы, быть может, знаете, сеньор, что на фабрике работает по меньшей мере четыреста-пятьсот женщин. Это они крутят сигары в большой палате, куда мужчин не допускают без разрешения *вейнтикуатро*,¹ потому что женщины, когда жарко, ходят там налегке, в особенности молодые. Когда работницы возвращаются на фабрику после обеда, множество молодых людей толпится на их пути и городит им всякую всячину. Редкая девица отказывается от тафтяной мантильи, и рыболовам стоит только нагнуться, чтобы поймать рыбку. Пока остальные глазели, я продолжал сидеть на скамье, у ворот. Я был молод тогда; я всё вспоминал родину и считал, что не может быть красивой девушки без синей юбки и спадающих на плечи кос.² К тому же, андалузок я

¹ Чиновник, ведающий городскую полицию и благоустройство.

² Обычный костюм крестьянок Наварры и баскских провинций.

me faisaient peur; je n'étais pas encore fait à leurs manières: toujours à railler, jamais un mot de raison. J'étais donc le nez sur ma chaîne, quand j'entends des bourgeois qui disaient: „Voilà la gitanilla!“ Je levai les yeux, et je la vis. C'était un vendredi, et je ne l'oublierai jamais. Je vis cette Carmen que vous connaissez, chez qui je vous ai rencontré il y a quelques mois.

Elle avait un jupon rouge fort court qui laissait voir des bas de soie blancs avec plus d'un trou, et des souliers mignons de maroquin rouge attachés avec des rubans couleur de feu. Elle écartait sa mantille afin de montrer ses épaules et un gros bouquet de cassie qui sortait de sa chemise. Elle avait encore une fleur de cassie dans le coin de la bouche, et elle s'avancait en se balançant sur ses hanches comme une pouliche du haras de Cordoue. Dans mon pays, une femme en ce costume aurait obligé le monde à se signer. A Séville, chacun lui adressait quelque compliment gaillard sur sa tournure; elle répondait à chacun, faisant les yeux en coulisse, le poing sur la hanche, effrontée comme une vraie bohémienne qu'elle était. D'abord elle ne me plut pas, et je repris mon ouvrage; mais elle, suivant l'usage des femmes et des chats qui ne viennent pas quand on les appelle et qui viennent quand on ne les appelle pas, s'arrêta devant moi et m'adressa la parole:

— Compère, me dit-elle à la façon andalouse, veux-tu me donner ta chaîne pour tenir les clefs de mon coffre-fort?

боялся; я еще не привык к их повадке: вечные насмешки, ни одного путного слова. Итак, я уткнулся носом в свою цепочку, как вдруг слышу, какие-то штатские говорят: „Вот цыганочка!“ Я поднял глаза и увидел ее. Это было в пятницу, и этого я никогда не забуду. Я увидел Кармен, которую вы знаете, у которой мы с вами встретились несколько месяцев тому назад.

На ней была очень короткая красная юбка, позволявшая видеть белые шелковые чулки, довольно дырявые, и хорошенькие туфельки красного сафьяна, привязанные лентами огненного цвета. Она откинула мантилью, чтобы видны были плечи и большой букет акации, заткнутый за край сорочки. В зубах у нее тоже был цветок акации, и она шла, поводя бедрами, как молодая кобылица кордовского завода. У меня на родине, при виде женщины в таком наряде, люди бы крестились. В Севилье же всякий отпускал ей какой-нибудь бойкий комплимент по поводу ее внешности; она каждому отвечала, строя глазки и подбочась, бесстыдная, как только может быть цыганка. Сперва она мне не понравилась, и я снова принялся за работу; но она, следуя обычаю женщин и кошек, которые не идут, когда их зовут, и приходят, когда их не звали, остановилась передо мной и заговорила:

— Кум, — обратилась она ко мне на андалузский лад, — подари мне твою цепочку, чтобы я могла носить ключи от моего денежного сундука.

— C'est pour attacher mon épinglette, lui répondis-je.

— Ton épinglette! s'écria-t-elle en riant. Ah! monsieur fait de la dentelle, puisqu'il a besoin d'épingles!

Tout le monde qui était là se mit à rire, et moi je me sentais rougir, et je ne pouvais trouver rien à lui répondre.

— Allons, mon cœur, reprit-elle, fais-moi sept aunes de dentelle noire pour une mantille, épinglier de mon âme!

Et prenant la fleur de cassie qu'elle avait à la bouche, elle me la lança, d'un mouvement du pouce, juste entre les deux yeux. Monsieur, cela me fit l'effet d'une balle qui m'arrivait... Je ne savais où me fourrer, je demeurais immobile comme une planche. Quand elle fut entrée dans la manufacture, je vis la fleur de cassie qui était tombée à terre entre mes pieds; je ne sais ce qui me prit, mais je la ramassai sans que mes camarades s'en aperçussent et je la mis précieusement dans ma veste. Première sottise!

Deux ou trois heures après, j'y pensais encore, quand arrive dans le corps-de-garde un portier tout haletant, la figure renversée. Il nous dit que dans la grande salle des cigares il y avait une femme assassinée, et qu'il fallait y envoyer la garde. Le maréchal me dit de prendre deux hommes et d'y aller voir. Je prends mes hommes et je monte. Figurez-vous, monsieur, qu'entré dans la salle je trouve d'abord trois cents femmes en chemise, ou peu s'en faut, toutes criant, hurlant, gesticulant, faisant un vacarme à ne pas entendre Dieu tonner. D'un côté, il y en avait une,

— Это для моей булавки, — сказал я ей.

— Для твоей булавки! — воскликнула она, смеясь. — Видно, сеньор плетет кружева, раз он нуждается в булавках!

Все кругом засмеялись, а я почувствовал, что краснею, и не нашелся, что ответить.

— Сердце мое, — продолжала она, — сплети мне семь локтей черных кружев на мантилью, милый мой булавочник!

И, взяв цветок акации, который она держала в зубах, она бросила его мне, щелчком, прямо между глаз. Сеньор, мне показалось, что в меня ударила пуля... Я не знал, куда деваться, и торчал на месте, как доска. Когда она прошла на фабрику, я заметил цветок акации, упавший наземь у моих ног; я не знаю, что на меня нашло, но только я его подобрал, тайком от товарищей, и бережно спрятал в карман куртки. Первая глупость!

Часа два-три спустя, я всё еще думал об этом, как вдруг в кордегардию вбежал сторож, тяжело дыша, с перепуганным лицом. Он нам сказал, что в большой сигарной палате убили женщину и что туда надо послать караул. Вахмистр велел мне взять двух людей и пойти посмотреть, в чем дело. Я беру людей и иду наверх. И вот, сеньор, входя в палату, я вижу прежде всего триста женщин в одних рубашках, или вроде того, и все они кричат, вопят, машут руками и подымают такой содом, что не слышать и грома божьего. В стороне лежала одна,

les quatre fers en l'air, couverte de sang, avec un X sur la figure qu'on venait de lui marquer en deux coups de couteau. En face de la blessée, que secouraient les meilleures de la bande, je vois Carmen tenue par cinq ou six commères. La femme blessée criait: „Confession! confession! je suis mortel!“ Carmen ne disait rien; elle serrait les dents, et roulait des yeux comme un caméléon. „Qu'est-ce que c'est?“ demandai-je. J'eus grand'peine à savoir ce qui s'était passé, car toutes les ouvrières me parlaient à la fois. Il paraît que la femme blessée s'était vantée d'avoir assez d'argent en poche pour acheter un âne au marché de Triana. „Tiens, dit Carmen qui avait une langue, tu n'as donc pas assez d'un balai?“ L'autre, blessée du reproche, peut-être parce qu'elle se sentait véreuse sur l'article, lui répond qu'elle ne se connaissait pas en balais, n'ayant pas l'honneur d'être bohémienne ni filleule de Satan, mais que mademoiselle Carmencita ferait bientôt connaissance avec son âne, quand M. le corrégidor la menerait à la promenade avec deux laquais par derrière pour l'émoucher. „Eh bien, moi, dit Carmen, je te ferai des abreuvoirs à mouches sur la joue, et je veux y peindre un damier“.¹ Là-dessus, vli-vlan! elle commence, avec le couteau dont elle coupait le bout des cigares, à lui dessiner des croix de Saint-André sur la figure.

¹ *Pintar un javeque*, peindre un chebec. Les chebecs espagnols ont, pour la plupart, leur bande peinte à carreaux rouge et blanc.

задрал копыта, вся в крови, с лицом, на крест исполосованным двумя взмахами ножа. Напротив раненой, вокруг которой хлопотали самые расторопные, я вижу Кармен, которую держат несколько кумушек. Раненая кричала: „Священника! Священника! Меня убили!“ Кармен молчала: она стиснула зубы и вращала глазами, как хамелеон. „В чем дело?“ — спросил я. Мне стоило немало труда выяснить, что случилось, потому что все работницы говорили со мной разом. Раненая женщина, оказывается, похвасталась, будто у нее столько денег в кармане, что она может купить осла на трианском рынке. „Вот как! — заметила Кармен, у которой был острый язычок, — так тебе мало метлы?“ Та, задетая за живое, быть может, потому что чувствовала себя небезвинной по этой части, ответила, что в метлах она мало смыслит, не имея чести быть цыганкой и крестницей сатаны, но что сеньорита Кармен-сита скоро познакомится с ее ослом, когда господин коррехидор повезет ее на прогулку, приставив к ней сзади двух лакеев, чтобы отгонять от нее мух. „Ну, а я, — сказала Кармен, — устрою тебе мушиный водопой на щеках и распишу их, как шахматную доску“. ¹ И тут же — чик-чик! — ножом, которым она срезала сигарные кончики, она начинает чертить ей на лице андреевские кресты.

¹ *Pintar un javeque* — расписать шебеку. У испанских шебек борт по большей части бывает расписан красными и белыми квадратами.

Le cas était clair; je pris Carmen par le bras: „Ma sœur, lui dis-je poliment, il faut me suivre“. Elle me lança un regard comme si elle me reconnaissait; mais elle dit d'un air résigné: „Marchons. Où est ma mantille?“ Elle la mit sur sa tête de façon à ne montrer qu'un seul de ses grands yeux, et suivit mes deux hommes, douce comme un mouton. Arrivés au corps-de-garde, le maréchal des logis dit que c'était grave, et qu'il fallait la mener à la prison. C'était encore moi qui devais la conduire. Je la mis entre deux dragons, et je marchais derrière comme un brigadier doit faire en semblable rencontre. Nous nous mîmes en route pour la ville. D'abord la bohémienne avait gardé le silence; mais dans la rue du Serpent, — vous la connaissez, elle mérite bien son nom par les détours qu'elle fait, — dans la rue du Serpent, elle commence par laisser tomber sa mantille sur ses épaules, afin de me montrer son minois enjôleur, et, se tournant vers moi autant qu'elle pouvait, elle me dit:

— Mon officier, où me menez-vous?

— A la prison, ma pauvre enfant, lui répondis-je le plus doucement que je pus, comme un bon soldat doit parler à un prisonnier, surtout à une femme.

— Hélas! que deviendrai-je? Seigneur officier, ayez pitié de moi. Vous êtes si jeune, si gentil!.. Puis, d'un ton plus bas: Laissez-moi m'échapper, dit-elle, je vous donnerai un morceau de la *bar lachi*, qui vous fera aimer de toutes les femmes.

La *bar lachi*, monsieur, c'est la pierre d'aimant, avec laquelle les bohémiens prétendent

Дело было ясное; я взял Кармен за локоть. „Сестрица, — сказал я учтиво, — идемте со мной“. Она посмотрела на меня, как будто меня узнав; но покорно произнесла: „Идем. Где моя мантилья?“ Она накинула ее на голову так, что был виден только один ее большой глаз, и пошла за моими людьми, кроткая, как овечка. Когда мы явились в кордегардию, вахмистр заявил, что случай серьезный и что надо отвести ее в тюрьму. Вести ее должен был опять я. Я поместил ее меж двух драгун, а сам пошел сзади, как полагается при таких обстоятельствах ефрейтору. Мы двинулись в город. Сперва цыганка молчала; но на Змеиной улице, — вы знаете ее, она вполне заслуживает это название своими заворотами, — на Змеиной улице она начинает с того, что роняет мантилью на плечи, чтобы я мог видеть ее обольстительное личико, и, оборачиваясь ко мне, насколько может, говорит мне:

— Господин офицер, куда вы меня ведете?

— В тюрьму, бедное мое дитя, — отвечал я ей возможно мягче, как хороший солдат должен говорить с арестантом, особенно с женщиной.

— Увы! Что со мной будет? Господин офицер, пожалейте меня. Вы такой молодой, такой милый! .. — Потом, понизив голос: — Дайте мне убежать, — сказала она, — я вам дам кусочек *бар лачи*, и вас будут любить все женщины.

Bar lachi, сеньор, это магнитная руда, при помощи которой, по словам цыган, можно

qu'on fait quantité de sortilèges quand on sait s'en servir. Faites-en boire à une femme une pincée râpée dans un verre de vin blanc, elle ne résiste plus. Moi, je lui répondis le plus sérieusement que je pus :

— Nous ne sommes pas ici pour dire des balivernes; il faut aller à la prison, c'est la consigne, et il n'y a pas de remède.

Nous autres gens du pays basque, nous avons un accent qui nous fait reconnaître facilement des Espagnols; en revanche, il n'y en a pas un qui puisse seulement apprendre à dire *baï, Jaona*.¹ Carmen donc n'eut pas de peine à deviner que je venais des Provinces. Vous saurez que les bohémiens, monsieur, comme n'étant d'aucun pays, voyageant toujours, parlent toutes les langues, et la plupart sont chez eux en Portugal, en France, dans les Provinces, en Catalogne, partout; même avec les Maures et les Anglais, il se font entendre. Carmen savait assez bien le basque.

— *Laguna ene bihotsarena*, camarade de mon cœur, me dit-elle tout à coup, êtes-vous du pays?

Notre langue, monsieur, est si belle, que, lorsque nous l'entendons en pays étranger, cela nous fait tressaillir... — Je voudrais avoir un confesseur des Provinces, ajouta plus bas le bandit.

Il reprit après un silence :

— Je suis d'Elizondo, lui répondis-je en basque, fort ému de l'entendre parler ma langue.

¹ oui, monsieur.

выделывать всякие колдовства, если уметь ею пользоваться. Натрите щепотку и дайте выпить женщине в стакане белого вина, она не сможет устоять. Я ей ответил насколько можно серьезнее:

— Мы здесь не для того, чтобы говорить глупости; надо идти в тюрьму, таков приказ, и тут ничем помочь нельзя.

Мы, люди баскского племени, говорим с акцентом, по которому нас нетрудно отличить от испанцев: зато ни один из них ни за что не выучится говорить хотя бы *bai*, *Jaona*.¹ Поэтому Кармен догадалась без труда, что я родом из провинций. Вам ведь известно, сеньор, что цыгане, не принадлежа ни к какой стране, вечно кочуя, говорят на всех языках, и большинство их чувствует себя дома и в Португалии, и во Франции, и в провинциях, и в Каталонии, всюду; даже с маврами и с англичанами, и то они объясняются. Кармен довольно хорошо говорила по-баскски.

— *Laguna ene bihotsarena*, товарищ моего сердца, — обратилась она ко мне вдруг, — мы земляки?

Наша речь, сеньор, так прекрасна, что когда мы ее слышим в чужих краях, нас охватывает трепет... Я бы хотел духовника из провинций, — добавил, понижая голос, бандит.

Помолчав он продолжал:

— Я из Элисондо, — отвечал я ей по-баскски, взволнованный тем, что она говорит на моем языке.

¹ да, господин.

— Moi, je suis d'Etchalar, dit-elle. — C'est un pays à quatre heures de chez nous. — J'ai été emmenée par des bohémiens à Séville. Je travaillais à la manufacture pour gagner de quoi retourner en Navarre, près de ma pauvre mère qui n'a que moi pour soutien, et un petit *bar-ratcea*¹ avec vingt pommiers à cidre. Ah! si j'étais au pays, devant la montagne blanche! On m'a insultée parce que je ne suis pas de ce pays de filous, marchands d'oranges pourries; et ces gueuses se sont mises toutes contre moi, parce que je leur ai dit que tous leurs *jaques*² de Séville, avec leurs couteaux, ne feraient pas peur à un gars de chez nous avec son berret bleu et son *maquila*. Camarade, mon ami, ne ferez-vous rien pour une payse?

Elle mentait, monsieur, elle a toujours menti. Je ne sais pas si dans sa vie cette fille-là a jamais dit un mot de vérité; mais, quand elle parlait, je la croyais: c'était plus fort que moi. Elle estropiait le basque, et je la crus Navarraise; ses yeux seuls et sa bouche et son teint la disaient bohémienne. J'étais fou, je ne faisais plus attention à rien. Je pensais que, si des Espagnols s'étaient avisés de mal parler du pays, je leur aurais coupé la figure, tout comme elle venait de faire à sa camarade. Bref, j'étais comme un homme ivre; je commençais à dire des bêtises, j'étais tout près d'en faire.

¹ enclos, jardin

² braves, fanfarons

— А я из Этчалара, — сказала она. — Это от нас в четырех часах пути. — Меня цыгане увели в Севилью. Я работала на фабрике, чтобы скопить, на что вернуться в Наварру, к моей бедной матушке, у которой нет другой поддержки, кроме меня да маленького *barratsea*¹ с двумя десятками сидровых яблонь. Ах, если бы я была дома, под белой горой! Меня оскорбили, потому что я не из страны этих жуликов, продавцов тухлых апельсинов; и все эти шлюхи ополчились на меня, потому что я им сказала, что все их севильские *хаке*,² с их ножами, не испугали бы одного нашего молодца в синем берете и с *макилой*. Товарищ, друг мой, неужели вы ничего не сделаете для землячки?

Она лгала, сеньор, она всегда лгала. Я не знаю, сказала ли эта женщина хоть раз в жизни слово правды; но, когда она говорила, я ей верил; это было сильнее меня. Она коверкала баскские слова, и я думал, что она наваррка; а уже одни ее глаза, и рот, и цвет кожи говорили, что она цыганка. Я сошел с ума, я ничего уже не видел. Я думал о том, что если бы испанцы посмели дурно отозваться о моей родине, я бы им искромсал лицо совершенно так же, как только что она своей товарке. Словом, я был как пьяный; я начал говорить глупости, я готов был их натворить.

¹ сада

² задиры, хвастуны

— Si je vous poussais, et si vous tombiez, mon pays, reprit-elle en basque, ce ne seraient pas ces deux conscrits de Castellans qui me retiendraient...

Ma foi, j'oubliai la consigne et tout, et je lui dis:

— Eh bien, m'amie, ma payse, essayez, et que Notre-Dame de la Montagne vous soit en aide!

En ce moment, nous passions devant une de ces ruelles étroites comme il y en a tant à Séville. Tout à coup Carmen se retourne et me lance un coup de poing dans la poitrine. Je me laissai tomber exprès à la renverse. D'un bond, elle saute par-dessus moi et se met à courir en nous montrant une paire de jambes!.. On dit jambes de Basque: les siennes en valaient bien d'autres... aussi vites que bien tournées. Moi, je me relève aussitôt; mais je mets ma lance¹ en travers, de façon à barrer la rue, si bien que, de prime d'abord, les camarades furent arrêtés au moment de la poursuivre. Puis je me mis moi-même à courir, et eux après moi; mais l'atteindre! Il n'y avait pas de risque, avec nos éperons, nos sabres et nos lances! En moins de temps que je n'en mets à vous le dire, la prisonnière avait disparu. D'ailleurs, toutes les commères du quartier favorisaient sa fuite, et se moquaient de nous, et nous indiquaient la fausse voie. Après plusieurs marches et contre-marches, il fallut nous en revenir au corps-de-garde sans un reçu du gouverneur de la prison.

Mes hommes, pour n'être pas punis, dirent que Carmen m'avait parlé basque; et il ne

¹ Toute la cavalerie espagnole est armée de lances.

да и казалось довольно неестественным, по правде говоря, чтобы такая девочка могла так легко свалить кулаком молодца моих сил. Всё это показалось подозрительным, или, вернее, слишком ясным. Когда пришла смена караулу, меня разжаловали и посадили на месяц в тюрьму. Это было мое первое взыскание по службе. Прощайте, вахмистрские галуны, которые я уже считал своими!

Мои первые тюремные дни прошли очень невесело. Делаясь военным, я воображал, что стану, по меньшей мере, офицером. Лонга, Мина, мои соотечественники, дослужились же до генерал-капитанов; Чапалангарра, „черный“, ¹ как и Мина, и нашедший, как и он, убежище в вашей стране, Чапалангарра был полковником, а я сколько раз играл в мяч с его братом, бедным малым, как и я. И вот я себе говорил: „Всё то время, что ты служил безупречно, пропало даром. Теперь ты на дурном счету; чтобы снова добиться доверия начальства, тебе придется работать в десять раз больше, чем когда ты поступил новобранцем!“ И ради чего я навлек на себя наказание? Ради какой-то мошенницы-цыганки, которая насмеялась надо мной и сейчас ворует где-нибудь в городе. И всё же я невольно думал о ней. Поверите ли, сеньор, ее дырявые чулки, которые она показывала снизу доверху, убегая, так и стояли у меня перед глазами. Я смотрел на улицу сквозь тюремную решетку, и среди всех проходивших

¹ *Negro*—прозвище, данное сторонникам кортесов во время революции 1820 года. — *Прим. переводчика.*

je n'en voyais pas une seule qui valût cette diable de fille-là. Et puis, malgré moi, je sentais la fleur de cassie qu'elle m'avait jetée, et qui, sèche, gardait toujours sa bonne odeur... S'il y a des sorcières, cette fille-là en était une!

Un jour, le geôlier entre, et me donne un pain d'Alcalà.¹

— Tenez, dit-il, voilà ce que votre cousine vous envoie.

Je pris le pain, fort étonné, car je n'avais pas de cousine à Séville. C'est peut-être une erreur, pensai-je en regardant le pain; mais il était si appétissant, il sentait si bon, que, sans m'inquiéter de savoir d'où il venait et à qui il était destiné, je résolus de le manger. En voulant le couper, mon couteau rencontra quelque chose de dur. Je regarde, et je trouve une petite lime anglaise qu'on avait glissée dans la pâte avant que le pain fût cuit. Il y avait encore dans le pain une pièce d'or de deux piastres. Plus de doute alors, c'était un cadeau de Carmen. Pour les gens de sa race, la liberté est tout, et ils mettraient le feu à une ville pour s'épargner un jour de prison. D'ailleurs, la comère était fine, et avec ce pain-là on se moquait des geôliers. En une heure, le plus gros barreau était scié avec la petite lime; et avec la pièce de deux piastres, chez le premier fripier,

¹ Alcalà de los Panaderos, bourg à deux lieues de Séville, où l'on fait des petits pains délicieux. On prétend que c'est à l'eau d'Alcalà qu'ils doivent leur qualité et l'on en apporte tous les jours une grande quantité à Séville.

— Если бы я вас толкнула и вы упали, земляк, — продолжала она по-баскски, — то не этим двум кастильским новобранцам меня поймать...

Честное слово, я забыл присягу и всё и сказал ей:

— Ну, землячка, милая, попытайтесь, и да поможет вам божья мать горная!

В эту минуту мы проходили мимо узкого переулка, которых столько в Севилье. Вдруг Кармен оборачивается и ударяет меня кулаком в грудь. Я нарочно упал навзничь. Одним прыжком она перескакивает через меня и бросается бежать, показывая нам пару ног!.. Говорят — баскские ноги: таких ног, как у нее, надо было поискать... таких быстрых и стройных. Я тотчас же встаю; но беру пику¹ наперевес, загораживая улицу, так что мои товарищи, едва собравшись в погоню, оказались задержаны. Затем я сам побежал и они за мной; но догнать ее! Нечего было и думать, с нашими шпорами, саблями и пиками! Скорее, чем я вам рассказываю, арестантка скрылась. Вдобавок, все местные кумушки облегчали ей бегство, и потешались над нами, и указывали неверную дорогу. После нескольких маршей и контрмаршей нам пришлось вернуться в кордегардию без расписки от начальника тюрьмы.

Мои люди, чтобы избежать наказания, заявили, что Кармен говорила со мной по-баскски;

¹ Вся испанская кавалерия вооружена пиками.

paraissait pas trop naturel, pour dire la vérité, qu'un coup de poing d'une tant petite fille eût terrassé si facilement un gaillard de ma force. Tout cela parut louche, ou plutôt trop clair. En descendant la garde, je fut dégradé et envoyé pour un mois à la prison. C'était ma première punition depuis que j'étais au service. Adieu les galons de maréchal des logis que je croyais déjà tenir!

Mes premiers jours de prison se passèrent fort tristement. En me faisant soldat,^F je m'étais figuré que je deviendrais tout au moins officier. Longa, Mina, mes compatriotes, sont bien capitaines généraux; Chapalangarra, qui est un négro comme Mina, et réfugié comme lui dans votre pays, Chapalangarra était colonel, et j'ai joué à la paume vingt fois avec son frère, qui était un pauvre diable comme moi. Maintenant je me disais: „Tout le temps que tu as servi sans punition, c'est du temps perdu. Te voilà mal noté; pour te remettre bien dans l'esprit des chefs, il te faudra travailler dix fois plus que lorsque tu es venu comme conscrit! Et pourquoi me suis-je fait punir? Pour une coquine de bohémienne qui s'est moquée de moi, et qui, dans ce moment, est à voler dans quelque coin de la ville“. Pourtant je ne pouvais m'empêcher de penser à elle. Le croiriez-vous, monsieur? ses bas de soie troués qu'elle me faisait voir tout en plein en s'en fuyant, je les avais toujours devant les yeux. Je regardais par les barreaux de la prison dans la rue, et, parmi toutes les femmes qui passaient,

мимо женщин я не видел ни одной, которая бы стояла этой чортовой девки. И потом, против воли, нюхал цветок акации, которым она в меня бросила и который, даже и сухой, всё так же благоухал... Если бывают колдуньи, то эта женщина ею была!

Однажды входит тюремщик и подает мне алькалинский хлебец.¹

— Нате, — сказал он, — это вам от вашей кузины.

Я взял хлебец, но очень удивился, потому что никакой кузины у меня в Севилье не было. „Может быть, это ошибка“, — думал я, рассматривая хлебец; но он был такой аппетитный, от него шел такой вкусный запах, что, не задумываясь над тем, откуда он и кому назначается, я решил его съесть. Когда я стал его резать, мой нож наткнулся на что-то твердое. Я смотрю, и вижу маленький английский напильник, запеченный в тесто. Там оказался еще и золотой в два пиастра. Сомнения не могло быть — то был подарок от Кармен. Для людей ее племени свобода — всё, и они готовы город спалить, лишь бы дня не просидеть в тюрьме. К тому же бабенка была хитра, и с этим хлебцем тюремщики оставались в дураках. В час времени этим маленьким напильником можно было перепилить самый толстый прут; с двумя пиастрами я у первого старьевщика мог

¹ Из Алькала-де-лос-Панадерос, местечка в двух милях от Севильи, где пекут превкусные хлебцы. Говорят, что своими качествами они обязаны тамошней воде, и каждый день их во множестве привозят в Севилью.

je changeais ma capote d'uniforme pour un habit bourgeois. Vous pensez bien qu'un homme qui avait déniché maintes fois des aiglons dans nos rochers ne s'embarrassait guère de descendre dans la rue, d'une fenêtre haute de moins de trente pieds; mais je ne voulais pas m'échapper. J'avais encore mon honneur de soldat, et désertre me semblait un grand crime. Seulement, je fus touché de cette marque de souvenir. Quand on est en prison, on aime à penser qu'on a dehors un ami qui s'intéresse à vous. La pièce d'or m'offusquait un peu, j'aurais bien voulu la rendre; mais où trouver mon créancier? Cela ne me semblait pas facile.

Après la cérémonie de la dégradation, je croyais n'avoir plus rien à souffrir; mais il me restait encore une humiliation à dévorer: ce fut à ma sortie de prison, lorsqu'on me commanda de service et qu'on me mit en faction comme un simple soldat. Vous ne pouvez vous figurer ce qu'un homme de cœur éprouve en pareille occasion. Je crois que j'aurais aimé autant à être fusillé. Au moins on marche seul, en avant de son peloton; on se sent quelque chose; le monde vous regarde.

Je fus mis en faction à la porte du colonel. C'était un jeune homme riche, bon enfant, qui aimait à s'amuser. Tous les jeunes officiers étaient chez lui, et force bourgeois, des femmes aussi, des actrices, à ce qu'on disait. Pour moi, il me semblait que toute la ville s'était donné rendez-vous à sa porte pour me regarder. Voilà

обменять свою форменную шинель на вольное платье. Вы сами понимаете, что человек, которому не раз случалось выкрадывать орлят из гнезд в наших скалах, не затруднился бы спуститься на улицу из окна с высоты неполных тридцати футов; но я не хотел бежать. Во мне еще была воинская честь, и дезертировать казалось мне тяжким преступлением. Но всё-таки я был тронут этим знаком памяти. Когда сидишь в тюрьме, приятно думать, что где-то есть друг, которому ты небезразличен. Золотой меня немного стеснял, я был бы рад его вернуть; но где найти моего заимодавца? Это казалось мне нелегким делом.

После церемонии разжалования я считал, что всё уже выстрадал; но мне предстояло проглотить еще одно унижение: это было по выходе моем из тюрьмы, когда меня назначили на дежурство и поставили на часы, как простого солдата. Вы не можете себе представить, что в подобном случае испытывает человек с самолюбием. Мне кажется, я бы предпочел расстрел. По крайней мере, шагаешь один, впереди взвода; знаешь, что ты что-то значишь; люди на тебя смотрят.

Я стоял на часах у дверей полковника. Это был богатый молодой человек, славный малый, любитель повеселиться. У него собрались все молодые офицеры и много штатских, были и женщины, говорили — актрисы. Мне же казалось, словно весь город съезжается к его дверям, чтобы на меня посмотреть. Вот

qu'arrive la voiture du colonel, avec son valet de chambre sur le siège. Qu'est-ce que je vois descendre?.. la gitanilla. Elle était parée, cette fois, comme une châsse, pomponnée, attifée, tout or et tout rubans. Une robe à paillettes, des souliers bleus à paillettes aussi, des fleurs et des galons partout. Elle avait un tambour de basque à la main. Avec elle il y avait deux autres bohémiennes, une jeune et une vieille. Il y a toujours une vieille pour les mener; puis un vieux avec une guitare, bohémien aussi, pour jouer et les faire danser. Vous savez qu'on s'amuse souvent à faire venir des bohémiennes dans les sociétés, afin de leur faire danser la *romalis*, c'est leur danse, et souvent bien autre chose.

Carmen me reconnut, et nous échangeâmes un regard. Je ne sais, mais, en ce moment, j'aurais voulu être à cent pieds sous terre.

— *Agur laguna*,¹ dit-elle. Mon officier, tu montes la garde comme un conscrit!

Et, avant que j'eusse trouvé un mot à répondre, elle était dans la maison.

Toute la société était dans le patio, et, malgré la foule, je voyais à peu près tout ce qui se passait à travers la grille.² J'entendais les castagnettes, le tambour, les rires et les bravos; parfois

¹ Bonjour, camarade.

² La plupart des maisons de Séville ont une cour intérieure entourée de portiques. On s'y tient en été. Cette cour est couverte d'une toile qu'on arrose pendant le jour et qu'on retire le soir. La porte de la rue est presque toujours ouverte, et le passage qui conduit à la cour, *zaguan*, est fermé par une grille en fer très élégamment ouvragée.

подкатывает коляска полковника, с его камердинером на козлах. И что же я вижу, кто оттуда сходит?.. Моя цыганочка. На этот раз она была разукрашена, как икона, разряжена в пух и прах, вся в золоте и лентах. Платье с блестками, голубые туфельки, тоже с блестками, всюду цветы и шитье. В руке она держала бубен. С нею были еще две цыганки, молодая и старая. Их всегда сопровождает какая-нибудь старуха; а также старик с гитарой, тоже цыган, чтобы играть им для танцев. Вам известно, что цыганок часто приглашают в дома, и они там пляшут *ромалис*, это их танец, и нередко многое другое.

Кармен меня узнала, и мы обменялись взглядом. Не знаю, но в эту минуту я предпочел бы быть в ста футах под землей.

— *Agur laguna*,¹ — сказала она. — Господин офицер, ты караулишь, как новобранец!

И не успел я найтись, что ответить, как она уже вошла в дом.

Всё общество было в патио, и, несмотря на толпу, я мог через калитку² видеть более или менее всё, что там происходило. Я слышал кастаньеты, бубен, смех и крики браво; иногда мне

¹ Здравствуй, товарищ.

² У большей части севильских домов бывает внутренний двор, окруженный галлереей. Там обыкновенно сидят летом. Двор этот накрыт пологом, который днем поливают водой, а на ночь убирают. Ворота на улице почти всегда открыты, а проход, который ведет во двор, *zaguan* перегорожен железной калиткой очень изящной работы.

j'apercevais sa tête quand elle sautait avec son tambour. Puis j'entendais encore des officiers qui lui disaient bien des choses qui me faisaient monter le rouge à la figure. Ce qu'elle répondait, je n'en savais rien. C'est de ce jour-là, je pense, que je me mis à l'aimer pour tout de bon; car l'idée me vint trois ou quatre fois d'entrer dans le patio, et de donner de mon sabre dans le ventre à tous ces freluquets qui lui contaient fleurettes. Mon supplice dura une bonne heure: puis les bohémiennes sortirent, et la voiture les ramena. Carmen, en passant, me regarda encore avec les yeux que vous savez, et me dit très bas:

— Pays, quand on aime la bonne friture, on en va manger à Triana, chez Lillas Pastia.

Légère comme un cabri, elle s'élança dans la voiture, le cocher fouetta ses mules, et toute la bande joyeuse s'en fut je ne sais où.

Vous devinez bien qu'en descendant ma garde j'allai à Triana; mais d'abord je me fis raser et je me brossai comme pour un jour de parade. Elle était chez Lillas Pastia, un vieux marchand de friture, bohémien, noir comme un Maure, chez qui beaucoup de bourgeois venaient manger du poisson frit, surtout, je crois, depuis que Carmen y avait pris ses quartiers.

— Lillas, dit-elle sitôt qu'elle me vit, je ne fais plus rien de la journée. Demain il fera jour.¹ Allons, pays, allons nous promener.

Elle mit sa mantille devant son nez, et nous voilà dans la rue, sans savoir où j'allais.

¹ *Mañana será otro día.* — Proverbe espagnol.

видна была ее голова, когда она подпрыгивала со своим бубном. Слышал я также голоса офицеров, говоривших ей всякие глупости, от которых у меня кровь кидалась в лицо. Мне кажется, что именно с этого дня я полюбил ее по-настоящему: потому что раза три или четыре я готов был войти в патио и всадить саблю в живот всем этим ветрогонам, которые с ней любезничали. Моя пытка продолжалась добрый час; потом цыганки вышли, и коляска их увезла. Кармен, на ходу, еще раз взглянула на меня этими своими глазами и сказала мне совсем тихо:

— Земляк, кто любит хорошо поджаренную рыбу, тот идет в Триану, к Лильяс Пастиа.

Легкая, как козочка, она вскочила в коляску, кучер стегнул своих мулов, и веселая компания покатила куда-то.

Вы сами догадываетесь, что, сменившись с караула, я отправился в Триану; но прежде побрился и причесался, как на парад. Кармен оказалась в съестной лавочке у Лильяс Пастиа, старого цыгана, черного, как мавр, к которому многие горожане заходили поесть жареной рыбы, в особенности, как будто, с тех пор, как там обосновалась Кармен.

— Лильяс, — сказала она, как только меня увидела, — сегодня я больше ничего не делаю. Успеется завтра.¹ Идем, земляк, идем гулять.

Под носом у него она накинула мантилью, и мы очутились на улице, причем, куда я иду — я не знал.

¹ *Mañana será otro día.* — Испанская пословица.

— Mademoiselle, lui dis-je, je crois que j'ai à vous remercier d'un présent que vous m'avez envoyé quand j'étais en prison. J'ai mangé le pain; la lime me servira pour affiler ma lance, et je la garde comme souvenir de vous; mais l'argent, le voilà:

— Tiens! il a gardé l'argent, s'écria-t-elle en éclatant de rire. Au reste, tant mieux, car je ne suis guère en fonds; mais qu'importe? chien qui chemine ne meurt pas de famine.¹ Allons, mangeons tout. Tu me régales.

Nous avons repris le chemin de Séville. A l'entrée de la rue du Serpent, elle acheta une douzaine d'oranges, qu'elle me fit mettre dans mon mouchoir. Un peu plus loin, elle acheta encore un pain, du saucisson, une bouteille de manzanilla; puis enfin elle entra chez un confiseur. Là, elle jeta sur le comptoir la pièce d'or que je lui avais rendue, une autre encore qu'elle avait dans sa poche, avec quelque argent blanc; enfin elle me demanda tout ce que j'avais. Je n'avais qu'une piécette et quelques cuartos, que je lui donnai, fort honteux de n'avoir pas davantage. Je crus qu'elle voulait emporter toute la boutique. Elle prit tout ce qu'il y avait de plus beau et de plus cher, *yemas*,² *turon*,³ fruits confits, tant que l'argent dura. Tout cela, il fallut encore que je le portasse dans des sacs de papier. Vous connaissez

¹ *Chuquel sos pirela,
Cocal terela.*

Chien qui marche, os trouve. — Proverbe bohémien,

² jaunes d'œuf sucrés

³ espèce de nougat

— Сеньорита, — сказал я ей, — мне кажется, я должен вас поблагодарить за подарок, который вы мне прислали, когда я был в тюрьме. Хлебец я съел; напильник мне пригодится, чтобы точить пику, и я его сохраню на память о вас; но деньги — вот.

— Скажите! Он сберег деньги! — воскликнула она, хохоча. — Впрочем, тем лучше, потому что я сейчас не при капиталах; да что! Пес, что ходит, кость находит. ¹ Давай, проедем всё. Ты меня угощаешь.

Мы вернулись в Севилью. В начале Змеиной улицы она купила дюжину апельсинов и велела мне их завернуть в платок. Немного дальше она купила хлеб, колбасы, бутылку мансанильи; наконец зашла в кондитерскую. Тут она швырнула на прилавок золотой, который я ей вернул, еще золотой, который у нее был в кармане, и немного серебра, потом потребовала у меня всю мою наличность. У меня оказалась всего-навсего песета и несколько куарто, которые я ей и дал, стыдясь, что больше у меня ничего нет. Я думал, она купит всю лавку. Она выбрала все, что было самого лучшего и дорогого: *йемас*, ² *турон*, ³ засахаренные фрукты, насколько хватило денег. Все это я опять должен был нести в бумажных мешочках. Вы, может быть, знаете улицу Кан-

¹ *Chuquel sos pirela,
Cocal terela.*

Цыганская пословица.

² засахаренные желтки

³ род нуги

peut-être la rue du Candilejo, où il y a une tête du roi don Pedro le Justicier.¹ Elle aurait dû m'inspirer des réflexions. Nous nous arrê tâmes, dans cette rue-là, devant une vieille maison. Elle entra dans l'allée, et frappa au rez-de-chaussée. Une bohémienne, vraie servante de Satan, vint nous ouvrir. Carmen lui dit quelques mots en rommani. La vieille grogna d'abord. Pour l'apaiser, Carmen lui donna deux oranges et une poignée de bonbons, et lui permit de goûter au vin. Puis elle lui mit sa mante sur le dos et la conduisit à la porte, qu'elle ferma avec la barre de bois. Dès que nous fûmes seuls, elle se mit à danser et à rire comme une folle, en chantant: „Tu es mon *rom*,

¹ Le roi don Pèdre, que nous nommons *le Cruel*, et que la reine Isabelle la Catholique n'appelait jamais que *le Justicier*, aimait à se promener le soir dans les rues de Séville, cherchant les aventures, comme le calife Haroûn-al-Raschid. Certaine nuit, il se prit de querelle, dans une rue écartée, avec un homme qui donnait une sérénade. On se battit, et le roi tua le cavalier amoureux. Au bruit des épées, une vieille femme mit la tête à la fenêtre, et éclaira la scène avec la petite lampe, *candilejo*, qu'elle tenait à la main. Il faut savoir que le roi don Pèdre, d'ailleurs lesté et vigoureux, avait un défaut de conformation singulier. Quand il marchait, ses rotules craquaient fortement. La vieille, à ce craquement, n'eut pas de peine à le reconnaître. Le lendemain, le Vingt-quatre en charge vint faire son rapport au roi. „Sire, on s'est battu en duel, cette nuit, dans telle rue. Un des combattants est mort. — Avez-vous découvert le meurtrier? — Oui, sire. — Pourquoi n'est-il pas déjà puni? — Sire, j'attends vos ordres. — Exécutez la loi“. Or, le roi venait de publier un décret portant que tout duelliste serait décapité, et que sa tête demeurerait exposée sur le lieu du combat. Le Vingt-quatre se tira d'affaire en homme d'esprit.

дилехо, с головой короля дон Педро Справедливого.¹ Она должна была бы навести меня на размышления. На этой улице мы остановились у какого-то старого дома. Кармен вошла в узкий проход и постучала в дверь. Нам отворила цыганка, истинная прислужница сатаны. Кармен сказала ей что-то на роммани. Старуха было заворчала. Чтобы ее утихомирить, Кармен дала ей два апельсина и пригоршню конфет, и позволила ей отведать вина. Потом она набросила ей на плечи плащ и вывела за дверь, которую и заперла деревянным засовом. Как только мы остались одни, она принялась танцевать и хототать, как сумасшедшая, напевая: „Ты мой *ром*,

¹ Король дон Педро, которого мы зовем *Жестоким* и которого королева Изабелла Католичка называла не иначе, как *Справедливым*, любил прогуливаться вечером по улицам Севильи в поисках приключений, подобно халифу Харуну-аль-Рашиду. Однажды ночью, на глухой улице, он затеял ссору с женщиной, певшим своей даме серенаду. Они подрались, и король убил влюбленного кавалера. При звуке шпага, в окно высунулась старуха и осветила эту сцену маленьким светильником, *candlejo*, бывшим у нее в руке. А надо знать, что король дон Педро, в общем ловкий и сильный, обладал странным недостатком в телосложении. Когда он шагал, его коленные чашки издавали громкий хруст. По этому хрусту, старуха сразу его узнала. На следующей день дежурный вейнтикуатро явился к королю с докладом. „Ваше величество, сегодня ночью, на такой-то улице, был поединок. Один из дравшихся убит. — Нашли вы убийцу? — Да, ваше величество. — Почему он еще не наказан? — Ваше величество, я ожидаю ваших приказаний. — Исполните закон“. А как раз незадолго перед тем король издал указ, гласивший, что всякий поединщик будет обезглавлен и что голова его будет выставлена на месте поединка. Вейнтикуатро

je suis ta *romi*“.¹ Moi, j'étais au milieu de la chambre, chargé de toutes ses emplettes, ne sachant où les poser. Elle jeta tout par terre, et me sauta au cou en me disant: „Je paye mes dettes, je paye mes dettes! c'est la loi des *Calés!*“² Ah! Monsieur, cette journée-là! cette journée-là! .. quand j'y pense, j'oublie celle de demain.

Le bandit se tut un instant; puis, après avoir rallumé son cigare, il reprit:

Nous passâmes ensemble toute la journée, mangeant, buvant, et le reste. Quand elle eut mangé des bonbons comme un enfant de six ans, elle en fourra des poignées dans la jarre d'eau de la vieille. „C'est pour lui faire du sorbet“, disait-elle. Elle écrasait des yemas en les lançant contre la muraille. „C'est pour que les mouches nous laissent tranquilles“, disait-elle... Il n'y a pas de tour ni de bêtise qu'elle ne fit. Je lui dis que je voudrais la voir danser; mais où trouver des castagnettes? Aussitôt elle prend la seule assiette de la vieille,

Il fit scier la tête d'une statue du roi, et l'exposa dans une niche au milieu de la rue, théâtre du meurtre. Le roi et tous les Sévillans le trouvèrent fort bon. La rue prit son nom de la lampe de la vieille, seul témoin de l'aventure.— Voilà la tradition populaire. Zuñigaraconte l'histoire un peu différemment (voir *Anales de Sevilla*, t. II, p. 136). Quoi qu'il en soit, il existe encore à Séville une rue du Candilejo, et dans cette rue un buste de pierre qu'on dit être le portrait de don Pèdre. Malheureusement, ce buste est moderne. L'ancien était fort usé au XVIIe siècle, et la municipalité d'aujourd'hui le fit remplacer par celui qu'on voit aujourd'hui.

¹ *Rom*, mari; *romi*, femme.

² *Calo*; féminin, *calli*; pluriel, *calés*. Mot à mot: noir, nom que les bohémiens se donnent dans leur langue.

я твоя *роми*“.¹ А я стоял посреди комнаты, нагруженный всеми этими покупками и не зная, куда их девать. Она бросила все на пол и кинулась мне на шею, говоря: „Я плачу свои долги, я плачу свои долги! Таков закон у *кале*!“² Ах, сеньор, этот день, этот день!.. Когда я его вспоминаю, я забываю про завтрашний.

Бандит умолк; потом, раскурив потухшую сигару, продолжал.

Мы провели вместе целый день, ели, пили, и все остальное. Наевшись конфет, как шестилетний ребенок, она стала пихать их пригоршнями в старухин кувшин с водой. „Это ей будет шербет“, говорила она. Она давила „йемас“, кидая их об стену. „Это, чтобы нам не надоедали мухи“, говорила она... Каких только шалостей и глупостей она не придумывала! Я сказал ей, что мне хотелось бы посмотреть, как она танцует; но где взять кастаньеты? Она тут же берет единственную старухину тарелку,

нашел остроумный выход. Он велел отпилить голову у одной из королевских статуй и выставил ее в нише посреди улицы, на которой произошло убийство. Королю и всем севильянкам это очень понравилось. Улица была названа по светильнику старухи, единственной очевидицы этого случая. Таково народное предание. Суньига рассказывает об этом несколько иначе (см. *Anales de Sevilla*, т. II, стр. 136). Как бы там ни было, в Севилье все еще существует улица Кандилехо, а на этой улице—каменный бюст, который считается портретом дон Педро. К сожалению, бюст этот новый. Прежний очень обветшал в XVII веке, и тогдашний муниципалитет заменил его тем, который можно видеть сейчас.

¹ *Rom* — муж; *romi* — жена.

² *Calo*; ж. род — *calli*; мн. число — *calés*. Дословно: *черный*, — так называют себя цыгане на своем языке.

la casse en morceaux, et la voilà qui danse la romalis en faisant claquer les morceaux de faïence aussi bien que si elle avait eu des castagnettes d'ébène ou d'ivoire. On ne s'ennuyait pas auprès de cette fille-là, je vous en réponds. Le soir vint, et j'entendis les tambours qui battaient la retraite.

— Il faut que j'aille au quartier pour l'appel, lui dis-je.

— Au quartier? dit-elle d'un air de mépris; tu es donc un nègre, pour te laisser mener à la baguette? Tu es un vrai canari, d'habit et de caractère. ¹ Va, tu as un cœur de poulet.

Je restai, résigné d'avance à la salle de police. Le matin, ce fut elle qui parla la première de nous séparer.

— Écoute, Joseito, dit-elle; t'ai-je payé? D'après notre loi, je ne te devais rien, puisque tu es un *payllo*; mais tu es un joli garçon, et tu m'as plu. Nous sommes quittes. Bonjour.

Je lui demandai quand je la reverrais.

— Quand tu seras moins niais, répondit-elle en riant. Puis, d'un ton plus sérieux: — Sais-tu, mon fils, que je crois que je t'aime un peu? Mais cela ne peut durer. Chien et loup ne font pas longtemps bon ménage. Peut-être que, si tu prenais la loi d'Égypte, j'aimerais à devenir ta romi. Mais, ce sont des bêtises: cela ne se peut pas. Bah! mon garçon, crois-moi, tu en es quitte à bon compte. Tu as rencontré le diable, oui, le diable; il n'est pas toujours noir, et il ne t'a pas

¹ Les dragons espagnols sont habillés de jaune.

ломает ее на куски и отплясывает ромалис, щелкая фаянсовыми осколками не хуже, чем если бы это были кастаньеты из черного дерева или слоновой кости. С этой женщиной нельзя было соскучиться, ручаюсь вам. Наступил вечер, и я услышал, как барабаны бьют зорю.

— Мне пора в казарму на переключку, — сказал я ей.

— В казарму? — промолвила она презрительно. — Или ты негр, чтобы тебя водили на веревочке? Ты настоящая канарейка, одеждой и нравом.¹ И сердце у тебя цыплячье

Я остался, заранее мирясь с арестантской. На утро она первая заговорила о том, чтобы нам расстаться.

— Послушай, Хосейто, — сказала она. — Ведь я с тобой расплатилась? По нашему закону, я тебе ничего не была должна, потому что ты *пильо*; но ты красивый мальчик, и ты мне понравился. Мы квиты. Будь здоров.

Я спросил ее, когда мы с ней увидимся.

— Когда ты чуточку поумнеешь, — отвечала она, смеясь. Потом, уже более серьезным тоном: — Знаешь, сынок, мне кажется, что я тебя немножко люблю. Но только это ненадолго. Собаке с волком не ужиться. Быть может, если бы ты принял цыганский закон, я бы согласилась стать твоей роми. Но это глупости; этого не может быть. Нет, мой мальчик, поверь мне, ты дешево отделался. Ты повстречался с чортом, да, с чортом; не всегда он черен,

¹ Испанские драгуны ходят в желтом.

tordu le cou. Je suis habillée de laine, mais je ne suis pas mouton.¹ Va mettre un cierge devant ta *majari*;² elle l'a bien gagné. Allons, adieu encore une fois. Ne pense plus à Carmencita, ou elle te ferait épouser une veuve à jambes de bois.³

En parlant ainsi, elle défaisait la barre qui fermait la porte, et une fois dans la rue elle s'enveloppa dans sa mantille et me tourna les talons.

Elle disait vrai. J'aurais été sage de ne plus penser à elle; mais, depuis cette journée dans la rue du Candilejo, je ne pouvais plus songer à autre chose. Je me promenais tout le jour, espérant la rencontrer. J'en demandais des nouvelles à la vielle et au marchand de friture. L'un et l'autre répondaient qu'elle était partie pour Lalorò,⁴ c'est ainsi qu'ils appellent le Portugal. Probablement c'était d'après les instructions de Carmen qu'ils parlaient de la sorte, mais je ne tardai pas à savoir qu'ils mentaient. Quelques semaines après ma journée de la rue du Candilejo, je fus de faction à une des portes de la ville. A peu de distance de cette porte, il y avait une brèche qui s'était faite dans le mur d'enceinte; on y travaillait pendant le jour, et la nuit on y mettait un factionnaire pour empêcher les fraudeurs. Pendant le jour, je vis Lillas Pastia passer et repasser autour du corps-de-garde, et causer avec quelques-uns de mes camarades; tous le

¹ *Me dicas vriardâ de jorpoj, bus ne sino braco*.— Proverbe bohémien.

² La sainte; la sainte Vierge.

³ La potence, qui est veuve du dernier pendu.

⁴ La (terre) rouge.

и шею он тебе не сломал. Я ношу шерсть, но я не овечка.¹ Поставь свечу своей *махари*; ² она этого заслужила. Ну, прощай еще раз. Не думай больше о Карменсите, не то она женит тебя на вдове с деревянными ногами.³

С этими словами она отодвинула за-сов, запиравший дверь, и, выйдя на улицу, закуталась в мантилью и повернула мне спину.

Она была права. Лучше мне было не думать о ней больше; но после этого дня на улице Кандилехо я ни о чем другом думать не мог. Я целыми днями бродил, надеясь ее встретить. Я справлялся о ней у старухи и у хозяина съестной лавочки. Оба они отвечали, что она уехала в Лалорó; ⁴ так они называют Португалию. Это, должно быть, Кармен велела им так говорить, но я вскоре же убедился, что они лгут. Несколько недель спустя после моей побывки на улице Кандилехо, я стоял на часах у городских ворот. Неподалеку от этих ворот, в крепостной стене образовался пролом; днем его чинили, а на ночь к нему ставили часового, чтобы помешать контрабандистам. Днем я видел, как около кордегардии сновал Лильяс Пастиа и заговаривал с некоторыми из моих товарищей; все были с ним знакомы,

¹ *Me dicas vriardâ de jorpoу, bus ne sino braco.* — Цыганская пословица.

² *Majari* — святая; святая дева.

³ Виселица, вдова последнего повешенного.

⁴ Красная (земля).

connaissaient, et ses poissons et ses beignets encore mieux. Il s'approcha de moi et me demanda si j'avais des nouvelles de Carmen.

— Non, lui dis-je.

— Eh bien, vous en aurez, compère.

Il ne se trompait pas. La nuit, je fus mis de faction à la brèche. Dès que le brigadier se fut retiré, je vis venir à moi une femme. Le cœur me disait que c'était Carmen. Cependant je criai :

— Au large! On ne passe pas!

— Ne faites donc pas le méchant, me dit-elle en se faisant connaître à moi.

— Quoi! vous voilà, Carmen!

— Oui, mon pays. Parlons peu, parlons bien. Veux-tu gagner un douró? Il va venir des gens avec des paquets; laisse-les faire.

— Non, répondis-je. Je dois les empêcher de passer; c'est la consigne.

— La consigne! la consigne! Tu n'y penses pas rue du Candilejo.

— Ah! répondis-je, tout bouleversé par ce seul souvenir, cela valait bien la peine d'oublier la consigne; mais je ne veux pas de l'argent des contrebandiers.

— Voyons, si tu ne veux pas d'argent, veux-tu que nous allions encore dîner chez la vieille Dorothee?

— Non! dis-je à moitié étranglé par l'effort que je faisais. Je ne puis pas.

— Fort bien. Si tu es si difficile, je sais à qui m'adresser. J'offrirai à ton officier d'aller chez Dorothee. Il a l'air d'un bon enfant, et il fera mettre en sentinelle un gaillard qui ne verra

а с его рыбой и оладьями и подавно. Он подошел ко мне и спросил, не знаю ли я чего о Кармен.

— Нет, — отвечал я ему.

— Ну, так узнаете, куманек.

Он не ошибся. На ночь я был наряжен стеречь пролом. Как только ефрейтор ушел, я увидел, что ко мне подходит какая-то женщина. Сердце мне подсказывало, что это Кармен. Однако я крикнул:

— Ступай прочь! Проходу нет!

— Ну, не будьте злым, — сказала она, давая себя узнать.

— Как? Это вы, Кармен!

— Да, земляк. И вот в чем дело. Хочешь заработать дура? Тут пойдут люди с тюками; не мешай им.

— Нет, — отвечал я. — Я не могу их пропустить; таков приказ.

— Приказ! Приказ! На улице Кандилехо ты не думал о приказах.

— Ах, — отвечал я, сам не свой от одного этого воспоминания, — тогда не трудно было забыть всякие приказы; но я не желаю денег от контрабандистов.

— Ну хорошо, если ты не желаешь денег, хочешь, мы еще раз пообедаем у старой Доротее?

— Нет, — сказал я, чуть не задыхаясь от усилия. — Я не могу.

— Отлично. Раз ты такой несговорчивый, я знаю, к кому мне обратиться. Я предложу твоему офицеру сходить к Доротее. Он, кажется, славный малый и поставит часовым молодчика, который будет видеть только

que ce qu'il faudra voir. Adieu, canari. Je rirai bien le jour où la consigne sera de te pendre.

J'eus la faiblesse de la rappeler, et je promis de laisser passer toute la bohême, s'il le fallait, pourvu que j'obtinsse la seule récompense que je désirais. Elle me jura aussitôt de me tenir parole dès le lendemain, et courut prévenir ses amis, qui étaient à deux pas. Il y en avait cinq, dont était Pastia, tous bien chargés de marchandises anglaises. Carmen faisait le guet. Elle devait avertir avec ses castagnettes dès qu'elle apercevrait la ronde, mais elle n'en eut pas besoin. Les fraudeurs firent leur affaire en un instant.

Le lendemain, j'allai rue du Candilejo. Carmen se fit attendre, et vint d'assez mauvaise humeur.

— Je n'aime pas les gens qui se font prier, dit-elle. Tu m'as rendu un plus grand service la première fois, sans savoir si tu y gagnerais quelque chose. Hier, tu as marchandé avec moi. Je ne sais pas pourquoi je suis venue, car je ne t'aime plus. Tiens, va-t'en, voilà un douro pour ta peine.

Peu s'en fallut que je ne lui jetasse la pièce à la tête, et je fus obligé de faire un effort violent sur moi-même pour ne pas la battre. Après nous être disputés pendant une heure, je sortis furieux. J'errai quelque temps par la ville, marchant deçà et delà comme un fou; enfin j'entrai dans une église, et, m'étant mis dans le coin le plus obscur, je pleurai à chaudes larmes. Tout d'un coup j'entends une voix;

то, что полагается. Прощай, канарейка. Я уж посмеюсь, когда выйдет приказ тебя повесить.

Я имел малодушие ее окликнуть и обещал пропустить хотя бы всех цыган на свете, лишь бы мне досталась та единственная награда, о которой я мечтал. Она тут же поклялась, что завтра же исполнит обещание, и побежала звать своих приятелей, которые оказались в двух шагах. Их было пятеро, в том числе и Пастиа, все основательно нагруженные английскими товарами. Кармен караулила. Она должна была щелкнуть кастаньетами, как только заметит дозор, но этого не потребовалось. Контрабандисты управились мигом.

На следующий день я пошел на улицу Кандилехо. Кармен заставила себя ждать и пришла не в духе.

— Я не люблю людей, которых надо упрашивать, — сказала она. — Первый раз ты мне оказал услугу поважнее, хоть и не знал, выгадаешь ли что-нибудь на этом. А вчера ты со мной торговался. Я сама не знаю, зачем я пришла, потому что я не люблю тебя больше. Знаешь, уходи, вот тебе дура за труды.

Я чуть не бросил ей монету в лицо, и мне пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не поколотить ее. Мы препирались целый час, и я ушел в бешенстве. Некоторое время я бродил по улицам, шагая, куда глаза глядят, как сумасшедший; наконец я зашел в церковь и, забившись в самый темный угол, заплакал горькими слезами. Вдруг я слышу голос:

— Larmes de dragon! j'en veux faire un philtre.

Je lève les yeux, c'était Carmen en face de moi.

— Eh bien, mon pays, m'en voulez-vous encore? me dit-elle. Il faut bien que je vous aime, malgré que j'en aie, car, depuis que vous m'avez quittée, je ne sais ce que j'ai. Voyons, maintenant c'est moi qui te demande si tu veux venir rue du Candilejo.

Nous fîmes donc la paix; mais Carmen avait l'humeur comme est le temps chez nous. Jamais l'orage n'est si près dans nos montagnes que lorsque le soleil est le plus brillant. Elle m'avait promis de me revoir une autre fois chez Dorothée, et elle ne vint pas. Et Dorothée me dit de plus belle qu'elle était allée à Lalorò pour les affaires d'Égypte.

Sachant déjà par expérience à quoi m'en tenir là-dessus, je cherchais Carmen partout où je croyais qu'elle pouvait être, et je passais vingt fois par jour dans la rue du Candilejo. Un soir, j'étais chez Dorothée, que j'avais presque appri-voisée en lui payant de temps à autre quelque verre d'anisette, lorsque Carmen entra suivie d'un jeune homme, lieutenant dans notre régiment.

— Va-t'en vite, me dit-elle en basque.

Je restai stupéfait, la rage dans le cœur.

— Qu'est-ce que tu fais ici? me dit le lieutenant. Décampe, hors d'icil

Je ne pouvais faire un pas; j'étais comme perclus. L'officier, en colère, voyant que je ne

— Драконьи слезы! ¹ Я сделаю из них при-
воротное зелье.

Я поднимаю глаза, передо мной стояла Кармен.

— Ну что, земляк, вы все еще на меня сердитесь? — сказала она мне. — Видно, я вас все-таки люблю, несмотря ни на что, потому что с тех пор, как вы меня покинули, я сама не знаю, что со мной. Ну вот, теперь я сама тебя спрашиваю: хочешь, пойдем на улицу Кандилехо?

Итак, мы помирились; но нрав у Кармен был вроде погоды в наших краях. У нас в горах гроза тем ближе, чем солнце ярче. Она мне обещала еще раз встретиться со мной у Доротеи, и не пришла. И Доротея сказала мне опять, что она уехала в Лалорб по цыганским делам.

Зная уже по опыту, как к этому относиться, я искал Кармен повсюду, где мог рассчитывать ее встретить, и раз двадцать в день проходил по улице Кандилехо. Как-то вечером я сидел у Доротеи, которую почти приручил, угощая ее время от времени рюмкой анисовки, как вдруг входит Кармен в сопровождении молодого человека, поручика нашего полка.

— Уходи, — быстро проговорила она мне по-баскски.

Я стоял ошеломленный, с яростью в сердце.

— Ты здесь что делаешь? — обратился ко мне поручик. — Проваливай, вон отсюда!

Я не мог ступить шагу; у меня словно ноги отнялись. Офицер, в гневе, видя, что я

¹ Игра слов: по-французски, как и по-испански, *dragon* означает и *дракон* и *драгун*. — Прим. переводчика.

me retirais pas, et que je n'avais même pas ôté, mon bonnet de police, me prit au collet et me secoua rudement. Je ne sais ce que je lui dis. Il tira son épée, et je dégainai. La vieille me saisit le bras, et le lieutenant me donna un coup au front, dont je porte encore la marque. Je reculai, et d'un coup de coude je jetai Dorothee à la renverse; puis, comme le lieutenant me poursuivait, je lui mis la pointe au corps, et il s'enferra. Carmen alors éteignit la lampe, et dit dans sa langue à Dorothee de s'enfuir. Moi-même je me sauvai dans la rue, et me mis à courir sans savoir où. Il me semblait que quelqu'un me suivait. Quand je revins à moi, je trouvai que Carmen ne m'avait pas quitté.

— Grand niais de canari! me dit-elle, tu ne sais faire que des bêtises. Aussi bien, je te l'ai dit que je te porterais malheur. Allons, il y a remède à tout, quand on a pour bonne amie une Flamande de Rome.¹ Commence par mettre ce mouchoir sur ta tête, et jette-moi ce ceinturon. Attends-moi dans cette allée. Je reviens dans deux minutes.

Elle disparut, et me rapporta bientôt une mante rayée qu'elle était allée chercher je ne sais où. Elle me fit quitter mon uniforme et mettre la mante par-dessus ma chemise. Ainsi accoutré,

¹ *Flamenca de Roma*. Terme d'argot qui désigne les bohémiennes. *Roma* ne veut pas dire ici la ville éternelle, mais la nation des Romi ou des *gens mariés*, nom que se donnent les bohémiens. Les premiers qu'on vit en Espagne venaient probablement des Pays-Bas, d'où est venu leur nom de *Flamands*.

не ухожу и даже не снимаю бескозырки, взял меня за шиворот и грубо тряхнул. Я не помню, что я ему сказал. Он обнажил саблю, я вынул свою. Старуха схватила меня за руку, и поручик нанес мне в лоб удар, след от которого у меня и до сих пор остался. Я подался назад и, двинув локтем, повалил Доротею; потом, видя, что поручик на меня наступает, я ткнул его саблей и пронзил. Тогда Кармен погасила лампу и на своем языке велела Доротее удирать. Сам я выскочил на улицу и побежал наугад. Мне казалось, что за мной гонятся. Когда я пришел в себя, я увидел, что Кармен со мной.

— Глупая канарейка! — сказала она мне. — Ты умеешь делать только глупости. Я же говорила, что принесу тебе несчастье. Ничего, все можно исправить, когда дружишь с романской фламандкой.¹ Прежде всего, повяжи голову этим платком и брось португеею. Подожди меня в этом проходе. Я через две минуты вернусь.

Она исчезла и скоро явилась с полосатым плащом, который где-то раздобыла. Она велела мне снять мундир и накинуть плащ поверх рубашки. В таком одеянии, с платком на

¹ *Flamenca de Roma* — жаргонный термин, обозначающий цыганку. *Roma* значит здесь не вечный город, а народ Роми, или *женатых людей*, как называют самих себя цыгане. Первые появившиеся в Испании цыгане пришли, вероятно, из Нидерландов, почему их и стали звать *фламандцами*.

avec le mouchoir dont elle avait bandé la plaie que j'avais à la tête, je ressemblais assez à un paysan valencien, comme il y en a à Séville, qui viennent vendre leur orgeat de *chufas*.¹ Puis elle me mena dans une maison assez semblable à celle de Dorothee, au fond d'une petite ruelle. Elle et une autre bohémienne me lavèrent, me pansèrent mieux que n'eût pu le faire un chirurgien-major, me firent boire je ne sais quoi; enfin, on me mit sur un matelas, et je m'endormis.

Probablement ces femmes avaient mêlé dans ma boisson quelques-unes de ces drogues assoupissantes dont elles ont le secret, car je ne m'éveillai que fort tard le lendemain. J'avais un grand mal de tête et un peu de fièvre. Il fallut quelque temps pour que le souvenir me revînt de la terrible scène où j'avais pris part la veille. Après avoir pansé ma plaie, Carmen et son amie, accroupies toutes les deux sur les talons auprès de mon matelas, échangèrent quelques mots en *chipe calli*, qui paraissaient être une consultation médicale. Puis toutes les deux m'assurèrent que je serais guéri avant peu, mais qu'il fallait quitter Séville le plus tôt possible; car, si l'on m'y attrapait, j'y serais fusillé sans rémission.

— Mon garçon, me dit Carmen, il faut que tu fasses quelque chose; maintenant que le roi ne te donne plus ni riz ni mirlouche,² il faut

¹ Racine bulbeuse dont on fait une boisson assez agréable.

² Nourriture ordinaire du soldat espagnol.

голове, которым она повязала мою рану, я был похож на валенсийского крестьянина, из тех, что можно встретить в Севилье, где они торгуют *чуфовым*¹ оржадом. Потом она отвела меня в какой-то дом, вроде Доротеина, в глубине переулочка. Она и еще какая-то цыганка омыли и перевязали мне рану лучше любого полкового хирурга, напоили меня чем-то; наконец, меня уложили на тюфяк, и я уснул.

Вероятно, эти женщины примешали мне в питье какое-то снотворное снадобье, как они умеют готовить, потому что на следующий день я проснулся очень поздно. У меня сильно болела голова и был небольшой жар. Я не сразу мог вспомнить ужасную сцену, в которой участвовал накануне. Перевязав мне рану, Кармен и ее приятельница, сидя на корточках возле моего тюфяка, о чем-то посоветовались на *чипе кальи*, что было, повидимому, врачебной консультацией. Затем они мне заявили, что я скоро поправлюсь, но что мне необходимо как можно скорее уехать из Севильи; потому что, если меня здесь поймают, я буду наверняка расстрелян.

— Мой мальчик, — сказала мне Кармен, — тебе надо чем-нибудь заняться; раз король тебя уже не кормит больше ни рисом ни мермерланом,² тебе следует подумать о заработке.

¹ Клубневидный корень, из которого готовят довольно приятный напиток.

² Обычная пища испанского солдата.

que tu songes à gagner ta vie. Tu est trop bête pour voler á *pastesas*;¹ mais tu es leste et fort: si tu as du cœur, va-t'en à la côte, et fais-toi contrebandier. Ne t'ai-je pas promis de te faire pendre? Cela vaut mieux que d'être fusillé. D'ailleurs, si tu sais t'y prendre, tu vivras comme un prince, aussi longtemps que les *miñons*² et les gardes-côtes ne te mettront pas la main sur le collet.

Ce fut de cette façon engageante que cette diable de fille me montra la nouvelle carrière qu'elle me destinait, la seule, à vrai dire, qui me restât, maintenant que j'avais encouru la peine de mort. Vous le dirai-je, monsieur? elle me détermina sans beaucoup de peine. Il me semblait que je m'unissais à elle plus intimement par cette vie de hasards et de rébellion. Désormais je crus m'assurer son amour. J'avais entendu souvent parler de quelques contrebandiers qui parcouraient l'Andalousie, montés sur un bon cheval, l'espingole au poing, leur maîtresse en croupe. Je me voyais déjà trottant par monts et par vaux avec la gentille bohémienne derrière moi. Quand je lui parlais de cela, elle riait à se tenir les côtes, et me disait qu'il n'y a rien de si beau qu'une nuit passée au bivouac, lorsque chaque rom se retire avec sa romi sous sa petite tente formée de trois cerceaux, avec une couverture par-dessus.

¹ *Ustilar á pastesas*, voler avec adresse, dérober sans violence.

² Espèce de corps franc.

Ты слишком глуп, чтобы воровать *á pastesas*,¹ но ты ловок и силен; если ты человек смелый, поезжай к морю и становись контрабандистом. Разве я тебе не обещала привести тебя на виселицу? Это лучше, чем расстрел. Впрочем, если ты возьмешься за дело с толком, ты будешь жить по-царски, столь же долго, как и *мильоны*,² и береговой страже тебя не сцапать.

Вот в каких заманчивых выражениях эта чортова девка описала мне новое поприще, которое она мне предназначала, единственное, по правде говоря, которое для меня еще оставалось, раз мне грозила смертная казнь. Сознаться вам, сеньор? Она меня уговорила без особого труда. Мне казалось, что эта беспоконная и мятежная жизнь теснее нас свяжет. Я думал, что отныне обеспечиваю себе ее любовь. Мне часто приходилось слышать о контрабандистах, путешествующих по Андалузии на добром коне, с мушкетонном в руке, посадив на круп свою возлюбленную. Я уже видел себя разъезжающим по горам и долам с моей хорошенькой цыганочкой у себя за спиной. Когда я ей говорил об этом, она от хохота хваталась за бока и отвечала, что ничего не может быть лучше ночи, проведенной на биваке, когда каждый ром уходит со своей роми в маленькую палатку, устроенную из трех оброчей, покрытых одеялом.

¹ *Ustilar á pastesas* — воровать с ловкостью, похищать без насилия.

² Род вольнонаемной милиции.

— Si je te tiens jamais dans la montagne, lui disais-je, je serai sûr de toi! Là, il n'y a pas de lieutenant pour partager avec moi.

— Ah! tu es jaloux, répondit-elle. Tant pis pour toi. Comment es-tu assez bête pour cela? Ne vois-tu pas que je t'aime, puisque je ne t'ai jamais demandé d'argent?

Lorsqu'elle parlait ainsi, j'avais envie de l'étrangler.

Pour le faire court, monsieur, Carmen me procura un habit bourgeois, avec lequel je sortis de Séville sans être reconnu. J'allai à Jerez avec une lettre de Pastia pour un marchand d'anisette chez qui se réunissaient des contrebandiers. On me présenta à ces gens-là, dont le chef, surnommé le Dancaïre, me reçut dans sa troupe. Nous partîmes pour Gaucin, où je retrouvai Carmen, qui m'y avait donné rendez-vous. Dans les expéditions, elle servait d'espion à nos gens, et de meilleur il n'y en eut jamais. Elle revenait de Gibraltar, et déjà elle avait arrangé avec un patron de navire l'embarquement de marchandises anglaises que nous devions recevoir sur la côte. Nous allâmes les attendre près d'Estepona, puis nous en cachâmes une partie dans la montagne; chargés du reste, nous nous rendîmes à Ronda. Carmen nous y avait précédés. Ce fut elle encore qui nous indiqua le moment où nous entrerions en ville. Ce premier voyage et quelques autres après furent heureux. La vie de contrebandier me plaisait mieux que

— Если ты будешь со мной в горах, — говорил я ей, — я буду за тебя спокоен! Там мне уж не придется делиться с поручиком.

— А, ты ревнуешь! — отвечала она. — Тем хуже для тебя. Неужели же ты настолько глуп? Разве ты не видишь, что я тебя люблю, раз я ни разу не просила у тебя денег?

Когда она так говорила, мне хотелось ее задушить.

Словом, сеньор, Кармен достала мне вольное платье, в котором я и выбрался из Севильи, никем не узнанный. Я прибыл в Херес, получив от Пастиа письмо к одному торговцу анисовой, у которого собирались контрабандисты. Меня познакомили с этими людьми, и их начальник, по прозвищу Данкайре,¹ принял меня в свою шайку. Мы отправились в Гаусин, где я встретился с Кармен, назначившей мне там свидание. Во время экспедиций она служила нашим людям лазутчиком, и лучшего лазутчика не могло и быть. Она приехала из Гибралтара, где успела условиться с одним судовладельцем относительно погрузки английских товаров, которые мы должны были принять на берегу. Мы отправились поджидать их поблизости от Эстепоны, потом часть их спрятали в горах; нагрузившись остальным, мы двинулись в Ронду. Кармен поехала вперед. Опять-таки она дала нам знать, когда можно вступить в город. Это первое путешествие, а за ним и несколько других были удачны. Жизнь контрабандиста нравилась мне больше,

¹ *Dancaire* — тот, кто играет за другого и на его деньги. — Прим. переводчика.

la vie de soldat; je faisais des cadeaux à Carmen. J'avais de l'argent et une maîtresse. Je n'avais guère de remords, car, comme disent les bohémiens: Gale avec plaisir ne démange pas.¹ Partout nous étions bien reçus; mes compagnons me traitaient bien, et même me témoignaient de la considération. La raison, c'était que j'avais tué un homme, et parmi eux il y en avait qui n'avaient pas un pareil exploit sur la conscience. Mais ce qui me touchait davantage dans ma nouvelle vie, c'est que je voyais souvent Carmen. Elle me montrait plus d'amitié que jamais; cependant, devant les camarades, elle ne convenait pas qu'elle était ma maîtresse; et même, elle m'avait fait jurer par toutes sortes de serments de ne rien leur dire sur son compte. J'étais si faible devant cette créature, que j'obéissais à tous ses caprices. D'ailleurs, c'était la première fois qu'elle se montrait à moi avec la réserve d'une honnête femme, et j'étais assez simple pour croire qu'elle s'était véritablement corrigée de ses façons d'autrefois.

Notre troupe, qui se composait de huit ou dix hommes, ne se réunissait guère que dans les moments décisifs, et d'ordinaire nous étions dispersés deux à deux, trois à trois, dans les villes et les villages. Chacun de nous prétendait avoir un métier: celui-ci était chaudronnier, celui-là maquignon; moi, j'étais marchand de merceries, mais je ne me montrais guère dans les gros endroits, à cause de ma mauvaise affaire de Séville.

¹ *Sarapia sat desquital ne punzava.*

чем солдатская жизнь; я делал Кармен подарки. У меня были деньги и возлюбленная. Раскаяние меня не мучило, потому что, как говорят цыгане, того, кто наслаждается, чесотка не грызет.¹ Всюду нас встречали радушно; товарищи относились ко мне хорошо и даже выказывали уважение. Это потому, что я убил человека, а среди них не у всякого был на совести такой подвиг. Но что мне особенно нравилось в моей новой жизни, так это то, что я часто видел Кармен. Она была со мною ласковее, чем когда бы то ни было; однако перед товарищами она не сознавалась, что она моя любовница, и даже велела мне поклясться всякими клятвами, что я им ничего про нее не скажу. Я был так малодушен перед этим созданием, что исполнял все ее прихоти. К тому же я впервые видел, что она держит себя, как порядочная женщина, и в простоте своей думал, что она и в самом деле бросила прежние свои повадки.

Шайка наша, состоявшая из восьми или десяти человек, соединялась только в решительные минуты, обыкновенно же мы разбредались по-двое, по-трое по городам и селам. Каждый из нас для виду промышлял каким-нибудь ремеслом: один был медником, другой барышником; я же торговал мелким товаром, но в людных местах я избегал показываться из-за своей скверной севильской истории.

¹ *Sarapia sat pesquital ne punzava.*

Un jour, ou plutôt une nuit, notre rendez vous était au bas de Véjer. Le Dancaïre et moi nous nous y trouvâmes avant les autres. Il paraissait fort gai.

— Nous allons avoir un camarade de plus, me dit-il. Carmen vient de faire un de ses meilleurs tours. Elle vient de faire échapper son rom qui était au presidio à Tarifa.

Je commençais déjà à comprendre le bohémien, que parlaient presque tous mes camarades, et ce mot de rom me causa un saisissement.

— Comment! son maril elle est donc mariée? demandai-je au capitaine.

— Oui, répondit-il, à Garcia-le-Borgne, un bohémien aussi fûté qu'elle. Le pauvre garçon était aux galères. Carmen a si bien embobeliné le chirurgien du presidio, qu'elle en a obtenu la liberté de son rom. Ah! cette fille-là vaut son pesant d'or. Il y a deux ans qu'elle cherche à le faire évader. Rien n'a réussi, jusqu'à ce qu'on s'est avisé de changer le major. Avec celui-ci, il paraît qu'elle a trouvé bien vite le moyen de s'entendre.

Vous vous imaginez le plaisir que me fit cette nouvelle. Je vis bientôt Garcia-le-Borgne; c'était bien le plus vilain monstre que la Bohême ait nourri: noir de peau et plus noir d'âme, c'était le plus franc scélérat que j'aie rencontré dans ma vie. Carmen vint avec lui; et, lorsqu'elle l'appelait son rom devant moi, il fallait voir les yeux qu'elle me faisait, et ses grimaces quand Garcia tournait la tête. J'étais indigné, et je ne lui

В один прекрасный день, или, вернее, ночь, все мы должны были сойтись под Вехером. Мы с Данкайре прибыли раньше других. Данкайре казался очень весел.

— У нас будет одним товарищем больше, — сказал он мне. — Кармен только что выкинула одну из своих лучших штук. Она высвободила своего рома из Тарифской тюрьмы.

Я уже начинал осваиваться с цыганским языком, на котором говорили почти все мои товарищи, и при слове „ром“ меня передернуло.

— Как? Своего мужа? Так, значит, она замужем? — спросил я главаря.

— Да, — отвечал тот, — за Гарсией Кривым, таким же хитрым цыганом, как она сама. Бедняга был на каторге. Кармен так опутала тюремного врача, что добилась освобождения для своего рома. Да, это золото, а не женщина! Целых два года она старалась его выручить. Ничто не помогало, пока не сменили врача. С этим она, повидимому, быстро сумела договориться.

Судите сами, как приятно мне было узнать эту новость. Вскоре явился и Гарсия Кривой; противнее чудовище едва ли бывало среди цыган; черный кожей и еще чернее душой, это был худший из негодяев, которых я когда-либо в жизни встречал. Кармен пришла вместе с ним; и когда при мне она называла его своим ромом, надо было видеть, какие она мне строила глаза и какие выделявала гримасы, чуть только Гарсия отворачивался. Я был возмущен

parlais pas de la nuit. Le matin nous avions fait nos ballots, et nous étions déjà en route, quand nous nous aperçûmes qu'une douzaine de cavaliers étaient à nos trousses. Les fanfarons Andalous, qui ne parlaient que de tout massacrer, firent aussitôt piteuse mine. Ce fut un sauve qui peut général. Le Dancaïre, Garcia, un joli garçon d'Ecija, qui s'appelait le Remendado, et Carmen ne perdirent pas la tête. Le reste avait abandonné les mulets, et s'était jeté dans les ravins où les chevaux ne pouvaient les suivre. Nous ne pouvions conserver nos bêtes, et nous nous hâtâmes de défaire le meilleur de notre butin, et de le charger sur nos épaules, puis nous essayâmes de nous sauver au travers des rochers par les pentes les plus raides. Nous jetions nos ballots devant nous, et nous les suivions de notre mieux en glissant sur les talons. Pendant ce temps-là, l'ennemi nous canardait; c'était la première fois que j'entendais siffler les balles, et cela ne me fit pas grand'chose. Quand on est en vue d'une femme, il n'y a pas de mérite à se moquer de la mort. Nous nous échappâmes, excepté le pauvre Remendado, qui reçut un coup de feu dans les reins. Je jetai mon paquet, et j'essayai de le prendre.

— Imbécile! me cria Garcia, qu'avons-nous affaire d'une charogne? achève-le et ne perds pas les bas de coton.

— Jette-le, jette-le, me criait Carmen.

La fatigue m'obligea de le déposer un moment à l'abri d'un rocher. Garcia s'avança, et lui lâcha son espingole dans la tête.

и во всю ночь не сказал ей ни слова. Поутру мы уложились и двинулись в путь, как вдруг заметили, что за нами гонится дюжина конных. Андалузские хвастуны, на словах готовые все разнести, тотчас же струхнули. Все пустились наутек. Данкайре, Гарси́я, красивый мальчик из Эсихи, по прозвищу Ремендадо,¹ и Кармен не растерялись. Остальные побросали мулов и разбежались по оврагам, где всадники не могли их настигнуть. Нам пришлось пожертвовать караваном; мы поспешили снять наиболее ценный груз и, взвалив его себе на плечи, стали спускаться с утесов, по самым крутым обрывам. Тюки мы кидали вниз, а сами пускались следом, скользя на корточках. Тем временем неприятель нас обстреливал; я в первый раз слышал, как свищут пули, и отнесся к этому спокойно. На глазах у женщины нет особой чести шутить со смертью. Мы остались невредимы, кроме бедного Ремендадо, раненного в спину. Я хотел нести его дальше и бросил свой тюк.

— Дурак! — крикнул мне Гарси́я. — На что нам падаль? Прикончи его и не растеряй чулки.

— Брось его, брось его! — кричала мне Кармен.

От усталости мне пришлось положить его на минуту под скалой. Гарси́я подошел и выпалил ему в голову из мушкетона.

¹ Пегий. — *Прим. переводчика.*

— Bien habile qui le reconnaîtrait maintenant,—dit-il en regardant sa figure que douze balles avaient mise en morceaux.

Voilà, monsieur, la belle vie que j'ai menée. Le soir, nous nous trouvâmes dans un hallier, épuisés de fatigue, n'ayant rien à manger et ruinés par la perte de nos mulets. Que fit cet infernal Garcia? il tira un paquet de cartes de sa poche, et se mit à jouer avec le Dancaïre à la lueur d'un feu qu'ils allumèrent. Pendant ce temps-là, moi, j'étais couché, regardant les étoiles, pensant au Remendado, et me disant que j'aimerais autant être à sa place. Carmen était accroupie près de moi, et de temps en temps elle faisait un roulement de castagnettes en chantonnant. Puis, s'approchant comme pour me parler à l'oreille, elle m'embrassa, presque malgré moi, deux ou trois fois.

— Tu es le diable, lui disais-je.

— Oui, me répondait-elle.

Après quelques heures de repos, elle s'en fut à Gaucin, et le lendemain matin un petit chevrier vint nous porter du pain. Nous demeurâmes là tout le jour, et la nuit nous nous rapprochâmes de Gaucin. Nous attendions des nouvelles de Carmen. Rien ne venait. Au jour, nous voyons un muletier qui menait une femme bien habillée, avec un parasol, et une petite fille qui paraissait sa domestique. Garcia nous dit:

— Voilà deux mules et deux femmes que saint Nicolas nous envoie; j'aimerais mieux quatre mules; n'importe, j'en fais mon affaire!

Il prit son espingole et descendit vers le sentier en se cachant dans les broussailles. Nous le

— Пусть теперь попробуют его узнать, — сказал он, глядя на его лицо, искромсанное двенадцатью пулями.

Вот, сеньор, какую милую жизнь я вел. К вечеру мы очутились в чаше, изнемогая от усталости, без пищи и разоренные утратой мулов. Что же сделал этот адов Гарси́я? Он достал из кармана колоду карт и начал играть с Данкайре при свете костра, который они развели. Я в это время лежал, глядя на звезды, думая о Ремендадо и говоря себе, что охотно был бы теперь на его месте. Кармен сидела рядом со мной и по временам пощелкивала кастаньетами, напевая. Потом, наклоняясь, словно чтобы сказать мне что-то на ухо, целовала меня, почти насильно, и так два или три раза.

— Ты — дьявол, — говорил я ей.

— Да, — отвечала она.

Передохнув несколько часов, она отправилась в Гаусин, а на утро маленький козопас принес нам хлеба. Мы провели на месте целый день, а ночью подошли к Гаусину. Мы ждали вестей от Кармен. Ничего не было. Утром мы видим, идет погонщик, сопровождая хорошо одетую женщину, с зонтиком, и девочку, повидимому, ее служанку. Гарси́я сказал:

— Вот два мула и две женщины, которых нам посылает Николай-угодник; я предпочел бы четырех мулов; да ничего, я устроюсь!

Он взял мушкетон и начал спускаться к дороге, прячась в кустах. Мы с Данкайре

suivions, le Dancaïre et moi, à peu de distance. Quand nous fûmes à portée, nous nous montrâmes, et nous criâmes au muletier de s'arrêter. La femme, en nous voyant, au lieu de s'effrayer, et notre toilette aurait suffi pour cela, fait un grand éclat de rire.

— Ah! les *lillipendi* qui me prennent pour une *erañi*!¹

C'était Carmen, mais si bien déguisée, que je ne l'aurais pas reconnue parlant une autre langue. Elle sauta à bas de sa mule, et causa quelque temps à voix basse avec le Dancaïre et Garcia, puis elle me dit:

— Canari, nous nous reverrons avant que tu sois pendu. Je vais à Gibraltar pour les affaires d'Égypte. Vous entendrez bientôt parler de moi.

Nous nous séparâmes après qu'elle nous eut indiqué un lieu où nous pourrions trouver un abri pour quelques jours. Cette fille était la providence de notre troupe. Nous reçûmes bientôt quelque argent qu'elle nous envoya, et un *ca* qui valait mieux pour nous: c'était que tel jour partiraient deux milords anglais, allant de Gibraltar à Grenade par tel chemin. A bon entendeur, salut. Ils avaient de belles et bonnes guinées. Garcia voulait les tuer, mais le Dancaïre et moi nous nous y opposâmes.

Nous ne leur prîmes que l'argent et les montres, outre les chemises, dont nous avions grand besoin.

¹ les imbéciles qui me prennent pour une femme comme il faut.

шли за ним на некотором расстоянии. Подойдя на выстрел, мы выскочили и закричали погонщику остановиться. Женщина, завидя нас, вместо того чтобы испугаться, — один наш костюм того стоил, — разражается хохотом.

— Ах, эти *лильипенди* приняли меня за *эраньи*.¹

Это была Кармен, но так искусно переряженная, что я бы ее не узнал, говори она на другом языке. Она спрыгнула с мула и стала о чем-то тихо беседовать с Данкайре и Гарси́ей, потом сказала мне:

— Канарейка, мы еще увидимся до того, как тебя повесят. Я еду в Гибралтар по цыганским делам. Вы скоро обо мне услышите.

Мы с ней расстались, причем она указала нам место, где мы могли найти приют на несколько дней. Для нашей шайки эта девушка была провидением. Вскоре она нам прислала немного денег и еще более ценное сведение, а именно: в такой-то день два английских милорда поедут из Гибралтара в Гренаду по такой-то дороге. Имеющий уши да слышит. У них много звонких гиней. Гарси́я хотел их убить, но мы с Данкайре этому воспротивились.

Мы отобрали у них только деньги и часы, не считая рубашек, в которых весьма нуждались.

¹ эти дураки приняли меня за приличную женщину.

Monsieur, on devient coquin sans y penser. Une jolie fille vous fait perdre la tête, on se bat pour elle, un malheur arrive, il faut vivre à la montagne, et de contrebandier on devient voleur avant d'avoir réfléchi. Nous jugeâmes qu'il ne faisait pas bon pour nous dans les environs de Gibraltar après l'affaire des milords, et nous nous enfonçâmes dans la sierra de Ronda. Vous m'avez parlé de José-Maria; tenez, c'est là que j'ai fait connaissance avec lui. Il menait sa maîtresse dans ses expéditions. C'était une jolie fille, sage, modeste, de bonnes manières; jamais un mot malhonnête, et un dévouement!.. En revanche, il la rendait bien malheureuse. Il était toujours à courir après toutes les filles, il la malmenait, puis quelquefois il s'avisait de faire le jaloux. Une fois, il lui donna un coup de couteau. Eh bien! elle ne l'en aimait que davantage. Les femmes sont ainsi faites, les Andalouses surtout. Celle-là était fière de la cicatrice qu'elle avait au bras, et la montrait comme la plus belle chose du monde. Et puis José-Maria, par-dessus le marché, était le plus mauvais camarade!.. Dans une expédition que nous fîmes, il s'arrangea si bien, que tout le profit lui en demeura, à nous les coups et l'embarras de l'affaire. Mais je reprends mon histoire. Nous n'entendîmes plus parler de Carmen. Le Dancaïre dit:

— Il faut qu'un de nous aille à Gibraltar pour en avoir des nouvelles; elle doit avoir préparé quelque affaire. J'irais bien, mais je suis trop connu à Gibraltar.

Сеньор, становишься мазуриком, сам того не замечая. Красивая девушка сбивает вас с толку, из-за нее дерешься, случается несчастье, приходится жить в горах, и не успеешь опомниться, как из контрабандиста делаешься вором. Мы решили, что после истории с милордами нам неуютно в окрестностях Гибралтара, и углубились в сьерру де-Ронда. Вы мне говорили о Хосé-Марии; как раз там я с ним и познакомился. В свои экспедиции он возил с собой свою возлюбленную. Это была красивая девушка, тихая, скромная, милая в обращении; никогда ни одного дурного слова, и что за преданность!.. В награду за это он очень ее мучил. Он вечно волочился за девицами, обходился с нею дурно, а то вдруг принимался ревновать. Раз он ударил ее ножом. И что же? Она только еще больше его полюбила. Женщины так уж созданы, в особенности андалузки. Эта гордилась своим шрамом на руке и показывала его, как лучшее украшение на свете. И вдобавок ко всему Хосé-Мария был последний из товарищей!.. В одну из наших с ним экспедиций он устроил так, что ему достался весь барыш, а нам тумачи и хлопоты. Но я продолжаю свой рассказ. О Кармен не было ни слуху ни духу. Данкайре сказал:

— Надо, чтобы кто-нибудь из нас съездил в Гибралтар разузнать про нее; она, должно быть, что-нибудь приготовила. Я бы поехал, да меня в Гибралтаре слишком хорошо знают.

Le Borgne dit:

— Moi aussi, on m'y connaît, j'y ai fait tant de farces aux Ecrevisses! ¹ et, comme je n'ai qu'un œil, je suis difficile à déguiser.

— Il faut donc que j'y aille? dis-je à mon tour, enchanté à la seule idée de revoir Carmen; voyons, que faut-il faire?

Les autres me dirent:

— Fais tant que de t'embarquer ou de passer par Saint-Roc, comme tu aimeras le mieux, et, lorsque tu seras à Gibraltar, demande sur le port où demeure une marchande de chocolat qui s'appelle la Rollona; quand tu l'auras trouvée, tu sauras d'elle ce qui se passe là-bas.

Il fut convenu que nous partirions tous les trois pour la sierra de Gaucin, que j'y laisserais mes deux compagnons, et que je me rendrais à Gibraltar comme un marchand de fruits. A Ronda, un homme qui était à nous m'avait procuré un passeport; à Gaucin, on me donna un âne: je le chargeai d'oranges et de melons, et je me mis en route. Arrivé à Gibraltar, je trouvai qu'on y connaissait bien la Rollona, mais elle était morte ou elle était allée à *finibus terrae*, ² et sa disparition expliquait, à mon avis, comment nous avions perdu notre moyen de correspondre avec Carmen. Je mis mon âne dans une écurie, et, prenant mes oranges, j'allais par la ville comme pour les vendre, surtout pour voir si je ne rencontrerais pas quelque figure de connaissance.

¹ Nom que le peuple en Espagne donne aux Anglais à cause de la couleur de leur uniforme.

² aux galères, ou bien à tous les diables.

Кривой сказал:

— Меня тоже знают, я там столько штук понастроил ракам!¹ А так как у меня всего только один глаз, то меня легко узнать.

— Так, значит, мне придется ехать? — сказал я, в восторге от одной лишь мысли увидеть Кармен. — Ну-с, так что же я должен делать?

Те мне сказали:

— Постарайся пробраться морем или через Сан-Роке, как тебе покажется удобнее, и когда будешь в Гибралтаре, спроси в порту, где живет шоколадница, по имени Рольона;² когда ты ее разыщешь, она тебе расскажет, что там делается.

Было решено, что мы отправимся все трое в сьерру де-Гаусин, там я расстанусь со своими спутниками и явлюсь в Гибралтар под видом торговца фруктами. В Ронде один человек, у которого были с нами дела, раздобыл мне паспорт; в Гаусине мне дали осла; я его навьючил апельсинами и дынями и двинулся в путь. Когда я прибыл в Гибралтар, то оказалось, что Рольону там знают, но что она или умерла, или отправилась *finibus terrae*,³ и ее исчезновением, по-моему, и объяснялось, почему мы потеряли связь с Кармен. Я поставил осла в стойло, а сам, забрав апельсины, пошел ходить по городу, как бы ими торгуя, главным же образом, чтобы посмотреть, не встречу ли какое-нибудь знакомое лицо.

¹ Прозвище, которое простой народ в Испании дал англичанам из-за цвета их мундиров.

² Пышка. — Прим. переводчика.

³ на каторгу, или ко всем чертям

Il y a là force canaille de tous les pays du monde, et c'est la tour de Babel, car on ne saurait faire dix pas dans une rue sans entendre parler autant de langues. Je voyais bien des gens d'Égypte, mais je n'osais guère m'y fier; je les tâtais, et ils me tâtaient. Nous devinions bien que nous étions des coquins; l'important était de savoir si nous étions de la même bande.

Après deux jours passés en courses inutiles, je n'avais rien appris touchant la Rollona ni Carmen, et je pensais à retourner auprès de mes camarades après avoir fait quelques emplettes, lorsqu'en me promenant par la rue, au coucher du soleil, j'entends une voix de femme d'une fenêtre qui me dit: „Marchand d'oranges!..“ Je lève la tête, et je vois à un balcon Carmen, accoudée avec un officier en rouge, épaulettes d'or, cheveux frisés, tournure d'un gros mylord. Pour elle, elle était habillée superbement: un châle sur ses épaules, un peigne d'or, toute en soie; et la bonne pièce, toujours la même! riait à cœur joie. L'Anglais, en baragouinant l'espagnol, me cria de monter, que madame voulait des oranges; et Carmen me dit en basque:

— Monte, et ne t'étonne de rien.

Rien, en effet, ne devait m'étonner de sa part. Je ne sais si j'eus plus de joie que de chagrin en la retrouvant. Il y avait à la porte un grand domestique anglais, poudré, qui me conduisit dans un salon magnifique. Carmen me dit aussitôt en basque:

— Tu ne sais pas un mot d'espagnol, tu ne me connais pas.

Там множество проходимцев со всех концов света, и это настоящая Вавилонская башня, потому что там нельзя пройти десяти шагов по улице, не услышав столько же языков. Мне попадалось немало цыган, но я им не доверял; я их щупал, а они меня. Нам было ясно, что мы жулики; но важно было знать, одной ли мы шайки.

Проведя два дня в бесплодных скитаниях, я ничего не узнал ни о Рольоне, ни о Кармен, и уже собирался вернуться к товарищам, предварительно кое-что закупив, как вдруг, идя по улице, на закате, я слышу из окна женский голос, который меня окликает: „Апельсинщик!“ Я поднимаю голову и вижу на балконе Кармен, облокотившуюся рядом с каким-то офицером в красном, с золотыми эполетами, вьющимися волосами и видом важного милорда. Она же была одета роскошно: шаль на плечах, золотой гребень, вся в шелку; и мошенница, как всегда, хохотала до упаду. Англичанин, на ломаном испанском языке, крикнул, чтобы я шел наверх, что сеньора хочет апельсинов; а Кармен сказала мне по-баскски:

— Иди и не удивляйся ничему.

Действительно, с ней мне ничему не следовало удивляться. Не знаю, причинила ли мне встреча с нею больше радости или огорчения. Мне открыл дверь высокий лакей-англичанин, в пудре, и проводил меня в великолепную гостиную. Кармен сразу же заговорила со мной по-баскски:

— Ты ни слова не говоришь по-испански, ты со мной незнаком.

*

Puis, se tournant vers l'Anglais:

— Je vous le disais bien, je l'ai tout de suite reconnu pour un Basque; vous allez entendre quelle drôle de langue. Comme il a l'air bête, n'est-ce pas? On dirait d'un chat surpris dans un garde-manger.

— Et toi, lui dis-je dans ma langue, tu as l'air d'une effrontée coquine, et j'ai bien envie de te balafrer la figure devant ton galant.

— Mon galant! dit-elle, tiens, tu as deviné cela tout seul? Et tu es jaloux de cet imbécile-là? Tu es encore plus niais qu'avant nos soirées de la rue du Candilejo. Ne vois-tu pas, sot que tu es, que je fais en ce moment les affaires d'Égypte, et de la façon la plus brillante. Cette maison est à moi, les guinées de l'Ecrevisse seront à moi; je le mène par le bout du nez; je le menerai d'où il ne sortira jamais.

— Et moi, lui dis-je, si tu fais encore les affaires d'Égypte de cette manière-là, je ferai si bien que tu ne recommenceras plus.

— Ah! oui-dà! Es-tu mon rom, pour me commander? Le Borgne le trouve bon, qu'as-tu à y voir? Ne devrais-tu pas être bien content d'être le seul qui se puisse dire mon *minchorrò*?¹

— Qu'est-ce qu'il dit? demanda l'Anglais.

— Il dit qu'il a soif et qu'il boirait bien un coup, répondit Carmen.

Et elle se renversa sur un canapé en éclatant de rire à sa traduction.

¹ mon amant, ou plutôt mon caprice.

Потом, обращаясь к англичанину:

— Я же вам говорила, я с первого взгляда признала в нем баска; вы услышите, что это за диковинный язык. Не правда ли, какой у него глупый вид? Словно кошка, пойманная в кладовке.

— А у тебя, — сказал я ей на своем языке, — вид наглой мошенницы, и мне сильно хочется искромсать тебе лицо на глазах у твоего дружка.

— У моего дружка! — отвечала она. — Скажи, это ты сам додумался? И ты меня ревнуешь к этому болвану? Ты еще глупее, чем был до наших вечеров на улице Кандилехо. Разве ты не видишь, дурень ты этакий, что я сейчас занята цыганскими делами и веду их самым блестящим образом? Этот дом — мой, рачьи гиней будут мои; я вожу его за кончик носа; и заведу в такое место, откуда ему уже не выбраться.

— А я, — сказал я ей, — если ты еще вздумаешь вести цыганские дела таким манером, устрою так, что у тебя пропадет охота.

— Вот еще! Или ты мой ром, чтобы мной командовать? Кривой это одобряет, а ты здесь причем? Мало тебе того, что ты единственный, который может себя назвать моим *минчорро*?¹

— Что он говорит? — спросил англичанин.

— Он говорит, что ему хочется пить и что он не отказался бы от стаканчика, — отвечала Кармен.

И упала на диван, хохоча над своим переводом.

¹ моим любовником, или, вернее, моей причудой.

Monsieur, quand cette fille-là riait, il n'y avait pas moyen de parler raison. Tout le monde riait avec elle. Ce grand Anglais se mit à rire aussi, comme un imbécile qu'il était, et ordonna qu'on m'apportât à boire.

Pendant que je buvais :

— Vois-tu cette bague qu'il a au doigt? dit-elle; si tu veux, je te la donnerai.

Moi je répondis :

— Je donnerais un doigt pour tenir ton mylord dans la montagne, chacun un maquila au poing.

L'Anglais retint ce mot, et demanda :

— Maquila, qu'est-ce que cela veut dire?

— Maquila, dit Carmen riant toujours, c'est une orange. N'est-ce pas un bien drôle de mot pour une orange? Il dit qu'il voudrait vous faire manger du maquila.

— Oui? dit l'Anglais. Eh bien! apporte encore demain du maquila.

Pendant que nous parlions, le domestique entra et dit que le dîner était prêt. Alors l'Anglais se leva, me donna une piastre, et offrit son bras à Carmen, comme si elle ne pouvait pas marcher seule. Carmen, riant toujours, me dit :

— Mon garçon, je ne puis t'inviter à dîner; mais demain, dès que tu entendras le tambour pour la parade, viens ici avec des oranges. Tu trouveras une chambre mieux meublée que celle de la rue du Candilejo, et tu verras si je suis toujours ta Carmencita. Et puis nous parlerons des affaires d'Égypte.

Сеньор, когда эта женщина смеялась, не было никакой возможности говорить толком. Все с ней смеялись. Дылда-англичанин тоже расхохотался, как дурак, каким он и был, и велел, чтобы мне принесли напиток.

Пока я пил:

— Видишь перстень у него на пальце? — сказала она. — Если хочешь, я тебе его подарю.

Я отвечал:

— Я бы отдал палец, чтобы встретиться с твоим милордом в горах и чтобы у каждого из нас в руке была макила.

Англичанин подхватил это слово и спросил:

— Макила? Что это значит?

— Макила, — отвечала Кармен, все так же смеясь, — это апельсин. Не правда ли, какое смешное слово для апельсина? Он говорит, что ему хотелось бы угостить вас макилой.

— Вот как? — сказал англичанин. — Ну, так приходи опять завтра с макилами.

Пока мы разговаривали, вошел слуга и сказал, что обед подан. Тогда англичанин встал, дал мне пиастр и предложил Кармен руку, словно она не могла идти сама. Кармен, смеясь попрежнему, сказала мне:

— Мой милый, я не могу пригласить тебя к столу; но завтра, как только ты услышишь, что бьют развод, приходи сюда с апельсинами. Ты увидишь комнату, обставленную лучше, чем на улице Кандилехо, и посмотришь, прежняя ли я Карменсита. А потом мы поговорим о цыганских делах.

Je ne répondis rien, et j'étais dans la rue que l'Anglais me criait: „Apportez demain du maquila!“ et j'entendais les éclats de rire de Carmen.

Je sortis ne sachant ce que je ferais, je ne dormis guère, et le matin je me trouvais si en colère contre cette traîtresse, que j'avais résolu de partir de Gibraltar sans la revoir; mais, au premier roulement de tambour, tout mon courage m'abandonna: je pris ma natte d'oranges et je courus chez Carmen. Sa jalousie était entr'ouverte, et je voyais son grand œil noir qui me guettait. Le domestique poudré m'introduisit aussitôt; Carmen lui donna une commission, et dès que nous fûmes seuls, elle partit d'un de ses éclats de rire de crocodile, et se jeta à mon cou. Je ne l'avais jamais vue si belle. Parée comme une madone, parfumée... des meubles de soie, des rideaux brodés... ah!..., et moi fait comme un voleur que j'étais.

— Minchorrò! disait Carmen, j'ai envie de tout casser ici, de mettre le feu à la maison, et de m'enfuir à la sierra.

Et c'étaient des tendresses!.. et puis des rires!.. et elle dansait, et elle déchirait ses falbalas: jamais singe ne fit plus de gambades, de grimaces, de diableries. Quand elle eut repris son sérieux:

— Ecoute, me dit-elle, il s'agit de l'Égypte. Je veux qu'il me mène à Ronda, où j'ai une sœur religieuse... (Ici nouveaux éclats de rire.) Nous passons par un endroit que je te ferai dire. Vous tombez sur lui: pillé rasibus! Le mieux serait de l'escoffier; mais, ajouta-t-elle avec

Я ничего не ответил, и до меня уже на улице донесся крик англичанина: „Приходите завтра с макилами!“ и хохот Кармен.

Я вышел, не зная, что мне делать, не спал ночь, а на утро был так зол на эту изменницу, что решил уехать из Гибралтара, не повидавшись с ней; но как только раздался барабанный бой, все мое мужество меня покинуло: я взял свою корзину с апельсинами и побежал к Кармен. Ее ставни были приотворены, и я увидел ее большой черный глаз, который меня высматривал. Пудренный лакей тотчас же провел меня к ней; Кармен уснула его с каким-то поручением и, как только мы остались одни, разразилась своим крокодиловым хохотом и бросилась мне на шею. Никогда еще я не видел ее такой красивой. Разряженная, как мадонна, надушенная... шелковая мебель, вышитые занавеси... ах!.. а я — вор вором.

— Минчоррó! — говорила Кармен, — мне хочется все здесь поломать, поджечь дом и убежать в сьерру.

И нежности!.. и смехи!.. Она плясала, она рвала на себе свои фалборки: никакая обезьяна не могла бы так скакать, так кричаться и куролесить. Угомонившись, она мне сказала:

— Послушай, теперь дело цыганское. Я прошу его съездить со мной в Ронду, где у меня сестра в монастыре... (Здесь опять хохот.) Мы проезжаем местом, которое я тебе укажу. Вы на него нападаете: грабите дочиста! Лучше всего было бы его укокошить; но только, —

un sourire diabolique qu'elle avait dans de certains moments, et ce sourire-là, personne n'avait alors envie de l'imiter, sais-tu ce qu'il faudrait faire? Que le Borgne paraisse le premier. Tenez-vous un peu en arrière; l'Écrevisse est brave et adroit: il a de bons pistolets... Comprends-tu?..

Elle s'interrompt par un nouvel éclat de rire qui me fit frissonner.

— Non, lui dis-je: je hais Garcia, mais c'est mon camarade. Un jour peut-être je t'en débarasserai, mais nous réglerons nos comptes à la façon de mon pays. Je ne suis Égyptien que par hasard; et pour certaines choses, je serai toujours franc Navarrais, comme dit le proverbe.¹

Elle reprit:

— Tu es une bête, un niais, un vrai *payllo*. Tu es comme le nain qui se croit grand quand il a pu cracher loin.² Tu ne m'aimes pas, va-t'en.

Quand elle me disait: Va-t'en, je ne pouvais m'en aller. Je promis de partir, de retourner auprès de mes camarades et d'attendre l'Anglais; de son côté, elle me promit d'être malade jusqu'au moment de quitter Gibraltar pour Ronda. Je demeurai encore deux jours à Gibraltar. Elle eut l'audace de me venir voir déguisée dans mon auberge. Je partis; mais aussi j'avais mon projet. Je retournai à notre rendez-vous, sachant

¹ *Navarro fino.*

² *Or esorjé de or narsichislé, sin chismar lachinguel.* — Proverbe bohémien. [La prouesse d'un nain, c'est de cracher loin. — *Ed. 1852.*]

продолжала она с дьявольской улыбкой, которая у нее иногда бывала, и этой улыбке никому не было охоты вторить, — знаешь ли, что следовало бы сделать? Надо, чтобы Кривой выскочил первым. Вы держитесь немного позади; рак бесстрашен и ловок; у него отличные пистолеты... Понимаешь?

Она снова разразилась хохотом, от которого я вздрогнул.

— Нет, — сказал я ей, — я ненавижу Гарсию, но он мой товарищ. Быть может, когда-нибудь я тебя от него избавлю, но мы сведем счеты по обычаю моей страны. Я только случайно цыган; а кое-в-чем я всегда останусь, как говорится, честным наваррцем.¹

Она продолжала:

— Ты дурак, безмозглый человек, настоящий *паильо*. Ты — как карлик, который считает, что он высокий, когда ему удалось далеко плюнуть.² Ты меня не любишь, уходи.

Когда она мне говорила: „Уходи“, я не мог двинуться с места. Я обещал ей уехать, вернуться к товарищам и поджидать англичанина; со своей стороны, она мне обещала быть нездоровой до тех пор, пока не поедет из Гибралтара в Ронду. Я провел в Гибралтаре еще два дня. Она имела смелость прийти ко мне перереженной в гостиницу. Я уехал; у меня тоже был свой план. Я вернулся

¹ *Navarro fino.*

² *Or esorjle de or narsichisle, sin chismar lachinguel.* — Удадь карлика в том, чтобы далеко плюнуть. — Цыганская пословица.

le lieu et l'heure où l'Anglais et Carmen devaient passer. Je trouvai le Dancaïre et Garcia qui m'attendaient. Nous passâmes la nuit dans le bois, auprès d'un feu de pommes de pin qui flambait à merveille. Je proposai à Garcia de jouer aux cartes. Il accepta. A la seconde partie je lui dis qu'il trichait; il se mit à rire. Je lui jetai les cartes à la figure. Il voulut prendre son espingole; je mis le pied dessus, et je lui dis:

— On dit que tu sais jouer du couteau comme le meilleur jaque de Malaga, veux-tu t'essayer avec moi?

Le Dancaïre voulut nous séparer. J'avais donné deux ou trois coups de poing à Garcia. La colère l'avait rendu brave; il avait tiré son couteau, moi le mien. Nous dîmes tous deux au Dancaïre de nous laisser place libre et franc jeu. Il vit qu'il n'y avait pas moyen de nous arrêter, et il s'écarta.

Garcia était déjà ployé en deux comme un chat prêt à s'élancer contre une souris. Il tenait son chapeau de la main gauche pour parer, son couteau en avant. C'est leur garde andalouse. Moi, je me mis à la navarraise, droit en face de lui, le bras gauche levé, la jambe gauche en avant, le couteau le long de la cuisse droite. Je me sentais plus fort qu'un géant. Il se lança sur moi comme un trait; je tournai sur le pied gauche et il ne trouva plus rien devant lui; mais je l'atteignis à la gorge, et le couteau entra si avant, que ma main était sous son menton. Je retournai la lamê si fort qu'elle se cassa. C'était fini. La lame sortit de la plaie lancée par un bouillon

в условленное место, зная, где и когда должны проехать англичанин с Кармен. Данкайре и Гарсия меня уже ждали. Мы заночевали в лесу у костра из сосновых шишек, который великолепно горел. Я предложил Гарсии сыграть в карты. Он согласился. Когда мы играли вторую партию, я ему сказал, что он плурует; он расхохотался. Я швырнул ему карты в лицо. Он хотел схватить мушкетон; я наступил на него ногой и сказал:

— Говорят, ты владеешь ножом, как лучший малагский хват; хочешь попробовать со мной?

Данкайре пытался нас разнять. Я несколько раз ударил Гарсию кулаком. Злость сделала его храбрым; он вынул нож, я — свой. Мы сказали Данкайре посторониться и не мешать нам. Он увидел, что нас не остановишь, и отошел.

Гарсия уже согнулся пополам, как кошка, готовая броситься на мышшь. В левую руку он взял шляпу, чтобы отражать, нож выставил вперед. Это их андалузский прием. Я стал понаваррски, лицом к нему, левую руку кверху, левую ногу вперед, нож у правого бедра. Я чувствовал себя сильнее великана. Он кинулся на меня стрелой; я повернулся на левой ноге, и перед ним оказалось пустое место; но я попал ему в горло, и нож вошел так глубоко, что моя рука уперлась ему в подбородок. Я с такой силой повернул клинок, что он сломался. Все было кончено. Клинок вышибло из

de sang gros comme le bras. Il tomba sur le nez raide comme un pieu.

— Qu'as-tu fait? me dit le Dancaïre.

— Écoute, lui dis-je: nous ne pouvions pas vivre ensemble. J'aime Carmen, et je veux être seul. D'ailleurs, Garcia était un coquin, et je me rappelle ce qu'il a fait au pauvre Remendado. Nous ne sommes plus que deux, mais nous sommes de bons garçons. Voyons, veux-tu de moi pour ami, à la vie à la mort?

Le Dancaïre me tendit la main. C'était un homme de cinquante ans.

— Au diable les amourettes! s'écria-t-il. Si tu lui avais demandé Carmen, il te l'aurait vendue pour une piastre. Nous ne sommes plus que deux; comment ferons-nous demain?

— Laisse-moi faire tout seul, lui répondis-je. Maintenant je me moque du monde entier.

Nous enterrâmes Garcia, et nous allâmes placer notre camp deux cents pas plus loin. Le lendemain, Carmen et son Anglais passèrent avec deux muletiers et un domestique. Je dis au Dancaïre:

— Je me charge de l'Anglais. Fais peur aux autres, ils ne sont pas armés.

L'Anglais avait du cœur. Si Carmen ne lui eût poussé le bras, il me tuait. Bref, je reconquis Carmen ce jour-là, et mon premier mot fut de lui dire qu'elle était veuve. Quand elle sut comment cela s'était passé:

— Tu seras toujours un *lillipendi!* me dit elle. Garcia devait te tuer. Ta garde navarrais n'est qu'une bêtise, et il en a mis à l'ombre de

раны струею крови в руку толщиной. Гарси́я упал ничком, как бревно.

— Что ты сделал? — сказал мне Данкайре.

— Послушай, — сказал я ему. — Вместе мы жить не могли. Я люблю Кармен и хочу быть один. К тому же Гарси́я был мерзавец, и я не забыл, как он поступил с бедным Ремендадо. Теперь нас только двое, но мы люди хорошие. Скажи, хочешь, будем друзьями на жизнь и на смерть?

Данкайре пожал мне руку. Это был человек пятидесяти лет.

— Чортовы любовные истории! — воскликнул он. — Если бы ты попросил у него Кармен, он бы тебе продал ее за пиастр. Теперь нас только двое; как нам быть завтра?

— Положись на меня, — отвечал я ему. — Теперь мне весь свет нипочем.

Мы похоронили Гарси́ю и перенесли наш лагерь на двести шагов дальше. На следующий день подъехала Кармен со своим англичанином, в сопровождении двух погонщиков и слуги. Я сказал Данкайре:

— Я беру на себя англичанина. Припугни остальных, они без оружия.

Англичанин оказался храбр. Не толкни его Кармен под руку, он бы меня убил. Словом, в этот день я отвоевал Кармен, и с первого же слова сообщил ей, что она вдова. Когда она узнала, как это произошло:

— Ты всегда будешь *миллипенди!* — сказала она мне. — Гарси́я наверное бы тебя убил. Твой наваррский прием просто глупость,

plus habiles que toi. C'est que son temps était venu. Le tien viendra.

— Et le tien, répondis-je, si tu n'es pas pour moi une vraie romi.

— A la bonne heure, dit-elle; j'ai vu plus d'une fois dans du marc de café que nous devions finir ensemble. Bah! arrive qui plantel!

Et elle fit claquer ses castagnettes, ce qu'elle faisait toujours quand elle voulait chasser quelque idée importune.

On s'oublie quand on parle de soi. Tous ces détails-là vous ennuiant sans doute, mais j'ai bientôt fini. La vie que nous menions dura assez longtemps. Le Dancaïre et moi nous nous étions associés quelques camarades plus sûrs que les premiers, et nous nous occupions de contrebande, et aussi parfois, il faut bien l'avouer, nous arrêtions sur la grande route, mais à la dernière extrémité, et lorsque nous ne pouvions faire autrement. D'ailleurs, nous ne maltraitions pas les voyageurs, et nous nous bornions à leur prendre leur argent. Pendant quelques mois, je fus content de Carmen; elle continuait à nous être utile pour nos opérations, en nous avertissant des bons coups que nous pourrions faire. Elle se tenait, soit à Malaga, soit à Cordoue, soit à Grenade; mais, sur un mot de moi, elle quittait tout, et venait me retrouver dans une venta isolée, ou même au bivouac. Une fois seulement, c'était à Malaga, elle, me donna quelque inquiétude. Je sus qu'elle avait jeté son dévolu sur un négociant fort riche, avec lequel probablement elle se proposait de recommencer

а он отправлял на тот свет и не таких, как ты. Но, видно, пришел его час. Придет и твой.

— И твой, — ответил я, — если ты не будешь мне настоящей роми.

— Ну, что ж! — сказала она. — Я не раз видела в кофейной гуще, что мы кончим вместе. Ладно! Будь, что будет!

И она щелкнула кастаньетами, как всегда, когда хотела прогнать какую-нибудь докучную мысль.

Когда говоришь о себе, забываешься. Вам, должно быть, скучно слушать все эти подробности, но я скоро кончу. Такую жизнь мы вели довольно долго. Мы с Данкайре завербовали несколько товарищей надежнее прежних и промышляли контрабандой, а также, иной раз, надо сознаться, грабили на большой дороге, но только в последней крайности, когда иначе нельзя было. Впрочем, путешественников мы не трогали и только отбирали у них деньги. Первые месяцы я был доволен Кармен; она попрежнему была нам полезна, указывая нам, что можно предпринять. Она жила то в Малаге, то в Кордове, то в Гранаде; но, по первому моему знаку, бросала все и приезжала ко мне, то в какую-нибудь глухую венту, а то и на бивак. Только раз, в Малаге, она меня встревожила. Я узнал, что она имеет виды на некоего весьма богатого негоцианта, с которым она, должно быть, собиралась повторить

la plaisanterie de Gibraltar. Malgré tout ce que le Dancaïre put me dire pour m'arrêter, je partis, et j'entrai dans Malaga en plein jour. Je cherchai Carmen, et je l'emmenai aussitôt. Nous eûmes une verte explication.

— Sais-tu, me dit-elle, que, depuis que tu es mon rom pour tout de bon, je t'aime moins que lorsque tu étais mon minchorrò? Je ne veux pas être tourmentée, ni surtout commandée. Ce que je veux, c'est être libre et faire ce qui me plaît. Prends garde de me pousser à bout. Si tu m'ennuies, je trouverai quelque bon garçon qui t'fera comme tu as fait au Borgne.

Le Dancaïre nous racommoda; mais nous nous étions dit des choses qui nous restaient sur le cœur et nous n'étions plus comme auparavant. Peu après, un malheur nous arriva. La troupe nous surprit. Le Dancaïre fut tué, ainsi que deux de mes camarades; deux autres furent pris. Moi, je fus grièvement blessé, et, sans mon bon cheval, je demeurais entre les mains des soldats. Exténué de fatigue, ayant une balle dans le corps, j'allai me cacher dans un bois avec le seul compagnon qui me restât. Je m'évanouis en descendant de cheval, et je crus que j'allais crever dans les broussailles comme un lièvre qui a reçu du plomb. Mon camarade me porta dans une grotte que nous connaissions, puis il alla chercher Carmen. Elle était à Grenade, et aussitôt elle accourut. Pendant quinze jours, elle ne me quitta pas d'un instant. Elle ne ferma pas l'œil; elle me soigna avec une adresse et des attentions que jamais femme n'a eues pour l'homme le plus aimé.

гибралтарскую шутку. Несмотря на уговоры Данкайре, я поехал и прибыл в Малагу среди дня. Я разыскал Кармен и тотчас же увез ее. У нас вышло крупное объяснение.

— Знаешь, — сказала она мне, — с тех пор, как ты стал моим ромом по-настоящему, я люблю тебя меньше, чем когда ты был моим минчоррб. Я не хочу, чтобы меня мучили, а главное, не хочу, чтобы мной командовали. Чего я хочу, так это быть свободной и делать, что мне вздумается. Смотри, не выводи меня из терпения. Если ты мне надоешь, я сыщу какого-нибудь молодчика, который поступит с тобой так же, как ты поступил с Кривым.

Данкайре нас помирил; но то, что мы друг другу наговорили, легло нам на сердце, и что-то между нами изменилось. Вскоре затем с нами случилась беда. Нас настигли солдаты. Данкайре был убит и с ним два моих товарища; двух других забрали. Я же был тяжело ранен и, если бы не мой добрый конь, попался бы в руки солдатам. Падая от усталости, с пульей в теле, я скрылся в лесу вдвоем с уцелевшим товарищем. Слезая с коня, я лишился чувств и думал уже, что подохну в кустах, как подстреленный заяц. Товарищ снес меня в знакомую нам пещеру, потом отправился за Кармен. Она была в Гранаде и тотчас же приехала. Целых две недели она не отходила от меня ни на шаг. Она глаз не сомкнула; она ухаживала за мной с такой ловкостью и с таким вниманием, как не ухаживала ни одна женщина за самым любимым человеком.

Dès que je pus me tenir sur mes jambes, elle me mena à Grenade dans le plus grand secret. Les bohémiennes trouvent partout des asiles sûrs, et je passai plus de six semaines dans une maison, à deux portes du corrégidor qui me cherchait. Plus d'une fois, regardant derrière un volet, je le vis passer. Enfin je me rétablis; mais j'avais fait bien des réflexions sur mon lit de douleur, et je projetais de changer de vie. Je parlai à Carmen de quitter l'Espagne, et de chercher à vivre honnêtement dans le Nouveau-Monde. Elle se moqua de moi.

— Nous ne sommes pas faits pour planter des choux, dit-elle; notre destin, à nous, c'est de vivre aux dépens des payllos. Tiens, j'ai arrangé une affaire avec Nathan ben-Joseph de Gibraltar. Il a des cotonnades qui n'attendent que toi pour passer. Il sait que tu es vivant. Il compte sur toi. Que diraient nos correspondants de Gibraltar, si tu leur manquais de parole?

Je me laissai entraîner, et je repris mon vilain commerce.

Pendant que j'étais caché à Grenade, il y eut des courses de taureaux où Carmen alla. En revenant, elle parla beaucoup d'un picador très adroit nommé Lucas. Elle savait le nom de son cheval, et combien lui coûtait sa veste brodée. Je n'y fis pas attention. Juanito, le camarade qui m'était resté, me dit, quelques jours après, qu'il avait vu Carmen avec Lucas chez un marchand du Zacatin. Cela commença à m'alarmer. Je demandai à Carmen comment et pourquoi elle avait fait connaissance avec le picador.

Как только я смог держаться на ногах, она в величайшей тайне отвезла меня в Гранаду. У цыганаков всюду есть верные убежища, и я больше полутора месяцев прожил под самым боком у коррехидора, который меня разыскивал. Несколько раз, глядя сквозь ставни, я видел его идущим по улице. Наконец я поправился; но я многое передумал на ложе болезни и решил переменить образ жизни. Я предложил Кармен покинуть Испанию и постараться зажить честно в Новом Свете. Она подняла меня на смех.

— Мы не созданы сажать капусту, — сказала она, — наш удел — жить за счет пайльо. Кстати, я устроила одно дело с Натаном бен-Юсуфом в Гибралтаре. У него есть бумажная материя, которая только тебя и ждет, чтобы переправиться. Он знает, что ты жив. Он на тебя рассчитывает. Что скажут наши гибралтарские корреспонденты, если ты изменишь своему слову?

Я дал себя увлечь и снова принялся за свой гадкий промысел.

Пока я прятался в Гранаде, там происходил бой быков, и Кармен на нем была. Вернувшись, она много говорила об одном очень ловком пикадоре, по имени Лукас. Она знала, как зовут его лошадь и во что ему обошлась его расшитая куртка. Я не придавал этому значения. Несколько дней спустя Хуанито, мой уцелевший товарищ, рассказал мне, что он видел Кармен и Лукаса у одного торговца на Сакаutine. Это нарушило мое спокойствие. Я спросил Кармен, как и почему она познакомилась с этим пикадором,

— C'est un garçon, me dit-elle, avec qui on peut faire une affaire. Rivière qui fait du bruit a de l'eau ou des cailloux.¹ Il a gagné 1200 réaux aux courses. De deux choses l'une: ou bien il faut avoir cet argent; ou bien, comme c'est un bon cavalier et un gaillard de cœur, on peut l'enrôler dans notre bande. Un tel et un tel sont morts, tu as besoin de les remplacer. Prends-le avec toi.

— Je ne veux, répondis-je, ni de son argent, ni de sa personne, et je te défends de lui parler.

— Prends garde, me dit-elle; lorsqu'on me défie de faire une chose, elle est bientôt faite!

Heureusement, le picador partit pour Malaga, et moi, je me mis en devoir de faire entrer les cotonnades du juif. J'eus fort à faire dans cette expédition-là, Carmen aussi, et j'oubliai Lucas; peut-être aussi l'oublia-t-elle, pour le moment du moins. C'est vers ce temps, monsieur, que je vous rencontrai d'abord près de Montilla, puis après à Cordoue. Je ne vous parlerai pas de notre dernière entrevue. Vous en savez peut-être plus long que moi. Carmen vous vola votre montre; elle voulait encore votre argent, et surtout cette bague que je vois à votre doigt, et qui, dit-elle, est un anneau magique qu'il lui importait beaucoup de posséder. Nous eûmes une violente dispute, et je la frappai. Elle pâlit et pleura. C'était la première fois que je la voyais pleurer,

¹

*Len sos sonsi abela
Pani o reblendani terela.*

Proverbe bohémien.

— Это малый, с которым можно сделать дело, — отвечала она. — Если река шумит, то в ней либо вода либо камни.¹ Он заработал на боях тысячу двести реалов. Одно из двух: или эти деньги надо забрать; или же, так как это хороший всадник и человек смелый, его можно завербовать в нашу шайку. Такие-то умерли, тебе надо их заменить. Возьми его к себе.

— Я не желаю, — сказал я, — ни его денег, ни его самого, и запрещаю тебе с ним разговаривать.

— Берегись, — отвечала она. — Когда меня дразнят, я делаю назло!

К счастью, пикадор уехал в Малагу, а я занялся переправкой бумажной материи этого жида. Эта экспедиция стоила мне немалых хлопот, Кармен тоже, и я забыл про Лúкаса; возможно, что и она про него забыла, если и не совсем, то на время. В эту-то пору, сеньор, я и встретился с вами, сперва близ Монтильи, а потом в Кордове. Вы об этом знаете, может быть, даже больше моего. Кармен украла у вас часы; она хотела еще и ваши деньги и, в особенности, это кольцо, что у вас на руке; она говорила, что это волшебный перстень и что ей очень важно его получить. Мы сильно испугались, и я ее ударил. Она побледнела и заплакала. Я в первый раз видел ее плачущей,

1

*Len sos sonsi abela
Pani o reblendani terela.*

Цыганская пословица.

et cela me fit un effet terrible. Je lui demandai pardon, mais elle me bouda pendant tout un jour, et, quand je repartis pour Montilla, elle ne voulut pas m'embrasser. J'avais le cœur gros, lorsque, trois jours après, elle vint me trouver l'air riant et gaie comme pinson. Tout était oublié, et nous avions l'air d'amoureux de deux jours. Au moment de nous séparer, elle me dit :

— Il y a une fête à Cordoue, je veux la voir, puis je saurai les gens qui s'en vont avec de l'argent, et je te le dirai.

Je la laissai partir. Seul, je pensai à cette fête et à ce changement d'humeur de Carmen. „Il faut qu'elle se soit vengée déjà, me dis-je, puisqu'elle est revenue la première”. Un paysan me dit qu'il y avait des taureaux à Cordoue. Voilà mon sang qui bouillonne, et, comme un fou, je pars, et je vais à la place. On me montra Lucas, et, sur le banc contre la barrière, je reconnus Carmen. Il me suffit de la voir une minute pour être sûr de mon fait. Lucas, au premier taureau, fit le joli cœur, comme je l'avais prévu. Il arracha la cocarde¹ du taureau et la porta à Carmen, qui s'en coiffa sur-le-champ. Le taureau se chargea de me venger. Lucas fut culbuté avec son cheval sur la poitrine, et le taureau par-dessus tous les deux. Je regardai

¹ *La divisa*, nœud de rubans dont la couleur indique les pâturages d'où viennent les taureaux. Ce nœud est fixé dans la peau du taureau au moyen d'un crochet, et c'est le comble de la galanterie que de l'arracher à l'animal vivant, pour l'offrir à une femme, .

и это произвело на меня ужасное впечатление. Я просил у нее прощения, но она дулась на меня целый день и, когда я опять уезжал в Монтилью, не захотела меня поцеловать. Мне было очень тяжело, но три дня спустя она вдруг ко мне приехала с радостным лицом и веселая, как птичка. Все было забыто, и нас можно было принять за влюбленных со вчерашнего дня. Прощаясь со мной, она сказала:

— В Кордове праздник, я хочу туда съездить, там узнаю, кто возвращается с деньгами, и тебе скажу.

Я ее отпустил. Оставшись один, я стал думать об этом празднике и о перемене в настроении Кармен. „Она, вероятно, уже отомстила, — сказал я себе, — раз сама вернулась“. От крестьянина я узнал, что в Кордове бой быков. Кровь во мне вскипает, я скачу, как сумасшедший, и приезжаю на место. Мне показали Лúкаса, а на скамье у барьера я узнал Кармен. Мне достаточно было посмотреть на нее минуту, чтобы у меня не осталось никаких сомнений. Когда вышел первый бык, Лúкас, как я и предвидел, изобразил любезного кавалера. Он сорвал у быка кокарду ¹ и поднес ее Кармен, а та тут же ее приколола к волосам. Бык взялся отомстить за меня. Лúкас вместе с лошастью свалился ничком, а бык на них. Я стал

¹ *La divisa* — бант, цвет которого обозначает, с какого пастбища бык. Бант этот прикрепляется к шкуре быка крючком, и верхом галантности является сорвать его у живого зверя и поднести женщине.

Carmen, elle n'était déjà plus à sa place. Il m'était impossible de sortir de celle où j'étais, et je fus obligé d'attendre la fin des courses. Alors j'allai à la maison que vous connaissez, et je m'y tins coi toute la soirée et une partie de la nuit. Vers deux heures du matin Carmen revint, et fut un peu surprise de me voir.

— Viens avec moi, lui dis-je.

— Eh bien! dit-elle, partons!

J'allai prendre mon cheval, je la mis en croupe, et nous marchâmes tout le reste de la nuit sans nous dire un seul mot. Nous nous arrê tâmes au jour dans une venta isolée, assez près d'un petit ermitage. Là je dis à Carmen:

— Écoute, j'oublie tout. Je ne te parlerai de rien; mais jure-moi une chose: c'est que tu vas me suivre en Amérique, et que tu t'y tiendras tranquille.

— Non, dit-elle d'un ton boudeur, je ne veux pas aller en Amérique. Je me trouve bien ici.

— C'est parce que tu es près de Lucas; mais songes-y bien, s'il guérit, ce ne sera pas pour faire de vieux os. Au reste, pourquoi m'en prendre à lui? Je suis las de tuer tous tes amants; c'est toi que je tuerais.

Elle me regarda fixement de son regard sauvage, et me dit:

— J'ai toujours pensé que tu me tuerais. La première fois que je t'ai vu, je venais de rencontrer un prêtre à la porte de ma maison. Et cette nuit, en sortant de Cordoue, n'as-tu rien vu? Un lièvre a traversé le chemin entre les pieds de ton cheval. C'est écrit.

чскать глазами Кармен, ее уже не было. Я был лишен возможности выбраться со своего места и должен был дожидаться окончания боя. Потом я отправился в тот дом, который вы знаете, и просидел там тихо весь вечер и часть ночи. Часам к двум утра вернулась Кармен и была немного удивлена, увидев меня.

— Ступай со мной, — сказал я ей.

— Что ж, едем! — отвечала она.

Я пошел за своим конем, посадил ее позади себя, и так мы ехали всю ночь, не сказав друг другу ни слова. К утру мы остановились в глухой венте, поблизости от небольшого скита. Тут я сказал Кармен:

— Послушай, я забуду все. Я ничего тебе не скажу; но обещаю мне одно: уехать со мной в Америку и сидеть там спокойно.

— Нет, — отвечала она сердито, — я не хочу в Америку. Мне и здесь хорошо.

— Это потому, что здесь ты с Лукасом; но ты помни: если он поправится, то долго не протянет. Да, впрочем, охота мне возиться с ним? Мне надоело убивать твоих любовников; я убью тебя.

Она пристально посмотрела на меня своим диким взглядом и сказала:

— Я всегда думала, что ты меня убьешь. В тот день, когда я тебя в первый раз увидела, я как раз, выходя из дому, повстречалась со священником. А сегодня ночью, когда мы выезжали из Кордовы, ты ничего не заметил? Заяц перебежал дорогу между копыт у твоей лошади. Это судьба.

— Carmencita, lui demandai-je, est-ce que tu ne m'aimes plus?

Elle ne répondit rien. Elle était assise les jambes croisées sur une natte et faisait des traits par terre avec son doigt.

— Changeons de vie, Carmen, lui dis-je d'un ton suppliant. Allons vivre quelque part où nous ne serons jamais séparés. Tu sais que nous avons, pas loin d'ici, sous un chêne, cent vingt onces enterrées... Puis, nous avons des fonds encore chez le juif ben-Joseph.

Elle se mit à sourire, et me dit:

— Moi d'abord, toi ensuite. Je sais bien que cela doit arriver ainsi.

— Réfléchis, repris-je; je suis au bout de ma patience et de mon courage; prends ton parti ou je prendrai le mien.

Je la quittai et j'allai me promener du côté de l'ermitage. Je trouvai l'ermite qui priait. J'attendis que sa prière fut finie; j'aurais bien voulu prier, mais je ne pouvais pas. Quand il se releva, j'allai à lui.

— Mon père, lui dis-je, voulez-vous prier pour quelqu'un qui est en grand péril?

— Je prie pour tous les affligés, dit-il.

— Pouvez-vous dire une messe pour une âme qui va peut-être paraître devant son Créateur?

— Oui, répondit-il en me regardant fixement.

Et, comme il y avait dans mon air quelque chose d'étrange, il voulut me faire parler;

— Карменсита, — спросил я ее, — ты меня больше не любишь?

Она ничего не ответила. Она сидела, скрестив ноги, на рогоже и чертила пальцем по земле.

— Давай жить по-другому, Кармен, — сказал я ей умоляющим голосом. — Поселимся где-нибудь, где нас ничто уже не разлучит. Ты же знаешь, что у нас, недалеко отсюда, под дубом зарыто сто двадцать унций... Потом еще у жида бен-Юсуфа есть наши деньги.

Она улыбнулась и сказала:

— Сначала я, потом ты. Я знаю, что так должно случиться.

— Подумай, — продолжал я, — я теряю и терпение и мужество; решайся, или я решу по-своему.

Я ушел от нее и направился в сторону скита. Отшельника я застал за молитвой. Я подождал, пока он кончит; я бы рад был молиться, но не мог. Когда он встал с колен, я подошел к нему.

— Отец мой, — обратился я к нему, — не помолитесь ли вы за человека, который находится в большой опасности?

— Я молюсь за всех скорбящих, — сказал он.

— Не могли ли бы вы отслужить обедню о душе, которая, быть может, скоро предстанет перед своим создателем?

— Да, — ответил он, пристально глядя на меня.

И так как в лице у меня было, должно быть, что-то странное, ему хотелось, чтобы я разговорился.

— Il me semble que je vous ai déjà vu, dit-il.
Je mis une piastre sur son banc.

— Quand direz-vous la messe? lui demandai-je.

— Dans une demi-heure. Le fils de l'aubergiste de là-bas va venir la servir. Dites-moi, jeune homme, n'avez-vous pas quelque chose sur la conscience qui vous tourmente? voulez-vous écouter les conseils d'un chrétien?

Je me sentais près de pleurer. Je lui dis que je reviendrais, et je me sauvai. J'allai me coucher sur l'herbe jusqu'à ce que j'entendisse la cloche. Alors je m'approchai, mais je restai en dehors de la chapelle. Quand la messe fut dite, je retournai à la venta. J'espérais que Carmen se serait enfuie; elle aurait pu prendre mon cheval et se sauver... mais je la retrouvai. Elle ne voulait pas qu'on pût dire que je lui avais fait peur. Pendant mon absence, elle avait défait l'ourlet de sa robe pour en retirer le plomb. Maintenant, elle était devant une table, regardant dans une terrine pleine d'eau le plomb qu'elle avait fait fondre, et qu'elle venait d'y jeter. Elle était si occupée de sa magie qu'elle ne s'aperçut pas d'abord de mon retour. Tantôt elle prenait un morceau de plomb et le tournait de tous les côtés d'un air triste, tantôt elle chantait quelqueune de ces chansons magiques où elles invoquent Marie Padilla, la maîtresse de don Pedro, qui fut, dit-on, la *Bari Crallisa*, ou la grande reine des bohémiens.¹

¹ On a accusé Marie Padilla d'avoir ensorcelé le roi don Pèdre. Une tradition populaire rapporte qu'elle avait

— Я как будто вас где-то встречал, — сказал он.

Я положил ему на скамью пиастр.

— Когда вы будете служить обедню? — спросил я.

— Через полчаса. Сын соседнего трактирщика придет прислуживать. Скажите мне, молодой человек, нет ли у вас чего-нибудь на совести, что вас мучит? Не послушаете ли вы советов христианина?

Я готов был заплакать. Я сказал ему, что вернусь, и поспешил уйти. Я прилег на траву и лежал, пока не зазвонил колокол. Тогда я вернулся, но остался стоять возле часовни. Когда обедня кончилась, я пошел к венте. Я надеялся, что Кармен сбежит; она могла взять моего коня и ускакать... но она оказалась тут. Ей не хотелось, чтобы могли подумывать, будто она меня испугалась. Пока я ухотил, она распоролла подол платья и вынула оттуда свинец. Теперь она сидела у стола и глядела в миску с водой, куда вылила растопленный свинец. Она была так поглощена своей ворожкой, что не заметила, как я вошел. Она то брала кусок свинца и с печальным видом поворачивала его во все стороны, то напевала какую-нибудь колдовскую песню, где они призывают Марию Падилю, возлюбленную дон Педро, которая, говорят, была *Бари Кральиса*, или великая цыганская царица. ¹

¹ Марию Падилю обвиняли в том, что она будто бы околдовала короля дон Педро. Народное предание

— Carmen, lui dis-je, voulez-vous venir avec moi?

Elle se leva, jeta sa sébile, et mit sa mantille sur sa tête comme prête à partir. On m'amena mon cheval, elle monta en croupe et nous nous éloignâmes.

— Ainsi, lui dis-je, ma Carmen, après un bout de chemin, tu veux bien me suivre, n'est-ce pas?

— Je te suis à la mort, oui, mais je ne vivrai plus avec toi.

Nous étions dans une gorge solitaire; j'arrêtai mon cheval.

— Est-ce ici? dit-elle. Et d'un bond elle fut à terre. Elle ôta sa mantille, la jeta à ses pieds, et se tint immobile un poing sur la hanche, me regardant fixement.

— Tu veux me tuer, je le vois bien, dit-elle; c'est écrit, mais tu ne me feras pas céder.

— Je t'en prie, lui dis-je, sois raisonnable. Écoute-moi! tout le passé est oublié. Pourtant, tu le sais, c'est toi qui m'as perdu; c'est pour toi que je suis devenu un voleur et un meurtrier. Carmen! ma Carmen! laisse-moi te sauver et me sauver avec toi.

— José, répondit-elle, tu me demandes l'impossible. Je ne t'aime plus; toi, tu m'aimes encore, et c'est pour cela que tu veux me tuer. Je pourrais bien encore te faire quelque mensonge;

fait présent à la reine Blanche de Bourbon d'une ceinture d'or, qui parut aux yeux fascinés du roi comme un serpent vivant. De là la répugnance qu'il montra toujours pour la malheureuse princesse.

— Кармен, — сказал я ей, — вы идете со мной?

Она встала, бросила свою миску и накинула на голову мантилью, словно собираясь в путь. Мне подали коня, она села на круп, и мы поехали.

— Так значит, моя Кармен, — сказал я ей, когда мы проехали немного, — ты хочешь быть со мною, да?

— Я буду с тобою до смерти, да, но жить с тобой я не буду.

Мы были в пустынном ущелье; я остановил коня.

— Это здесь? — сказала она и соскочила на землю. Она сняла мантилью, уронила ее к ногам и стояла подбочась, смотря на меня в упор.

— Ты хочешь меня убить, я это знаю, — сказала она. — Такова судьба, но я не уступлю.

— Я тебя прошу, — сказал я ей, — образумься. Послушай! Все прошлое позабыто. А между тем, ты же знаешь, это ты меня погубила; ради тебя я стал вором и убийцей. Кармен! Моя Кармен! Дай мне спасти тебя и самому спастись с тобой.

— Хосé, — отвечала она, — ты требуешь от меня невозможного. Я тебя больше не люблю; а ты меня еще любишь и поэтому хочешь убить меня. Я бы могла опять солгать тебе;

повествует, будто она подарила королеве Бланке Бурбонской золотой пояс, показавшийся очарованным глазам короля живой змеей. Этим объясняется отвращение, которое он всегда питал к несчастной государыне.

mais je ne veux pas m'en donner la peine. Tout est fini entre nous. Comme mon rom, tu as le droit de tuer ta romi; mais Carmen sera toujours libre. Calli elle est née, calli elle moura.

— Tu aimes donc Lucas? lui demandai-je.

— Oui, je l'ai aimé, comme toi, un instant, moins que toi peut-être. A présent, je n'aime plus rien, et je me hais pour t'avoir aimé.

Je me jetai à ses pieds, je lui pris les mains, je les arrosai de mes larmes. Je lui rappelai tous les moments de bonheur que nous avions passés ensemble. Je lui offris de rester brigand pour lui plaire. Tout, monsieur, tout; je lui offris tout, pourvu qu'elle voulût m'aimer encore!

Elle me dit:

— T'aimer encore, c'est impossible. Vivre avec toi, je ne le veux pas.

La fureur me possédait. Je tirai mon couteau. J'aurais voulu qu'elle eût peur et me demandât grâce, mais cette femme était un démon.

— Pour la dernière fois, m'écriai-je, veux-tu rester avec moi?

— Non! non! non! dit-elle en frappant du pied, et elle tira de son doigt une bague que je lui avais donnée, et la jeta dans les broussailles.

Je la frappai deux fois. C'était le couteau du Borgne que j'avais pris, ayant cassé le mien. Elle tomba au second coup sans crier. Je crois encore voir son grand œil noir me regarder fixement; puis il devint trouble et se ferma. Je restai anéanti une bonne heure assis devant ce cadavre. Puis, je me rappelai que Carmen m'avait dit

но мне лень это делать. Между нами все кончено. Как мой ром, ты вправе убить свою роми; но Кармен будет всегда свободна. Кальи она родилась и кальи умрет.

— Так ты любишь Лукаса? — спросил я ее.

— Да, я его любила, как и тебя, одну минуту; быть может, меньше, чем тебя. Теперь я ничего больше не люблю и ненавижу себя за то, что любила тебя.

Я упал к ее ногам, я взял ее за руки, я орошал их слезами. Я говорил ей о всех тех счастливых минутах, что мы прожили вместе. Я предлагал ей, что останусь разбойником, если она этого хочет. Всё, сеньор, всё, я предлагал ей всё, лишь бы она меня еще любила!

Она мне сказала:

— Еще любить тебя — я не могу. Жить с тобой — я не хочу.

Ярость обуяла меня. Я выхватил нож. Мне хотелось, чтобы она испугалась и просила пощады, но эта женщина была демон.

— В последний раз, — крикнул я, — останешься ты со мной?

— Нет! Нет! Нет! — сказала она, топая ногой, сняла с пальца кольцо, которое я ей подарил, и швырнула его в кусты.

Я ударил ее два раза. Это был нож Кривого, который я взял себе, сломав свой. От второго удара она упала, не крикнув. Я как сейчас вижу ее большой черный глаз, уставившийся на меня; потом он помутнел и закрылся. Я целый час просидел над этим трупом, уничтоженный. Потом я вспомнил, как Кармен мне

souvent qu'elle aimerait à être enterrée dans un bois. Je lui creusai une fosse avec mon couteau, et je l'y déposai. Je cherchai longtemps sa bague, et je la trouvai à la fin. Je la mis dans la fosse auprès d'elle, avec une petite croix. Peut-être ai-je eu tort. Ensuite je montai sur mon cheval, je galopai jusqu'à Cordoue, et au premier corps-de-garde je me fis connaître. J'ai dit que j'avais tué Carmen; mais je n'ai pas voulu dire où était son corps. L'ermite était un saint homme. Il a prié pour elle! Il a dit une messe pour son âme..... Pauvre enfant! Ce sont les *Calés* qui sont coupables pour l'avoir élevée ainsi.

говорила не раз, что хотела бы быть похороненной в лесу. Я вырыл ей могилу ножом и опустил ее туда. Я долго искал ее кольцо и наконец нашел. Я положил его в могилу рядом с ней, вместе с маленьким крестиком. Может быть, этого не следовало делать. Затем я сел на коня, поскакал в Кордову и у первой же кордегардии назвал себя. Я сказал, что убил Кармен; но не желал говорить, где ее тело. Отшельник был святой человек. Он помолился за нее! Он отслужил обедню за упокой ее души... Бедное дитя! Это кале виноваты в том, что воспитали ее так.

IV

L'Espagne est un des pays où se trouvent aujourd'hui, en plus grand nombre encore, ces nomades dispersés dans toute l'Europe, et connus sous les noms de *Bohémiens*, *Gitanos*, *Gypsies*, *Zigeuner*, etc. La plupart demeurent, ou plutôt mènent une vie errante dans les provinces du Sud et de l'Est, en Andalousie, en Estramadure, dans le royaume de Murcie; il y en a beaucoup en Catalogne. Ces derniers passent souvent en France. On en rencontre dans toutes nos foires du Midi. D'ordinaire, les hommes exercent les métiers de maquignon, de vétérinaire et de tondeur de mulets; ils y joignent l'industrie de raccommoder les poêlons et les instruments de cuivre, sans parler de la contrebande et autres pratiques illicites. Les femmes disent la bonne aventure, mendient et vendent toutes sortes de drogues innocentes ou non.

Les caractères physiques des Bohémiens sont plus faciles à distinguer qu'à décrire, et lorsqu'on en a vu un seul, on reconnaîtrait entre mille un individu de cette race. La physionomie, l'expression, voilà surtout ce qui les sépare des peuples

IV

Испания принадлежит к тем странам, где в наши дни особенно часто встречаются эти рассеянные по всей Европе кочевники, известные под именем цыган, *Bohémiens, Gitanos, Gypsies, Zigeuner* и т. д. Большинство обитает или, вернее, ведет бродячую жизнь в южных и восточных провинциях, в Андалузии, в Эстремадуре, в королевстве Мурсии; много их в Каталонии. Отсюда они нередко заходят во Францию. Их можно видеть на всех наших южных ярмарках. Мужчины, обыкновенно, промышляют барышничеством, коновальством, стрижкой мулов; занимаются также починкой медной посуды и инструментов, не говоря уже о контрабанде и других недозволенных промыслах. Женщины гадают, попрошайничают и торгуют всякого рода снадобьями, иногда безвредными, а иногда и нет.

Физические особенности цыган легче заметить, нежели описать, и если видел одного, то среди тысячи людей узнаешь представителя этой расы. Физиономия, выражение, вот что главным образом отличает их от других

qui habitent le même pays. Leur teint est très basané, toujours plus foncé que celui des populations parmi lesquelles ils vivent. De là le nom de *Calés*, les noirs, par lequel ils se désignent souvent.¹ Leurs yeux sensiblement obliques, bien fendus, très noirs, sont ombragés par des cils longs et épais. On ne peut comparer leur regard qu'à celui d'une bête fauve. L'audace et la timidité s'y peignent tout à la fois, et sous ce rapport leurs yeux révèlent assez bien le caractère de la nation, rusée, hardie, mais craignant *naturellement les coups* comme Panurge. Pour la plupart les hommes sont bien découplés, sveltes, agiles; je ne crois pas en avoir jamais vu un seul chargé d'embonpoint. En Allemagne, les Bohémiennes sont souvent très jolies; la beauté est fort rare parmi les gitanas d'Espagne. Très jeunes elles peuvent passer pour des laiderons agréables; mais une fois qu'elles sont mères, elles deviennent repoussantes. La saleté des deux sexes est incroyable, et qui n'a pas vu les cheveux d'une matrone bohémienne s'en fera difficilement une idée, même en se représentant les crins les plus rudes, les plus gras, les plus poudreux. Dans quelques grandes villes d'Andalousie, certaines jeunes filles un peu plus agréables que les autres, prennent plus de soin de leur personne. Celles-là vont danser pour de l'argent, des danses qui ressemblent fort à celles que l'on interdit dans

¹ Il m'a semblé que les Bohémiens allemands, bien qu'ils comprennent parfaitement le mot *Calés* n'aimaient point à être appelés de la sorte. [Ils s'appellent entre eux *Romané tchavé*. — Ed. 1852.]

народов, населяющих ту же страну. Цвет кожи у них очень смуглый, всегда более темный, чем у народностей, меж которых они живут. Отсюда имя *кале*, черные, которым они нередко себя обозначают.¹ Глаза их, явно раскосые, с красивым вырезом, очень черные, осенены длинными и густыми ресницами. Взгляд их можно сравнить лишь со взглядом хищного зверя. В нем соединяются отвага и робость, и в этом отношении глаза их довольно верно выражают характер этой нации, хитрой, смелой, но *естественно боящейся побогов*, как Панург. Мужчины по большей части хорошо сложены, стройны, подвижны; я не помню, чтобы когда-либо видел среди них хоть одного, который был бы тучен. В Германии цыганки часто очень красивы; среди испанских хитан красота — большая редкость. В ранней юности, они еще могут сойти за приятных дурнушек; но став матерями, они делаются отталкивающими. Нечистоплотность и мужчин и женщин невероятна, и кто не видел волос цыганской матроны, тому трудно себе их представить, даже рисуя себе самые жесткие, самые жирные и самые пыльные космы. Кое-где, в больших городах Андалузии, некоторые молодые девушки, милевиднее остальных, проявляют больше внимания к своей внешности. Они танцуют за плату, исполняя танцы, весьма похожие на те, что у нас запрещаются на

¹ Я заметил, что немецкие цыгане, хоть и отлично понимают слово „кале“, не любят, когда их так называют. Сами себя они зовут „романэ чавэ“.

nos bals publics du carnaval. M. Borrow, missionnaire anglais, auteur de deux ouvrages fort intéressants sur les Bohémiens d'Espagne qu'il avait entrepris de convertir, aux frais de la Société Biblique, assure qu'il est sans exemple qu'une gitana ait jamais eu quelque faiblesse pour un homme étranger à sa race. Il me semble qu'il y a beaucoup d'exagération dans les éloges qu'il accorde à leur chasteté. D'abord, le plus grand nombre est dans le cas de la laide d'Ovide: *Casta quam nemo rogavit*. Quant aux jolies, elles sont comme toutes les Espagnoles, difficiles dans le choix de leurs amants. Il faut leur plaire, il faut les mériter. M. Borrow cite comme preuve de leur vertu un trait qui fait honneur à la sienne, surtout à sa naïveté. Un homme immoral de sa connaissance offrit, dit-il, inutilement plusieurs onces à une jolie gitana. Un Andaloux, à qui je racontai cette anecdote, prétendit que cet homme immoral aurait eu plus de succès en montrant deux ou trois piastres, et qu'offrir des onces d'or à une Bohémienne, était un aussi mauvais moyen de persuader, que de promettre un million ou deux à une fille d'auberge. — Quoiqu'il en soit, il est certain que les gitanas montrent à leurs maris un dévouement extraordinaire. Il n'y a pas de danger ni de misères qu'elles ne bravent pour les secourir en leurs nécessités. Un des noms que se donnent les Bohémiens, *Romé* ou les *époux*, me paraît attester le respect de la race pour l'état de mariage. En général on peut

публичных балах во время карнавала. Мистер Борроу, миссионер-англичанин, автор двух преинтересных сочинений об испанских цыганах, коих он задумал обратить в христианство иждивением Библейского общества, утверждает, что не было случая, чтобы хитана была неравнодушна к иноплеменнику. На мой взгляд, в его похвалах их целомудрию многое преувеличено. Во-первых, большинство из них находится в положении Овидиевой некрасивой женщины: *Casta quam nemo rogavit*.¹ Что же касается красивых, то они, как все испанки, привередливы в выборе возлюбленных. Им нужно понравиться, их нужно заслужить. Мистер Борроу приводит в доказательство их добродетели случай, делающий честь его собственной добродетели и, прежде всего, его наивности. Один его безнравственный знакомый тщетно предлагал, по его словам, несколько унций некоей красивой хитане. Андалузец, которому я рассказал этот анекдот, заметил, что этот безнравственный человек имел бы больше успеха, если бы показал два-три пиастра, и что предлагать цыганке золотые унции — столь же мало убедительный способ, как обещать миллион или два миллиона трактирной служанке. Как бы там ни было, несомненно то, что по отношению к своим мужьям хитаны проявляют необычайное самоотвержение. Нет такой опасности и таких лишений, на которые они бы не пошли, чтобы помочь им в нужде. Одно

¹ Девственница, которой никто не пожелал. — Прим. переводчика.

dire que leur principale vertu est le patriotisme, si l'on peut appeler ainsi la fidélité qu'ils observent dans leurs relations avec les individus de même origine qu'eux, leur empressement à s'entr'aider, le secret inviolable qu'ils se gardent dans les affaires compromettantes. Au reste, dans toutes les associations mystérieuses et en dehors des lois, on observe quelque chose de semblable.

J'ai visité, il y a quelques mois, une horde de Bohémiens établis dans les Vosges. Dans la hutte d'une vieille femme, l'ancienne de sa tribu, il y avait un Bohémien étranger à sa famille, attaqué d'une maladie mortelle. Cet homme avait quitté un hôpital où il était bien soigné, pour aller mourir au milieu de ses compatriotes. Depuis treize semaines il était alité chez ses hôtes, et beaucoup mieux traité que les fils et les gendres qui vivaient dans la même maison. Il avait un bon lit de paille et de mousse avec des draps assez blancs, tandis que le reste de la famille, au nombre de onze personnes, couchaient sur des planches longues de trois pieds. Voilà pour leur hospitalité. La même femme, si humaine pour son hôte, me disait devant le malade: *Singo, singo, homte hi mulo*. Dans peu, dans peu, il faut qu'il meure. Après tout, la vie de ces gens est si misérable, que l'annonce de la mort n'a rien d'effrayant pour eux.

Un trait remarquable de caractère des Bohémiens, c'est leur indifférence en matière de religion; non qu'ils soient esprits forts ou scep-

из имен, которым называют себя цыгане, *ромэ*, или *мужья*, свидетельствует, по-моему, о том уважении, какое они питают к супружеству. В общем можно сказать, что главное их достоинство — это патриотизм, если можно назвать патриотизмом верность, которую они соблюдают по отношению к своим единоплеменникам, их готовность помочь друг другу, нерушимость тайны, которую они связаны в компрометирующих делах. Впрочем, нечто подобное наблюдается во всех подпольных и незаконных обществах.

Несколько месяцев тому назад я побывал в цыганском таборе, расположившемся в Вогезах. У одной старухи, старейшины их племени, в шатре лежал при смерти чужой ее семье цыган. Этот человек выписался из больницы, где пользовался хорошим уходом, чтобы умереть среди соотечественников. Он уже тринадцать недель лежал у своих хозяев, и к нему относились с большим вниманием, нежели к сыновьям и зятьям, жившим под тем же кровом. У него была мягкая постель из соломы и мха, с довольно чистым бельем, тогда как остальная семья, числом одиннадцать человек, спала на досках в три фута длиной. Вот каково их гостеприимство. Эта же старуха, такая человеческая к своему гостю, говорила мне при больном: *Singo, singo, homte hi mulo*. Скоро, скоро ему придется умереть. В конце концов, жизнь этих людей так жалка, что весть о смерти не страшит их нисколько.

Примечательной чертой характера цыган является их равнодушие к вопросам веры. Не то, чтобы это были вольнодумцы или скеп-

tiques. Jamais ils n'ont fait profession d'athéisme. Loin de là, la religion du pays qu'ils habitent est la leur; mais ils en changent en changeant de patrie. Les superstitions qui, chez les peuples grossiers remplacent les sentiments religieux, leur sont également étrangères. Le moyen, en effet, que des superstitions existent chez des gens qui vivent le plus souvent de la crédulité des autres? Cependant, j'ai remarqué chez les Bohémiens espagnols une horreur singulière pour le contact d'un cadavre. Il y en a peu qui consentiraient pour de l'argent à porter un mort au cimetière.

J'ai dit que la plupart des Bohémiennes se mêlaient de dire la bonne aventure. Elles s'en acquittent fort bien. Mais ce qui est pour elles une source de grands profits, c'est la vente des charmes et des philtres amoureux. Non seulement elles tiennent des pattes de crapauds pour fixer les cœurs volages, ou de la poudre de pierre d'aimant pour se faire aimer des insensibles; mais elles font au besoin des conjurations puissantes qui obligent le diable à leur prêter son secours. L'année dernière, une Espagnole me raconta l'histoire suivante. Elle passait un jour dans la rue d'Alcalà, fort triste et préoccupé; une Bohémienne accroupie sur le trottoir lui cria: „Ma belle dame, votre amant vous a trahi“. C'était la vérité. „Voulez-vous que je vous le fasse revenir?“ On comprend avec quelle joie la proposition fut acceptée, et quelle devait être la confiance inspirée par une personne qui devinait ainsi, d'un coup-d'œil, les secrets intimes du cœur.

тики. Безбожниками они себя никогда не заявляли. Отнюдь; религию той страны, где они живут, они считают своей; но, меняя отечество, они меняют и ее. Суеверие, которое у неразвитых народов занимает место религиозного чувства, также им чуждо. Да и как могло бы существовать суеверие у людей, живущих большей частью за счет чужой легковёрности? Однако я замечал, что испанские цыгане до странности боятся соприкосновения с мертвым телом. Редкий из них согласился бы за деньги снести покойника на кладбище.

Я уже сказал, что большинство цыганок занимается гаданием. По этой части они мастерицы. Но что служит для них источником немалых выгод, так это торговля талисманами и приворотными зельями. У них не только имеются жабы лапы для удержания непостоянных сердец или толченая магнитная руда для пробуждения любви в бесчувственных; при случае, они прибегают к могущественным заговорам, принуждающим дьявола прийти им на помощь. В прошлом году одна испанка рассказала мне такой случай. Однажды она шла по улице Алькала, грустная и озабоченная; сидевшая на тротуаре цыганка окликнула ее: „Красавица, ваш милый вам изменил“. Это была правда. „Хотите, я вам его верну?“ Понятно, с какой радостью это предложение было принято и какое доверие должна была внушить к себе особа, умевшая угадывать с первого же взгляда сокровенные тайны сердца.

Comme il eût été impossible de procéder à des opérations magiques dans la rue la plus fréquentée de Madrid, on convint d'un rendez-vous pour le lendemain. „Rien de plus facile que de ramener l'infidèle à vos pieds, dit la gitana. Auriez-vous un mouchoir, une écharpe, une mantille qu'il vous ait donné?" On lui remit un fichu de soie. „Maintenant, cousez avec de la soie cramoisie, une piastre dans un coin du fichu. — Dans un autre coin cousez une demi-piastre; ici, une piécette; là, une pièce de deux réaux. Puis il faut coudre au milieu une pièce d'or. Un doublon serait le mieux." On coud le doublon et le reste. „A présent, donnez-moi le fichu, je vais le porter au Campo-Santo, à minuit sonnant. Venez avec moi, si vous voulez voir une belle diablerie. Je vous promets que dès demain vous reverrez celui que vous aimez." La Bohémienne partit seule pour le Campo-Santo, car on avait trop peur des diables pour l'accompagner. Je vous laisse à penser si la pauvre amante délaissée a revu son fichu et son infidèle.

Malgré leur misère et l'espèce d'aversion qu'ils inspirent, les Bohémiens jouissent cependant d'une certaine considération parmi les gens peu éclairés, et ils en sont fort vains. Ils se sentent une race supérieure pour l'intelligence et méprisent cordialement le peuple qui leur donne l'hospitalité.

— Les Gentils sont si bêtes, me disait une Bohémienne des Vosges, qu'il n'y a aucun mérite à les attraper. L'autre jour, une paysanne m'appelle

Так как нельзя было приступить к магическим операциям на самой людной улице Мадрида, было назначено свидание на следующий день. „Нет ничего легче, чем вернуть неверного к вашим ногам, — сказала хитана. — Найдется у вас какой-нибудь платок, шарф, мантилья, которые он вам подарил?“ Ей дали шелковую косынку. „Теперь зашейте малиновым шелком в угол косынки пиастр. В другой угол зашейте полпиастра; сюда — песету; сюда — монету в два реала. Потом в середину надо зашить золотой. Лучше всего — дублон“. Зашивают дублон и все прочее. „Теперь дайте мне косынку, я отнесу ее в полночь на Кампо-Санто.¹ Приходите со мной, если хотите видеть изрядную чертовщину. Я вам обещаю, что завтра же вы опять встретитесь с тем, кого любите“. Цыганка отправилась на Кампо-Санто одна, потому что чертей слишком боялись, чтобы ее сопровождать. Я предоставляю вам догадываться, вернулись ли к несчастной покинутой любовнице ее косынка и ее неверный.

Несмотря на свою бедность и на внушаемое ими своего рода отвращение, цыгане все же пользуются известным уважением у необразованных людей и весьма этим гордятся. Они чувствуют свое умственное превосходство и искренне презирают народ, оказывающий им гостеприимство.

— Язычники так глупы, — говорила мне одна вогецкая цыганка, — что нет никакой заслуги в том, чтобы их надуть. Давеча на

¹ Кладбище. — *Прим. переводчика.*

dans la rue, j'entre chez elle. Son poêle fumait, et elle me demande un sort pour le faire aller. Moi, je me fais d'abord donner un bon morceau de lard. Puis, je me mets à marmotter quelques mots en rommani. „Tu es bête, je disais, tu es née bête, bête tu mourras...“ Quand je fus près de la porte, je lui dis en bon allemand: „Le moyen infailible d'empêcher ton poêle de fumer, c'est de n'y pas faire de feu“. Et je pris mes jambes à mon cou.

L'histoire des Bohémiens est encore un problème. On sait à la vérité que leurs premières bandes, fort peu nombreuses, se montrèrent dans l'est de l'Europe, vers le commencement du quinzième siècle; mais on ne peut dire ni d'où ils viennent, ni pourquoi ils sont venus en Europe, et, ce qui est plus extraordinaire, on ignore comment ils se sont multipliés en peu de temps d'une façon si prodigieuse dans plusieurs contrées fort éloignées les unes des autres. Les Bohémiens eux-mêmes n'ont conservé aucune tradition sur leur origine, et si la plupart d'entre eux parlent de l'Égypte comme de leur patrie primitive, c'est qu'ils ont adopté une fable très anciennement répandue sur leur compte.

La plupart des orientalistes qui ont étudié la langue des Bohémiens, croient qu'ils sont originaires de l'Inde. En effet, il paraît qu'un grand nombre de racines et beaucoup de formes grammaticales du rommani se retrouvent dans des idiômes dérivés du sanscrit. On conçoit que dans leurs longues pérégrinations, les Bohémiens ont adopté beaucoup de mots étrangers. Dans tous les dialectes du rommani, on trouve quantité

улице меня подзывает крестьянка, я вхожу к ней. У нее дымит печь, и она просит меня поворожить, чтобы была тяга. Я велю подать себе сперва большой кусок сала. Потом начинаю бормотать на роммани. „Ты дура, — говорю, — дурой родилась, дурой и умрешь...“ Отойдя к двери, я ей сказала по-немецки: „Верное средство, чтобы печь у тебя не дымила, это ее не топить.“ И пустилась наутек.

История цыган все еще представляет загадку. Известно, правда, что первые их толпы, весьма немногочисленные, появились в восточной Европе в начале XV столетия; но неизвестно, ни откуда они пришли, ни почему перекочевали в Европу, и, что еще удивительнее, никто не знает, каким образом они за короткое время так невероятно размножились в ряде весьма отдаленных друг от друга стран. У самих цыган не сохранилось никаких преданий об их происхождении, и если большинство из них называет своей первоначальной родиной Египет, то это потому, что они переняли ходивший о них в давние времена вымысел.

Большинство востоковедов, изучавших язык цыган, полагает, что это выходцы из Индии. И действительно, многие корни и грамматические формы роммани, повидимому, встречаются в наречиях, происшедших от санскрита. Естественно, что в своих долгих скитаниях цыгане усвоили много иностранных слов. Во всех диалектах роммани мы находим немало

de mots grecs. Par exemple: *cocal*, os, de *κόκκαλον*; *petalli*, fer de cheval, de *πέταλον*; *cafi*, clou, de *καρφί*, etc. Aujourd'hui, les Bohémiens ont presque autant de dialectes différents qu'il existe de hordes de leur race séparées les unes des autres.

Partout ils parlent la langue du pays qu'ils habitent plus facilement que leur propre idiôme, dont ils ne font guère usage que pour pouvoir s'entretenir librement devant des étrangers. Si l'on compare le dialecte des Bohémiens de l'Allemagne avec celui des Espagnols, sans communication avec les premiers depuis des siècles, on reconnaît une très grande quantité de mots communs; mais la langue originale, partout, quoi qu'à différents degrés, s'est notablement altérée par le contact des langues plus cultivées, dont ces nomades ont été contraints de faire usage. L'allemand, d'un côté, l'espagnol, de l'autre, ont tellement modifié le fond du rommani, qu'il serait impossible à un Bohémien de la Forêt-Noire de converser avec un de ses frères andalous, bien qu'il lui suffit d'échanger quelques phrases pour reconnaître qu'ils parlent tous les deux un dialecte dérivé du même idiôme. Quelques mots d'un usage très fréquent sont communs, je crois, à tous les dialectes; ainsi, dans tous les vocabulaires que j'ai pu voir: *pani* veut dire de l'eau, *manro*, du pain, *mâs*, de la viande, *lon*, du sel.

Les noms de nombre sont partout à peu près les mêmes. Le dialecte allemand me semble beaucoup plus pur que le dialecte espagnol; car il a conservé nombre de formes grammaticales

слов греческих. Например: *cosal*, кость, от *κόχχαλον*; *petalli*, подкова, от *πέταλον*; *cafi*, гвоздь, от *καρφί* и т. д. В настоящее время у цыган почти столько же различных диалектов, сколько существует отдельных орд их племени.

На языке тех стран, где они живут, они изъясняются с большей легкостью, нежели на своем собственном, которым пользуются лишь для того, чтобы свободно разговаривать друг с другом при посторонних. Сравнивая диалекты немецких и испанских цыган, разобщенных на протяжении нескольких веков, мы обнаружим очень большое число общих слов; но первоначальный язык повсюду, хоть и не в одинаковой степени, значительно видоизменился от соприкосновения с более культурными языками, которыми эти кочевники вынуждены были пользоваться. Немецкий, с одной стороны, испанский — с другой, настолько исказили основу роммани, что шварцвальдский цыган не мог бы беседовать со своим андалузским братом, хотя им достаточно было бы обменяться несколькими фразами, чтобы увидеть, что каждый из них говорит на наречии, происходящем от одного и того же языка. Несколько наиболее употребительных слов общи, мне кажется, всем диалектам; так, во всех словарях, какие мне приходилось видеть, *rapí* значит „вода“, *tanro* — „хлеб“, *mâs* — „мясо“, *lon* — „соль“.

Числительные повсеместно почти одни и те же. Немецкий диалект представляется мне гораздо более чистым, нежели испанский, ибо он сохранил много первоначальных грамматических

primitives, tandis que les gitanos ont adopté celles du Castillan. Pourtant quelques mots font exception pour attester l'ancienne communauté de langage. — Les prétérits du dialecte allemand se forment en ajoutant *ium* à l'impératif qui est toujours la racine du verbe. Les verbes dans le rommani espagnol, se conjuguent tous sur le modèle des verbes castillans de la première conjugaison. De l'infinitif *jamar*, manger, on devrait régulièrement faire *jamé*, j'ai mangé, de *lillar*, prendre, on devrait faire *lillé*, j'ai pris. Cependant quelques vieux Bohémiens disent par exception: *jaion*, *lillon*. Je ne connais pas d'autres verbes qui aient conservé cette forme antique.

Pendant que je fais ainsi étalage de mes minces connaissances dans la langue rommani, je dois noter quelques mots d'argot français que nos voleurs ont empruntés aux Bohémiens. *Les Mystères de Paris* ont appris à la bonne compagnie que *chourin* voulait dire couteau. C'est du rommani pur; *chouri* est un de ces mots communs à tous les dialectes. M. Vidocq appelle un cheval *grès*, c'est encore un mot bohémien *gras*, *gre*, *graste*, *gris*. Ajoutez encore le mot *romanichel* qui dans l'argot parisien désigne les Bohémiens. C'est la corruption de *rommani tchave*, gars Bohémiens. Mais une étymologie dont je suis fier, c'est celle de *frimousse*, mine, visage, mot que tous les écoliers emploient ou employaient de mon temps. Observez d'abord que Oudin, dans son curieux dictionnaire, écrivait en 1640, *firlimouse*. Or, *firla*, *fila* en rommani veut dire

форм; тогда как испанские цыгане усвоили формы кастильского наречия. Однако некоторые слова составляют исключение, свидетельствуя о древней общности языка. В немецком диалекте прошедшее время образуется присоединением *im* к повелительному наклонению, всегда являющемуся основой глагола. В испанском роммани все глаголы спрягаются по образцу кастильских глаголов первого спряжения. От неопределенного наклонения *jamar*, есть, следовало бы, по общему правилу, образовывать *jamé*, я ел, от *lillar*, брать, — *lillé*, я взял. Однако некоторые старые цыгане говорят, в виде исключения: *jaion*, *lillon*. Я не знаю других глаголов, которые сохранили бы эту древнюю форму.

Щеголяя здесь своими скудными познаниями в языке роммани, я должен привести несколько слов из французского аргю, заимствованных нашими ворами у цыган. Из *Парижских тайн* порядочное общество узнало, что *chourin* означает „нож“. Это чистый роммани: *chouri* является одним из тех слов, которые общи всем диалектам. Г. Видок называет лошадь *grès*; это опять-таки цыганское *gras*, *gre*, *graste*, *gris*. Добавьте еще слово *romanichel*, означающее на парижском аргю цыган. Это искажение *rommanitchave*, цыганский человек. Но чем я горжусь, так это словопроизводством *frimousse*, лицо, личико, — слово, которое в ходу у всех школьников или, во всяком случае, было в ходу в мое время. Прежде всего заметьте, что Уден в своем любопытном словаре писал в 1640 году *firlimouse*. А *firla*, *fila* на роммани значит

visage, *mui* a la même signification, c'est exactement *os* des Latins. La combinaison *firlamui* a été sur-le-champ comprise par un Bohémien puriste, et je la crois conforme au génie de sa langue.

En voilà bien assez pour donner aux lecteurs de *Carmen* une idée avantageuse de mes études sur le rommani. Je terminerai par ce proverbe qui vient à propos: *En retudi panda nasti abela macha*. En close bouche, n'entre point mouche.

лицо; *tui* имеет то же значение, оно вполне соответствует латинскому *os*. Цыган-пурист сразу понял сочетание *firlamui*, и я считаю, что оно в духе его языка.

Всего это о, думается мне, достаточно, чтобы дать читателям *Кармен* выгодное представление о моих исследованиях в области роммани. Я закончу пословицей, которая будет здесь кстати: *En retudi panda nasti abela macha*. В рот, закрытый глухо, не залетит муха.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	8— 9
Глава вторая	40— 41
Глава третья	64— 65
Глава четвертая	166—167

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
10	3 сн.	de rocher	du rocher
32	11 св.	volés	volé
66	1 св.	tabacs	tabac
82	4 сн.	s'en fuyant	s'enfuiant

Мериме. Кармен.

Редактор *А. Я. Рейнгард*.
Художественная редакция
Э. А. Орликова
Литературно-техническое
наблюдение *В. В. Чешкина*.
Тех. редактор *Г. А. Гилес*.
Корректор *А. Г. Рабилова*.
Наблюд. на производстве
Г. А. Баткина.

★

Сдана в набор 22. III. 1936.
Подпис. к печати 20/ VII
1936. Вышла в свет IX
1936. Тираж 10500 экз.
Уполномоченный Главлита
№ Б-21553. Индек: А-1.
Издат. № 205. Бумага
72×10¹/₃₂. Учетно-автор-
ских листов 7,0. Печатных
листов 5,87. Заказ № 535.

★

Отпечатана в типографии
«Печатный Двор». Ленин-
град, Гитчинская, 26.

Цена Р. 3.

Переплет Р. 2.

